

Проверено 1961 г.

Проф. А. ГРАДОВСКИЙ.

*от г-на
отдельно*

*Эту рукопись
перепечатаю
рукописи, вышедшие
издательского
по поводу
на парижском
конгрессе в 1905*

© свобода русской печати.

188 г. и 1905 г.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

Книгоиздательство П. П. ГЕРШУНИНА и К^о.
Спб. Николаевская, 8.

Д. Градовский. - Свобода русской печати

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ГЕРШУНИНА и К°.

Великія реформы 60-х годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

І. В. Гессена и Пр.-Доц. А. И. Каминка

Великія реформы 60-х годовъ кореннымъ образомъ измѣнили весь строй нашей общественной жизни и, приобщивъ Россію къ западно-европейской культурѣ, властно и навсегда опредѣлили путь гражданственности, по которому должно совершаться ея дальнѣйшее развитие. До сихъ поръ реформы эти являлися для однихъ предметомъ восторженнаго поклоненія, для другихъ объектомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ. Это обстоятельство существенно мѣшало заняться анализомъ общественныхъ условий, среди которыхъ реформы созидались и осуществлялись, выяснить, насколько онѣ соответствовали общественному сознанию и ожиданіямъ, и чѣмъ вызывались существенныя измѣненія, которымъ всѣ эти реформы подвергались въ послѣдствіи. Пополнить этотъ пробѣлъ, вотъ что составляетъ задачу настоящаго изданія, и задача эта выходитъ далеко за предѣлы историческаго интереса: въ настоящее время, когда мы стоимъ наканунѣ возвышеннаго правительствомъ обновленія различныхъ сторонъ нашей государственной жизни, является необходимость дать отчетъ въ томъ, что осталось намъ отъ прогрессивной эпохи, собрать уцѣлѣвшіе обломки и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки. Съ этой цѣлью мы намѣрены дать рядъ отдѣльныхъ выпусковъ, посвященныхъ наиболѣе крупнымъ реформамъ царствованія Александра II.

Сюда войдутъ:

- 1) Н. Ф. Анненскій. Финансовая реформа.
- 2) К. К. Дрсеньевъ. Законодательство о печати.
- 3) І. В. Гессенъ. Судебная реформа.
- 4) Н. И. Горданскій. Земское положеніе.
- 5) Д. А. Корниловъ. Крестьянская реформа.
- 6) Н. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Отмѣна тѣлеснаго наказанія.
- 7) П. Н. Милюковъ. Университетская реформа.
- 8) В. Д. Мякотинъ. Общее введеніе.
- 9) Г. И. Шрейдеръ. Городская реформа.

На всю серію открыта подписка. Цѣна по подпискѣ на все изданіе 7 руб. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкой 9 руб. По отпечатаніи каждый выпускъ, составляющій отдѣльное цѣлое, поступить въ продажу по цѣнѣ отъ 75 коп. до 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“

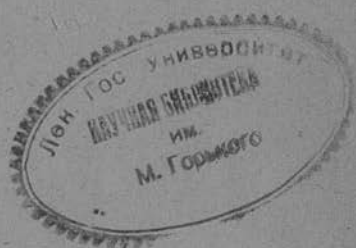
СПБ. Загородный пр., д. № 2.

Проф. А. ГРАДОВСКІЙ.

11864 49811

© *свободѣ*
русской печати.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

Книгоиздательство П. П. ГЕРШУНИНА и К^о.

Спб. Николаевская, 8.

ВІСНИК

СПБГУ

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	V
ГЛАВА I. По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати	1
ГЛАВА II. Итоги	57
ГЛАВА III. Положеніе и задачи русской печати	76
ГЛАВА IV. Что такое вредное направленіе?	90
ГЛАВА V. Переходное время для печати	96
ГЛАВА VI. Комиссія по пересмотру законовъ о печати	102
ГЛАВА VII. Нужды печати	122
ГЛАВА VIII. Цензура	129
ГЛАВА IX. Дополненія къ законамъ о печати	142
ГЛАВА X. Ближайшія задачи нашей печати	156
ГЛАВА XI. Отвлеченность печати	164

СП6ГУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Дмитріевичъ Градовскій (родился въ 1841 г., умеръ въ 1889 г.), профессоръ государственнаго права С.-Петербургскаго университета, касался не разъ въ публицистическихъ трудахъ своихъ положенія русской печати. Убѣжденный поборникъ свободы печати, А. Д. Градовскій неуклонно проводилъ ту мысль, что правительство Александра II стало на ложный путь, подчинивъ печать въ 1865 году, подъ вліяніемъ примѣра Наполеона III, не общему закону, опредѣляющему мѣру свободы каждаго гражданина и карающему правонарушенія, а исключительному порядку, не согласованному съ началами, легшими въ основаніе прочихъ реформъ Царя-Освободителя.

Въ концѣ 1869 года правительство пришло къ заключенію о необходимости пересмотрѣть временныя правила 1865 года. По Высочайшему повелѣнію была учреждена для этого комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Урусова. Къ этому времени и относятся первыя статьи Градовскаго, статьи, которыми онъ началъ свою публицистическую дѣятельность. Въ настоящемъ изданіи онъ печатаются подъ общимъ заглавіемъ „По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати“, при чемъ каждой изъ шести статей, объединенныхъ этимъ заглавіемъ, соотвѣтствуютъ статьи, появившіяся въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и „Голосѣ“¹⁾. Въ нихъ

¹⁾ Первые три статьи соотвѣтствуютъ тремъ передовымъ статьямъ, появившимся въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ 1869 г., въ №№ 247, 248

Градовскій широко и послѣдовательно проводилъ въ отношенія законодательства къ печати начало законности и свободы. Начало это разсматривается имъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, хотя онъ касается и личности гражданина, предъявляющей при развитіи своемъ право на свободу мнѣнія и слова. Государственное начало, обновленное великими реформами Александра II, и русская народность, передъ которой вслѣдствіе тѣхъ же реформъ открылся рядъ великихъ практическихъ задачъ — вотъ что прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе Градовскаго. Политическое міровоззрѣніе его, прогрессивное въ своемъ основаніи, не отрѣшилось еще въ то время отъ охранительныхъ и узкихъ націоналистическихъ стремленій. Статьи 1869 года отражаютъ отчасти эти стремленія юнаго автора, и тѣмъ интереснѣе его рѣзкая защита принципа свободы печати.

Работы комиссіи кн. Урусова, трудившейся въ теченіе двухъ лѣтъ, не привели къ выработкѣ законопроекта. Въ 1872 и 1873 годахъ состоялись Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственного Совѣта, въ значительной степени урѣзавшія и тѣ права, которыя были предоставлены печатному слову правилами 1865 года. Только въ серединѣ 1880 года явилась надежда на перемѣну къ лучшему въ положеніи нашей печати. Русское общество вздохнуло въ это время свободнѣе и съ надеждой устремило свои взоры на будущее,

и 249 отъ 13—15 ноября. Остальныя три статьи были напечатаны въ „Голосѣ“ 1869 года въ № 330 отъ 29 ноября („По поводу толковъ о свободѣ печати“), № 336 отъ 5 декабря („Отношенія печати къ администраціи“), № 349 отъ 17 декабря („О направленіяхъ въ печати“). Статьи „Судебнаго Вѣстника“ и статья, помѣщенная въ № 349 „Голоса“, были перепечатаны самимъ авторомъ въ сборникъ „Политика, исторія и администрація“ (СПб. и М. 1871) подъ заглавіемъ „О свободѣ русской печати“ (стр. 450—473). Статьи „Судебнаго Вѣстника“ вошли и въ официальное изданіе матеріаловъ и трудовъ комиссіи кн. Урусова. (Матеріалы для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати, ч. II, Спб. 1870).

полагая, что настала пора для новых реформ, для довершения начатаго, для „организационныхъ работъ въ разныхъ отдѣлахъ нашего законодательства и управленія“. Въ эту новую эпоху чаяній и ожиданій Градовскій вступилъ обновленнымъ: суровая дѣйствительность принудила его отказаться отъ многихъ иллюзій. Онъ понялъ, что жизнь поставила на очередь такіе серьезные вопросы, при которыхъ не время уходить въ мечтанія, оставляющія безъ должной защиты и попеченія то, что силой вещей выдвигалось на первое мѣсто, а именно права „человѣческой“ личности гражданина. Реформы Александра II, какъ понималъ ихъ Градовскій, были предприняты сколько во имя государственнаго начала, столько же и въ интересахъ челоѣческой личности русскаго гражданина. Прямымъ слѣдствіемъ этихъ реформъ должно быть содѣйствіе росту русскаго народа на началахъ права и законной свободы. Отсюда Градовскій выводитъ всю неизбежность и законность стремленій и желаній либеральной части русскаго общества, а также и печати — естественной выразительницы этихъ желаній и стремленій. Очеркъ „Итоги“, помѣщенный нами во II главѣ настоящаго изданія ¹⁾, можетъ быть введеніемъ къ послѣдующему ряду статей Градовскаго, относящихся спеціально къ печати, такъ какъ въ этомъ очеркѣ широко поставлены всѣ назрѣвшіе въ то время вопросы внутренней политики, забытые или заглушенные въ предшествующіе тяжелые годы. Печати посвящены были имъ въ 1880 году между прочимъ слѣдующія статьи, составившія содержаніе III—VII главъ: „Положеніе и задачи русской печати“ ²⁾, „Что такое вредное направленіе?“ ³⁾,

¹⁾ Очеркъ составленъ изъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ №№ 144, 147 и 151 (отъ 25, 27 мая и 1 іюня) „Голоса“ за 1880 годъ.

²⁾ Подъ этимъ заглавіемъ печатается двѣ статьи, появившіяся тамъ же, въ № 104 отъ 13 апрѣля („Положеніе и задачи русской печати“) и въ № 181 отъ 2 іюля („Положеніе русской печати“).

³⁾ Появилась въ № 216 отъ 6 августа „Голоса“ за 1880 годъ.

„Переходное время для печати“¹⁾, „Комиссія по пересмотру законовъ о печати“²⁾ и „Нужды печати“³⁾.

Двѣ послѣднія статьи написаны послѣ образованія подѣ predsjedательствомъ гр. П. А. Валуева комиссіи, на которую была возложена обязанность выработать новый законъ о печати. Работы этой комиссіи не привели къ положительному результату. Послѣдовавшая за мартомъ 1881 года реакція выдвинула на постъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатъева, составившаго проектъ весьма стѣснительныхъ ограниченій къ дѣйствовавшимъ законамъ о печати. Градовскій въ 1882 году увидѣлъ невозможность ждать въ скоромъ времени правильнаго разрѣшенія жгучихъ вопросовъ русской жизни. Почва уходила у него изъ-подъ ногъ, и взоры его невольно обращались къ поучительнымъ урокамъ, извлекаемымъ изъ исторіи аналогичныхъ нашимъ явленій Западной Европы. Статья „Цензура“, печатаемая нами въ VIII главѣ⁴⁾, написана по поводу книги Анри Вельшенжера о цензурѣ при имп. Наполеонѣ I,—книги, подтверждающей, по словамъ Градовскаго, старую истину о томъ, что никакія репрессивныя мѣры не могутъ остановить естественнаго хода вещей, духа времени. Въ серединѣ 1882 года слухи о готовящихся дополненіяхъ къ законамъ о печати стали предметомъ живѣйшаго обсужденія. Въ августъ „дополненія“ внесены были министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстымъ на разсмотрѣніе комитета министровъ въ проектъ болѣе мягкомъ, чѣмъ тотъ, который былъ выработанъ при гр. Н. П. Игнатъевѣ. Тѣмъ не менѣе Высочайше утвержденное 27 августа 1882 года положеніе комитета министровъ было тяжкимъ ударомъ для печати. Разсмотрѣнію

1) Появилась тамъ же, въ № 277 отъ 7 октября.

2) Состоитъ изъ трехъ статей, помѣщенныхъ тамъ же, въ №№ 299, 300, 301 отъ 29—31 октября.

3) Появилась тамъ же, въ № 312 отъ 11 ноября.

4) Появилась въ „Голосѣ“ за 1882 г., № 218 отъ 14 августа.

этихъ „дополненій“ посвящены двѣ статьи Градовскаго, внесенныя въ IX главу ¹⁾.

Несмотря на новыя стѣсненія, печати, по мнѣнію Градовскаго, надлежало выполнять свою задачу до конца и въ предѣлахъ возможнаго: задача эта состояла въ разъясненіи условій, при которыхъ отечество наше можетъ возродиться, и въ обличеніи тлетворнаго вліянія реакціи. Въ этомъ смыслѣ написана имъ статья „Ближайшія задачи нашей печати“ ²⁾ (гл. X). Но задача эта оказалась непосильною для печати; съ каждымъ днемъ органамъ печатнаго слова все болѣе приходилось сознавать всю тщету ихъ усилий служить пользамъ общества. И не напрасно печать отъ обсужденія практическихъ нуждъ и вопросовъ переходила въ область отвлеченій. Объ этомъ Градовскій говоритъ въ статьѣ „Отвлеченность печати“ ³⁾, печатаемой здѣсь въ послѣдней XI главѣ.

Такимъ образомъ, помѣщенныя въ настоящемъ изданіи статьи А. Д. Градовскаго даютъ оцѣнку почти всего дѣйствующаго законодательства о печати. Оцѣнка эта принадлежитъ перу человека, всю жизнь свою отдавашаго служенію обществу и орудіемъ для этого избравшаго знаніе ⁴⁾.

А. Ш.

А. А. Шахматовъ.

1) Первая статья напечатана тамъ же, въ № 233 отъ 29 августа, а вторая въ № 251 отъ 16 сентября.

2) Появилась тамъ же, въ № 256 отъ 21 сентября.

3) Появилась въ „Голосѣ“ за 1883 г., № 15 отъ 14 января.

4) Ни одна изъ печатаемыхъ въ настоящемъ изданіи статей не вошла въ Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго (СПБ. 1889—1904 г. Типографія Стасюлевича, тт. I—IX).

СП6Гу

О СВОБОДѢ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Г Л А В А I.

По поводу пересмотра наших законовъ о печати *).

I.

Высочайшій рескриптъ 2 ноября — явленіе чрезвычайно важное для будущихъ судебъ нашей журналистики. Журналистика (за исключеніемъ „Вѣсти“, которая не умѣла и на этотъ разъ воздержаться отъ своей манеры бороться съ своими литературными противниками науськиваніемъ не-литературнаго свойства) отнеслась къ нему разумно и честно; она подвела итоги своей дѣятельности за послѣдніе четыре года, кратко повторила основанія, заставляющія желать наибольшей свободы слова,—и затѣмъ возложила свое упованіе на благоразуміе и честность членовъ новой комиссіи. Послѣдніе не будутъ имѣть основанія жаловаться, что они были осаждаемы разными вліяніями, препятствовавшими свободѣ ихъ собственныхъ мнѣній. Если вліянія эти найдутся, то источникомъ ихъ будетъ не журналистика. Она сосредоточилась въ томъ, полномъ достоинствѣ, молчаніи, въ какомъ недавно еще русскій народъ ожидалъ Положенія 19 февраля. Дай Богъ ей дождаться такого же положенія! Да и что и говорить журналистикѣ? Доказывать необходимость свободы слова? Слава Богу, для нашего общества прошло то время, когда такія доказательства были необходимы. Необходимость свободы слова сознають всѣ. „самые бѣсы вѣруютъ и... тре-

*) Шесть статей, печатаемыхъ подъ этимъ заглавіемъ, относятся къ ноябрю и декабрю 1869 года.

вещуть“, какъ говорить апостоль. Доказывать, что русская печать благоразумно воспользовалась дарованными ей правами? Но кто же, безъ крайней недобросовѣстности и явнаго тупоумія, рѣшится утверждать противное? Доказывать, что въ Россіи верховная власть такъ сильна, что ей не могутъ повредить два-три невинно-щебечущихъ журнала? И въ этомъ никто не сомнѣвается. Мало того. Враги развитія русскаго народа относятся къ либеральному щебетанью разныхъ публицистовъ весьма благосклонно. Послѣдніе имъ *нужны*, во-первыхъ, потому, что „щебетанье“ отклоняетъ общественное мнѣніе отъ серьезныхъ практическихъ вопросовъ, во-вторыхъ, потому, что эти красноватые обрѣзки чужихъ мнѣній весьма пригодны въ качествѣ невиннаго пугала, которое можно, отъ времени до времени, показывать кому слѣдуетъ.

Стало бытъ, въ чемъ же дѣло? Всѣ убѣждены, если не въ пользѣ, то въ безвредности свободы слова. И однако есть люди (къ счастью, ихъ немного), которые желаютъ его стѣсненія.

Всѣ вѣрятъ въ общій принципъ, но слишкомъ многіе сомнѣваются въ возможности его примѣненія. Примѣръ въ исторіи не новый. Вся языческая древность умомъ постигала существованіе единаго Бога; на дѣлѣ поклонялась истуканамъ. Всѣ французы вѣрятъ въ великіе принципы 1789 г.; на дѣлѣ боготворятъ гг. Піетри и Гаусмана. Словомъ, отъ вѣры въ принципъ до проведенія этого принципа въ плоть и кровь законодательства, юстиціи, общественной и государственной жизни—еще далеко. Ученые мужи и опытные публицисты утверждаютъ, что каждый принципъ, облеченный въ форму закона, долженъ гармонировать со всѣмъ общественнымъ бытомъ и со всею системою законодательства данной страны. Еще Монтескье доказалъ это весьма убѣдительно. И конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что между отдѣльнымъ закономъ и всею системою политики и законодательства должна господствовать полная гармонія.

Поэтому мы въ правѣ ожидать, что нашъ будущій законъ

о печати будетъ, такъ сказать, органическою частью всего нашего законодательства и будетъ соотвѣтствовать общественнымъ и государственнымъ установленіямъ Россіи. Но въ чемъ состоитъ общій духъ нашего законодательства, нашихъ общественныхъ и государственныхъ учреждений? Уловить и опредѣлить такія вещи дѣло весьма затруднительное. Невозможно ожидать, чтобы комиссія для пересмотра законовъ о печати, и все общество принялись за изслѣдованіе такого сложнаго вопроса по поводу одного частнаго закона. Готовыми же понятіями, очевидно, довольствоваться нельзя. Кто-то выразился, что начала русскаго общественнаго и государственнаго быта можно выразить въ трехъ словахъ: самодержавіе, православіе и народность. Эти термины вѣрны и выражаютъ реальные предметы, но они слишкомъ общи. Что такое самодержавіе? Было самодержавіе, прикрѣпившее крестьянъ, — есть державный царь, который ихъ освободилъ, было самодержавіе, установившее инквизиціонный процессъ, — и есть другое, которому мы обязаны введеніемъ устнаго и гласнаго судопроизводства. То же можно сказать и о другихъ началахъ. Опытъ русской исторіи доказываетъ, что самодержавіе видоизмѣнялось даже въ теченіе каждаго отдѣльнаго царствованія. Іоаннъ Грозный—до и послѣ смерти Анастасіи Романовны; Екатерина II—до и послѣ французской революціи; Александръ I—до и послѣ 1815 г. Нѣкоторыя лица готовы были возвести въ теорію эти частные случаи подъ именемъ теоріи двухъ половинъ царствованія. Но мы твердо помнимъ правило Бекона, по которому одна противорѣчащая инстанція способна уничтожить теорію, построенную на множествѣ утвердительныхъ. Противъ вышеприведенной теоріи у насъ есть не одна, а двѣ противорѣчащихъ инстанціи. Первая блистательная инстанція — царствованіе Петра Великаго, который оставался вѣренъ себѣ съ того момента, когда входилъ съ своей бомбардирской ротой въ Москву, послѣ взятія Азова, до того, когда онъ палъ жертвою своего великодушія. Другая, не менѣ блестящая инстанція — ны-

нѣшнее царствованіе. Государь, котораго благодарное общество не назвало великимъ только потому, что за нимъ усвоено болѣе лестное имя Освободителя, создалъ царствованіе не менѣе цѣльное и законченное, чѣмъ царствованіе Петра. Начала, внесенныя имъ въ государственную жизнь такого свойства и силы, что всѣ частныя ея явленія суть ихъ естественныя послѣдствія, и должны съ ними сообразоваться по естественной логикѣ событій.

Съ этой точки зрѣнія мы и намѣрены обсудить возможное положеніе нашей печати и характеръ законовъ, опредѣлявшихъ до настоящаго времени это положеніе. Мы назвали политику нынѣшняго царствованія логическою и послѣдовательною. Поэтому намъ необходимо, прежде всего, отыскать во всей массѣ современнаго законодательства такой актъ, котораго начала руководили бы всѣмъ послѣдующимъ законодательствомъ, давали бы тонъ всѣмъ политическимъ актамъ, подобно тому какъ воинскій уставъ и генеральный регламентъ господствуютъ въ законодательствѣ Петра Великаго.

Такою, выражаясь языкомъ музыкантовъ, *доминантою* въ нынѣшнемъ законодательствѣ является Положеніе 19 февраля. Свобода народа была первымъ словомъ всѣхъ преобразованій. Всѣ помнятъ, какъ началось и совершилось преобразование крестьянскаго быта. Всѣ помнятъ, съ какимъ величественнымъ спокойствіемъ народъ ждалъ своей свободы, какъ спокойно приведено въ дѣйствіе „Положеніе“.

Причину этого спокойствія иные объясняютъ пассивнымъ характеромъ народа, зависящимъ отъ великаго множества финской крови, обращающейся въ его жилахъ. Другіе просто привычкою къ повиновенію; третьи регулярною арміею; четвертые мудрыми мѣропріятіями. Есть однако лица, которыя думаютъ, что причина „хорошаго поведенія“ народа, въ трудную и соблазнительную для него эпоху, заключается, во-первыхъ, въ томъ безграничномъ довѣрїи, которое онъ издавна питалъ къ верховной власти, слѣдовательно, въ твер-

дости нѣкоторыхъ нравственныхъ его убѣжденій; во-вторыхъ, въ томъ, что крестьянское дѣло велось открыто, безъ всякихъ заднихъ мыслей и при свободномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ силъ общества. Недоразумѣнія были; интрига пользовалась ими; но всѣ ея козни разбивались о безхитростную прямоту „Положенія“ и посредниковъ.

Положеніе 19 февраля вліяло на послѣдующее законодательство въ двухъ отношеніяхъ—матеріальномъ и формальномъ.

Матеріальныя начала 19 февраля сдѣлались неизсякаемымъ источникомъ новыхъ реформъ. Во-первыхъ, правительство сознало необходимость подвести всю массу крестьянства подъ одни общія начала управленія. Учрежденія бывшихъ государственныхъ крестьянъ оказались несостоятельны и пали. Система самоуправленія, прежде построенная на узко-сословномъ началѣ, съ преобладаніемъ одного сословія надъ другими, не выдержала критики новаго времени; явилось земское, сословное самоуправленіе. Инквизиціонный процессъ и сословное раздѣленіе органовъ суда обанкротились; оказалась нужда въ выборной земской юстиціи, независимыхъ правительственныхъ судахъ, въ институтъ присяжныхъ. Тѣлесное наказаніе — этотъ символъ народнаго рабства — отмѣнено. Рекрутская повинность облегчена. Словомъ, всѣ учрежденія, соотвѣтствовавшія идеѣ крѣпостного права, рухнули или готовы рушиться. Новыя понятія хлынули всюду, въ правительственную практику, въ финансовую систему, въ частныя отношенія, въ воспитаніе. Да будетъ свѣтъ!

Формально, крестьянская реформа заранѣе опредѣлила характеръ будущихъ преобразованій. Положеніе 19 февраля имѣло успѣхъ, независимо отъ своей великой цѣли, потому что оно просто и ясно формулировало свои начала, не оставляя ничего злохитростному толкованію и интригѣ. Посмотрите, на примѣръ, на слѣдующее опредѣленіе (ст. 1): „Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда“; или (ст. 25): „крестьяне не могутъ быть подвергаемы ника-

кому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по *законному* распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“; и т. д. Прочитавъ такія опредѣленія, всякій пойметъ, что онъ имѣетъ дѣло съ правительствомъ, увѣреннымъ въ своей силѣ, а потому прямодушнымъ и честно относящимся къ обществу. Такое правительство можетъ быть увѣрено въ содѣйствіи лучшихъ силъ общества, а силы эти въ состояніи дѣйствовать прямо и открыто — единственное условіе, при которомъ онѣ соглашаются дѣйствовать. Словомъ, въ отношеніяхъ между обществомъ и правительствомъ незамѣтно той фальши, которая заставляетъ правительство притворяться, а общество лгать.

Та же самая правда господствуетъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, въ судебныхъ уставахъ, въ законахъ, облегчившихъ финансовыя тягости народа. Посему, всѣ эти законы, вмѣстѣ съ положеніемъ 19 февраля, составляютъ одно цѣлое, по духу, основной мысли и общему характеру.

Можно-ли сказать то же самое про наши законы о печати? Если мы ограничимся простымъ ихъ сравненіемъ съ прежнимъ законодательствомъ по этому предмету — да. Они являются произведеніемъ одной и той же мысли — внести въ общество нѣсколько больше свободы. Но осуществленіе этой великой идеи, въ примѣненіи къ печати, рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ актовъ. Причина этого различія, конечно, не въ томъ, что мысль, руководившая нашими реформами, измѣнила себя, но въ томъ, что наши законы о печати есть вѣрная копія, снимокъ съ законодательства страны, гдѣ фальшь и ложь цѣлыхъ 18 лѣтъ служили основаніемъ государственной и общественной жизни. Они продуктъ совершенно другой логики, другого міросозерцанія. Различіе въ характерѣ нашего законодательства о печати съ другими актами нынѣшняго царствованія — происходитъ отъ того, что законодательство, съ пути творчества, вступило на путь заимствованія, отъ народнаго идеала обратилось къ французскому министерству внутреннихъ дѣлъ.

Французское законодательство порицають почти всё. Мы не принадлежимъ къ числу отчаянныхъ антагонистовъ императора Наполеона. Многое прощается ему, потому что онъ былъ логиченъ. Вотъ какъ онъ самъ объясняетъ свою политику во введеніи къ конституціи 1852 г.: „Франція, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, движется подъ вліяніемъ административныхъ, судебныхъ, религіозныхъ, военныхъ и финансовыхъ учреждений консульства и первой имперіи. Почему не принять намъ и политическихъ учреждений этой эпохи?“... Другими словами, Наполеонъ III, обращаясь къ прежнимъ правительствамъ Франціи, говорилъ: „друзья мои! Каждый изъ васъ, захватывая власть, какъ это сдѣлалъ мой дядя и какъ это дѣлаю я, давали народу нѣсколько отвлеченныхъ фразъ, написанныхъ на бумагѣ, и называли это конституціею; на дѣлѣ же вы преспокойно пользовались богатымъ наслѣдіемъ власти, которое вамъ оставилъ дядюшка. Я тоже имъ воспользуюсь, но безъ тѣхъ негодныхъ фразъ, которыя всѣмъ надоѣли“.

Что дѣлать! Ложь въ обществѣ и неправда въ правительствѣ — иногда печальный, но неизбѣжный продуктъ исторіи народа; Наполеонъ III понималъ, что нравственныя убѣжденія общества не на его сторонѣ, какъ они не были на сторонѣ Людовика-Филиппа и Бурбоновъ; что каждое правительство до него было только средствомъ успокоенія народа посредствомъ матеріальной силы; поэтому ни одно изъ нихъ не могло опираться на самостоятельность общественныхъ силъ. Не могъ сдѣлать этого и Наполеонъ III. Ему нужно было *правительство*, но не общество. Вслѣдствіе этого „общество“ было изгнано отовсюду и повсюду: изъ муниципальнаго управленія, изъ департаментовъ, изъ законодательнаго корпуса—посредствомъ официальныхъ кандидатуръ; общественное начало было извращено даже въ судѣ; можно-ли было терпѣть его въ литературѣ? Нѣтъ. Императору нужны были предостереженія, конфискаціи, суды исправительной полиціи, купленные журналисты. Все это скверно, но не онъ создалъ общество, среди ко-

того ему удалось захватить власть. Повторяемъ, онъ былъ логиченъ. Общества не слышалось нигдѣ — его даже никто не видѣлъ. Что такое Франція? Меры, подпрефекты, префекты, министры, армія, рабское большинство законодательнаго корпуса, сенать—le reste c'est de la poussière, какъ говаривалъ Наполеонъ I.

Такая-ли мысль руководила преобразованиями, пересоздавшими нашъ общественный строй? Повсюду въ мѣстномъ управленіи мы встрѣчаемся съ выборными должностями. Выборные старосты и старшины, предводители, городскіе головы, гласные земскихъ собраній и члены управъ. Кромѣ того, независимый судъ, независимый институтъ присяжныхъ, выборные мировые судьи. И все это создано верховною властью, которая отъ этого не утратила своихъ державныхъ правъ. Скажите, неужели для *этого* нуженъ французскій законъ о печати или — вѣрнѣе — противъ печати? Но тогда, поскорѣе, нужно издать законы противъ выборовъ, противъ судовъ, противъ крестьянскихъ учреждений, противъ земскихъ собраній и т. д. Или „*ça viendra*“, какъ говоритъ партія „Вѣсти“. Неужели въ виду такого открытаго, честнаго отношенія верховной власти къ народу нуженъ законъ, который бы приучилъ печать ко лжи, а общество къ недоувѣрію къ правительственнымъ мѣрамъ? Но пусть намъ прежде всего докажутъ необходимость лжи въ политической жизни, такую необходимость, что ее надо вводить даже туда, гдѣ она не вызывается общественными условіями. Правительство, опираясь на довѣріе всего общества, можетъ дѣйствовать прямо, всѣ законодательные акты ясно доказываютъ это — и вдругъ одному закону дается такое содержаніе, какъ будто правительство вчера насиліемъ достигло своей власти, опирается на одну матеріальную силу и боится всякаго проявленія общественного мнѣнія...

Такимъ образомъ, первую задачею новаго законодательства о печати должно бы быть возстановленіе *жизненной правды* въ отношеніяхъ правительства къ литературѣ. Не-

правды этой много, какъ это мы постараемся разъяснить въ слѣдующей статьѣ.

II.

Фактъ назначенія комиссіи для *пересмотра цензурнаго устава* доказываетъ, что настоящій законъ о печати неудовлетворителенъ. Конечно, понятіе объ этой неудовлетворительности различно. Иные полагаютъ, что печати дано слишкомъ много правъ; другіе, — что печать слишкомъ стѣснена. Мы не станемъ теперь разбирать вопросъ о цензурномъ уставѣ съ точки зрѣнія количества правъ, которыми пользуется или должна пользоваться печать. Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою при разъясненіи другого, болѣе существеннаго вопроса. Въ какомъ положеніи должна вообще стоять печать по отношенію къ правительству? Должно ли правительство разсматривать ее какъ необходимое зло, котораго чѣмъ меньше, тѣмъ лучше, какъ бочку съ порохомъ, готовую взлетѣть отъ первой искры, или какъ дружественную силу, необходимую для всесторонняго развитія народа? Нѣкоторыя части закона 6 апрѣля доказываютъ, что этотъ важный вопросъ не былъ разрѣшенъ удовлетворительно. Постараемся прежде всего охарактеризовать этотъ законъ.

Положеніе нашей печати до 1865 г. можно назвать крѣпостнымъ; послѣ 1865 г. какъ бы осаднымъ. Если для полнаго разъясненія нашей мысли нужно сравненіе, мы привели бы слѣдующее. Предположимъ, что крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, вмѣсто того чтобы получить систему выборныхъ должностей, дѣйствующихъ подъ наблюдениемъ независимыхъ посредниковъ, были бы поставлены подъ господство какого нибудь исключительнаго закона, исключительныхъ и чрезвычайныхъ властей, долженствующихъ „сдерживать дикую толпу“. Наше правительство поступило иначе. Оно не только дало крестьянамъ либеральное устройство, но распространило дѣйствіе многихъ началъ „Положенія“

на другіе виды крестьянскаго сословія. Почему же печать была поставлена въ другое положеніе?

Обыкновенно тому приводятъ много основаній. Нѣкоторыя изъ этихъ основаній имѣютъ, повидимому, всѣ качества вѣрности и солидности до такой степени, что они сдѣлались ходячими фразами, общимъ мѣстомъ въ устахъ не только защитниковъ репрессивныхъ мѣръ, но и просвѣщенныхъ либераловъ.

Первое изъ этихъ основаній состоитъ въ томъ, что свобода слова не можетъ быть терпима въ неограниченной монархіи. „Въ моей головѣ не укладывается возможность совмѣщенія этихъ двухъ вещей“, говоритъ не одинъ либеральный консерваторъ или консервативный либералъ. „Возможна-ли свобода слова безъ политической свободы?“ — съ надменной улыбкой повторяетъ другой. Есть головы, въ которыхъ дѣйствительно многое не укладывается. Но въ иномъ видѣ представляется дѣло тому, чья голова свободна отъ доктринерскихъ формулъ и кто не поддается на велерѣчивыя фразы.

Положеніе, приведенное нами, можетъ означать одно изъ двухъ: или что неограниченная власть не можетъ гарантировать свободы слова, или что она не можетъ его вынести. И въ томъ, и въ другомъ смыслѣ глубокая ложь этого положенія очевидна.

Неограниченная монархія не можетъ, говорятъ, гарантировать свободы слова, этого драгоценнѣйшаго дара Божьяго. Но кто далъ право *ревнителямъ* порядка взводить такія обвиненія на неограниченную монархію? Мы въ правѣ сказать имъ: если самодержавіе не можетъ обезпечить свободу слова, то можетъ ли оно оградить другія права своихъ подданныхъ? Конечно, можетъ, а стало быть можетъ обезпечить за гражданами свободу слова, подобно тому, какъ оно даровало народу личную и имущественную свободу. Поставьте печать подъ охрану закона и суда — и дѣло будетъ сдѣлано.

Слѣдовательно, не то имѣется въ виду при завѣреніяхъ, что неограниченная монархія несовмѣстима съ свободою сло-

ва. Затаенный смысл этой фразы состоитъ въ томъ, что неограниченная монархія не можетъ выдержать свободу печати, что послѣдняя для нея опасна. Это одинъ изъ тѣхъ софизмовъ, которые опираются на туманное, неопредѣленное положеніе и могутъ держаться до тѣхъ только поръ, пока туманъ не разогнанъ и неопредѣленность не устранена. Объясните прежде всего, *что* можетъ выдержать неограниченная монархія, съ чѣмъ она вообще не можетъ ужиться? Опытъ исторіи доказываетъ, что неограниченную монархію постоянно увѣряли, что она не можетъ ужиться съ тѣмъ и съ другимъ, не можетъ существовать безъ того и другого, Монархія вводила то, съ чѣмъ (какъ ее увѣряли) она не можетъ ужиться, отказывалась отъ того, безъ чего (какъ говорили ей) она не можетъ существовать — и предсказаніе политиковъ блистательно *не* подтверждалось. При Екатеринѣ II государственные мужи завѣряли ее, что монархія погибнетъ съ уничтоженіемъ пытки. Пытка уничтожена, монархія осталась. Вездѣ, до 1858 г., утверждали, что монархія не мыслима безъ крѣпостного права. Да и можно ли было въ томъ сомнѣваться, если самъ графъ де-Местръ, сей учитель нашей реакціонной партіи, убѣдительно доказалъ это? Обыкновенно думали, что дворянство, опирающееся на крѣпостное право, есть единственная опора престола, безъ которой онъ рухнулъ бы въ массу дикой черни. Но вотъ дикая чернь не только освобождена, но засѣдаетъ въ земскихъ собраніяхъ, въ управахъ, на скамьѣ присяжныхъ. Рушился ли престолъ? Крикъ отчаянія вырвался изъ груди г. Герцена: „Александръ II сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ!“ съ грустью сказалъ онъ. Кто не знаетъ, что людямъ извѣстной партіи всѣ реформы нынѣшняго царствованія кажутся противными принципу самодержавія? Не отъ такихъ вещей падаютъ царства и народы. Банкротство, расхищеніе казны, злоупотребленіе подчиненныхъ властей, неправильная система податей, разорительныя войны, — вотъ гдѣ опасность для власти, какъ учить насъ исторія И что же? Наше самодержавіе не всегда было такъ счастливо.

какъ теперь. Оно переживало години финансовыхъ бѣдствій, не имѣло хорошихъ органовъ администраціи, надежнаго суда, масса народа страдала подѣ гнетомъ крѣпостнаго права,—и оно все вынесло. Оно не только само могущественно, но и поддерживаетъ все русское государство. Если бы самодержавіе слушалось политическихъ доктринеровъ, то они давно бы поставили его въ странное положеніе. Пришлось бы, съ ихъ голоса, заявить всему свѣту, что самодержавіе неспособно къ прогрессу вообще. Почему? спросили бы его. „Мои политики доказываютъ, что неограниченная власть неспособна къ такимъ реформамъ“.—Почему вы не вводите того, другого? „Мои политики говорятъ, что я этого не выдержу“. Вѣрное и хорошее понятіе имѣютъ эти политики сами и даютъ другимъ о самодержавной формѣ правленія! Къ тому оно неспособно, этого оно не выдержитъ. Точно дѣло идетъ о слабомъ младенцѣ, а не о могучемъ учрежденіи, выстоявшемъ вѣка на славу своего народа! Гдѣ же предѣлы тѣхъ предметовъ, съ которыми можетъ ужиться неограниченная монархія?

Для краткости, мы прибѣгаемъ опять къ сравненію. Международное право учитъ, что есть соединенія государства съ государствомъ, которыя вредятъ его самостоятельности, и другія, при которыхъ они сохраняютъ свою независимость. Сюда относятся, напр., союзы. Этотъ же принципъ можетъ быть примѣненъ и къ монархической власти. Она не совмѣстна съ тѣмъ, что могло бы ограничить ея права. Такъ напр., попытка верховнаго тайнаго совѣта, этого органа крѣпостныхъ олигарховъ, была противна началамъ самодержавія. Но печать? Уменьшаетъ ли она хоть на одну іоту право монарха? Стѣсняетъ ли она хоть въ чемъ нибудь свободу его дѣйствій? Не остается ли монархъ полнымъ распорядителемъ судебъ страны, послѣ того какъ объявлена полная свобода печати, ограниченная лишь отвѣтственностью предѣ судомъ?

„Все это такъ, говорятъ противники свободы слова. Мы сами видимъ въ литературѣ полезный органъ общественнаго

мнѣнія. Каждая страна съ развитіемъ общества, должна дать нѣкоторыя льготы журналамъ и газетамъ. Но печать все-таки опасное оружіе въ рукахъ толпы; она — средство критики правительственныхъ дѣйствій; она можетъ распространять вредныя понятія въ народѣ и подрывать основы существующаго порядка; ея памфлеты и корреспонденціи могутъ привести къ дезорганизаціи внутренняго управленія, посѣять пагубный раздоръ между начальниками и подчиненными, ослаблять необходимую дисциплину и т. д. Вслѣдствіе этого нужно поставить печать въ такое положеніе, чтобы она не могла привести ни къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ“. Словомъ, печать *зло*, но зло иногда необходимое; поэтому, когда правительство *вынуждено* уступить и допустить это зло, оно должно, какъ можно больше, ослабить его.

Сказать, что печать, какъ органъ общественнаго мнѣнія, есть зло, нѣчто враждебное правительству, значитъ предположить, что правительство управляетъ обществомъ противъ его воли, что и общество, въ свою очередь, готово ему вредить всѣми силами. Каждое изъ правительствъ современной Франціи могло сказать это. Каждое изъ нихъ достигало власти, благодаря усиліямъ извѣстной партіи. Оно держалось, только опираясь на эту партію. Поэтому оно всегда могло рассчитывать на непримиримую вражду всѣхъ остальныхъ фракцій общества. Правительство должно было держаться осторожно и отнимать у враговъ всѣ средства вредить себѣ. Въ числѣ этихъ средствъ находилась и печать. Обуздывая печать, Наполеонъ III отнималъ оружіе у легитимистовъ, орлеанистовъ республиканцевъ, социалистовъ и т. д. Побѣжденное общество клало оружіе къ ногамъ побѣдителя. Это понятно. Но гдѣ основаніе нашу *русскую* печать разсматривать какъ оружіе, данное въ руки враговъ правительства?

Во-первыхъ, гдѣ эти враги? Если они есть, то ихъ произведенія являются за границей, гдѣ имъ открыты прусскіе, австрійскіе, французскіе и турецкіе журналы. Тамъ бывшіе повстанцы и фонъ-Бокки съ Ширренами прославляютъ рус-

ское имя. Но гдѣ домашніе враги, опасные династическимъ интересамъ, пользамъ государства, достоинству администраціи? У кого изъ насъ есть свой претендентъ на престоль, свой проектъ демократической республики, свои планы народнаго представительства?—Мало того. Не доказала-ли печать, въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, что она сходится, сливается съ правительствомъ по всѣмъ капитальнымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики? Правильное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, успѣхъ земскихъ учрежденій, судебной реформы, умиротвореніе окраинъ Россіи — таковы были цѣли верховной власти; къ этому же стремилась и печать. Гдѣ то правительственное предпріятіе, которое было бы задержано или искажено вслѣдствіе такъ называемой оппозиціи печати? Не печать задерживаетъ введеніе русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, на что послѣдовало высочайшее повелѣніе, многократно повторенное; не печать препятствуетъ окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ; не она подговариваетъ латышей не переходить въ православіе; не она противится сліянію всѣхъ племень, населяющихъ Россію, въ одно цѣлое. Но возрѣнія, вынесенныя изъ посѣщеній французскихъ административныхъ мѣстъ и чтенія французскихъ газетъ, слишкомъ живучи. Русскій человѣкъ забываетъ свою русскую няню и ея безхитростныя пѣсни, но не можетъ забыть догматическихъ фразъ французскаго гувернера.

Благодаря такимъ возрѣніямъ, печать, освобожденная отъ предварительной цензуры, была подчинена не общему закону, опредѣляющему мѣру свободы cadaго гражданина и карающему правонарушенія, а исключительному режиму (да простятъ намъ это французское слово), какого законодательство настоящаго царствованія не прилагало до тѣхъ поръ ни къ какой отрасли народной дѣятельности. Положеніе печати, подъ вліяніемъ этого закона, равно какъ и положеніе властей, поставленныхъ надъ журналистикой, было въ высшей степени натянуто. Власти были поставлены въ такое положе-

ніе, какъ будто печать что-то разрушаетъ; многіе журналисты, не постигшіе сути дѣла, тоже пришли къ тому заключенію, что они, должно быть, нѣчто ломаютъ; а наивная часть публики, еще болѣе обманутая внѣшнимъ характеромъ закона о печати, смотрѣла на администрацію и журналистику, какъ на двѣ враждебныя, борющіяся силы. Въ сущности же никто не боролся, никто ничего не ломалъ, не разрушалъ и некого было воздерживать отъ антиправительственныхъ дѣйствій.

Иначе и быть не могло. Печать наша очень хорошо поняла, что законъ 6 апрѣля не былъ плодомъ побѣды общества надъ правительствомъ, послѣ которой начинается оргія побѣдителей, ни вынужденною уступкою общественному мнѣнію. Происхожденіе свободы нашего слова таково же, какъ происхожденіе свободы крестьянъ, земскихъ учреждений, судебной реформы. Это одинъ изъ актовъ великаго „освобожденія“, свободный даръ монарха своему народу. Къ чему же его облекать въ одежду, вытканную въ странѣ, которая ни въ чемъ не походитъ на нашу Россію, и при томъ вытканную въ такое время, когда правительству этой страны нужно было насиліемъ прикрывать свое беззаконіе?

Къ счастью, фальшь внѣшней формы скоро разсѣялась предъ правдою практики. Большинство журналовъ скоро поняло свое назначеніе. Они поняли, что призваніе ихъ заключается въ мирной разработкѣ насущныхъ вопросовъ русской жизни. Благодаря серьезному, практическому направленію журналистики, безвозвратно погибли утопическія, мечтательныя стремленія и теоріи, развившіяся подъ крыломъ охранительной цензуры. Оглядываясь на свое прошлое за послѣдніе четыре года, печать ни въ чемъ не можетъ себя упрекнуть.

III.

Мы показали, что ограниченіе свободы слова въ нашемъ отечествѣ не есть необходимое, логическое послѣдствіе су-

ществующей у насъ формы правленія. Такимъ образомъ, главнѣйшій изъ софизмовъ защитниковъ стѣсненіи печати разбирается. Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ другой софизмъ, менѣе важный въ теоріи, чѣмъ первый, но на практикѣ болѣе опасный.

Софизмъ этотъ заключается въ томъ, что если самодержавіе, какъ верховный принципъ нашего государственнаго устройства, и не нуждается само по себѣ въ стѣсненіи печати, то всѣ другія государственныя и общественныя установленія, не имѣющія такихъ прочныхъ основъ, рушатся, если будутъ поставлены подъ удары свободной печати. „Положимъ, говорятъ защитники этого мнѣнія, что народъ нашъ не только повинуется монарху, но вѣруетъ въ него. Но что сказать о подчиненныхъ учрежденіяхъ—о генераль-губернаторахъ, губернаторахъ, судахъ? Въ такомъ-ли положеніи находятся сословія и сословныя учрежденія, права разныхъ мѣстностей, пользующихся привилегіями? Допустите смѣлую критику этихъ установленій—и немедленно права разныхъ сословій будутъ осмѣяны, одна часть народонаселенія возстановлена противъ другой, авторитетъ подчиненныхъ властей подорванъ—словомъ самодержавіе, недостижимое въ своемъ принципѣ, будетъ ежедневно страдать въ своихъ проявленіяхъ. Это, рано или поздно, расшатаетъ самый принципъ“.

На первый разъ эти возраженія кажутся неопровержимыми. Но въ нихъ таится та же внутренняя неправда, какъ и та, о которой мы уже говорили.

Во-первыхъ, мы не знаемъ такихъ учреждений, которыя бы въ данную минуту могли воплощать идею самодержавія во всемъ ея объемѣ. Классы русскаго общества, высшія и низшія государственныя должности, тотъ или другой племенной оттѣнокъ народонаселенія—представляютъ-ли идею самодержавія до такой степени, что критика, касаясь ихъ, неминуемо должна коснуться и основъ государственной власти? Когда самодержавіе объявляло свою солидарность съ тѣмъ или другимъ общественнымъ классомъ, съ тою или другою

горстью народонаселенія? Съ какого времени можно утверждать, что затрогивая интересы, напр., крупнаго землевладѣнія, нельзя не затронуть правъ монарха, который будто бы съ нимъ солидаренъ? Правда, на западѣ Европы, король стоялъ во главѣ феодальнаго общества, былъ, такъ сказать, вершиною феодальной іерархіи. Такъ смотрѣлъ на себя, напр., Людовикъ XV и его преемникъ. Отъ этого реформа Тюрго скромная и, такъ сказать, застѣнчивая, сравнительно съ нашей крестьянской реформой, пала отъ противодѣйствія могущественной аристократіи. Наши государи считали себя постоянно представителями *всей земли*. Они никогда не допускали такой кастовой іерархіи, какую зналъ западъ. Они въ каждую минуту опирались на всю „землю“ и могли рассчитывать на содѣйствіе всѣхъ ея силъ. Что касается той или другой формы администраціи, то въ этомъ отношеніи наши государи дѣйствовали еще свободнѣе. Никогда не ставили они себя въ зависимость отъ извѣстныхъ должностей. Иванъ Грозный нашель, что намѣстники и волостели не выгодны правительству и народу. Онъ „отставилъ“ ихъ, „ради великихъ продажъ и убытковъ“. Въ концѣ XVII вѣка народъ жаловался, что большое количество приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ уѣздѣ, для него убыточно. И вотъ при Федорѣ Алексѣевичѣ, а затѣмъ при Петрѣ Великомъ, состоялось распоряженіе: „чтобы въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцамъ, сыщикамъ, губнымъ старостамъ, ямскимъ прикащикамъ, осаднымъ, пушкарскимъ и житничнымъ головамъ не быть... чтобы впредь отъ того градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ и подводахъ лишнія тягости не было“. Нужно ли вспоминать о радикальныхъ реформахъ Петра Великаго и Екатерины II? Но всѣ эти смѣлые опыты блѣднѣютъ предъ рѣшительною политикою нынѣшняго царствованія. Въ наше время сословная организація и правительственныя учрежденія подверглись строгой критикѣ: съ одной стороны — самой власти, и общества — съ другой. Множество прежнихъ должностей „отставлено“, масса но-

выхъ введена. Всѣмъ извѣстна ѣдка критика обличительной литературы, противъ пользы которой трудно было бы возражать. Сколько иллюзій разбито одними „Губернскими очерками“! Но кто рѣшится сказать, что, вслѣдствіе увлеченій литературы, народонаселеніе возбуждено противъ установленныхъ властей, отказываетъ имъ въ повиновеніи, сопротивляется ихъ распоряженіямъ! Мало того. У насъ есть установленія, которыя, въ силу предоставленной имъ свободы дѣйствій, легко могутъ прійти въ столкновеніе съ органами правительства. Пререканія между земскими учрежденіями и губернаторами весьма возможны. Но видимъ-ли мы систематическое противодѣйствіе съ ихъ стороны видамъ правительства? Мы знаемъ только рѣдкіе случаи столкновеній земскихъ учреждений съ администраціей. Но если даже признать, что въ этихъ пререканіяхъ виновато земство, могутъ-ли быть они приписаны вліянію и проискамъ печати? Напротивъ, смѣло можно сказать, что вслѣдствіе даже и неполной свободы нашего печатнаго слова, чувство законности все больше и больше проникаетъ въ наше общество. Критика печати обличаетъ незаконныя дѣйствія, въ какой бы сферѣ они ни проявились, и популярность того или другого учрежденія не можетъ спасти отъ осужденія его незаконный актъ. Мировые судьи, земскія учрежденія пользуются симпатіей журналистики. Но пусть укажутъ случай, гдѣ бы печать одобрительно отнеслась къ незаконному поступку мирового судьи, или земскаго собранія?

Жалѣть приходится не объ увлеченіяхъ печати, а о другомъ обстоятельствѣ, которое вредитъ правильному развитію новыхъ учреждений. Смѣло можно сказать, что дѣятельность новыхъ учреждений была бы плодотворнѣе при большемъ развитіи гласности, которая служитъ и стимуломъ, и уздою всякой общественной дѣятельности.

Это обстоятельство неволью наводитъ насъ на соображеніе, еще болѣе убѣждающее въ необходимости свободы печати именно въ нынѣшнемъ царствованіи.

Нашъ общественный и государственный бытъ до 1861 г. не только не допускалъ свободы печати, но, такъ сказать, не нуждался въ ней. Участіе общества въ администраціи проявлялось въ весьма малой степени; порабощеніе народной массы не допускало возможности обсуждения отношеній, установившихся между классами общества; канцелярская тайна тяготѣла надъ всѣми дѣйствіями властей. Кромѣ того и политическая, и общественная мысль была направлена на вопросы, мало относящіеся до нашего внутренняго быта. „Мысль“ имѣла къ тому полную возможность. Внутри, продовольствіе было обезпечено крѣпостнымъ трудомъ, такъ что верхнимъ слоямъ общества оставалось много того, что Аристотель называетъ „философскимъ досугомъ“. Досугъ этотъ наполнялся различнымъ образомъ. Образованное общество занималось Гегелемъ и Жоржъ-Зандомъ. Политика умиротворяла и охраняла Европу. Зашевелились карбонаріи: мы живо заинтересовываемся ихъ уничтоженіемъ; случилась іюльская революція: мы озабочиваемся, хотя наше дѣло—сторона. Нынѣшнее царствованіе сдѣлало двѣ вещи. Во-первыхъ, уничтоживъ даровой „досугъ“, заставило всѣхъ и каждого заглянуть внутрь своего хозяйства, слѣдовательно, внутрь Россіи. Во-вторыхъ, оно призвало общество къ публичной дѣятельности. Въ законодательство и общественныя отношенія проведено два, невѣдомыхъ до тѣхъ поръ, начала: *личной свободы* и *равноправности*. Какъ бы ни искажали смыслъ реформъ ихъ противники, начала, ими проведенныя, не умрутъ болѣе въ нашей средѣ.

Теперь рождается вопросъ: могутъ-ли учрежденія, предполагающія участіе общества въ государственной жизни и имѣющія цѣлью обезпеченіе личной свободы и равноправности, жить и развиваться безъ свободы печати? Каждое учрежденіе, имѣющее общественное значеніе, можетъ дѣйствовать успѣшно только подъ контролемъ общества; личной свободѣ грозитъ гибель, а равноправности постоянное нарушеніе, если общественное вниманіе хоть на минуту забудетъ

объ нихъ, если каждое явленіе, противное этимъ началамъ, не будетъ оглашено въ печати, возбуждая общественное вниманіе и призывая всѣхъ къ исполненію закона.

Такимъ образомъ, ни одна изъ тѣхъ реформъ, которыми, по справедливости, гордится нынѣшнее царствованіе, не можетъ быть окончательно осуществлена, войти въ сознаніе народа, безъ содѣйствія свободной печати. Всѣ желаютъ успѣшнаго окончанія крестьянскаго дѣла. Но гдѣ будетъ отражаться каждая неправильность, каждое уклоненіе отъ закона, если органы печати будутъ безмолвствовать? „До царя далеко“, доказывалъ посредникъ сеньковскимъ крестьянамъ. До царя, дѣйствительно, далеко, да и странно было бы доводить лично о каждомъ неправильномъ проступкѣ администраціи. Но до редакціи любой газеты очень близко.

Прибавимъ еще. Не надо закрывать себѣ глаза на то, что многія изъ новыхъ учрежденій могутъ быть опасны безъ свободы печати. Въ нынѣшнее царствованіе создано много независимыхъ должностей, особенно по судебному вѣдомству. Независимость суда есть одно изъ коренныхъ условий дѣйствительности правосудія, но извѣстно, что она легко можетъ перейти въ произволь. Гдѣ-же искать обезпеченія противъ такого оборота дѣла? Въ правительственной власти? Но власть отказалась отъ участія въ правосудіи, давъ судебнымъ установленіямъ обезпеченіе противъ посягательствъ со стороны администраціи. Легко представить себѣ результатъ, если при независимости юстиціи будетъ устранена возможность свободной и откровенной критики судебныхъ рѣшеній и отдѣльныхъ дѣйствій судебной власти. Примѣръ старыхъ французскихъ парламентовъ ясно показываетъ, во что обращается судъ, получившій извѣстную долю самостоятельности по отношенію къ правительству и заручившійся молчаніемъ общества.

Но этимъ не ограничивается вредъ отъ стѣсненія свободы слова. До настоящаго времени Россія была очень счастлива. Пуская въ народное обращеніе новыя понятія, законодатель-

ство давало имъ вмѣстѣ съ тѣмъ прочную, объективную форму, облекало ихъ въ плоть и кровь. Начала, внесенныя въ нашу жизнь послѣ 1861 г., воплотились въ сельскомъ самоуправленіи, въ земскихъ учрежденіяхъ, въ новыхъ судахъ. Общество, такимъ образомъ, можетъ созерцать и любить эти начала въ объективной, реальной формѣ, въ пространствѣ и времени. Когда оно говоритъ о свободѣ, — его уму представляются освобожденные крестьяне, сельскія общества, земскія учрежденія, реформа городского управленія. Когда оно разсуждаетъ о равноправности, — его воображенію невольно представляются новые суды. Словомъ, всѣ его помыслы получаютъ опредѣленное направленіе и практическую цѣль. Съ этими практическими цѣлями невольно должны сообразоваться всѣ теоріи, умозрѣнія и даже мечтанія. Всѣ они должны выражаться въ ясныхъ, опредѣленныхъ формулахъ, имѣть дѣйствительное отношеніе къ явленіямъ практической жизни. Иначе общество ихъ не слушаетъ и не обращаетъ на нихъ вниманіе.

Представимъ же себѣ, что съ ограниченіемъ свободы слова, заглохнутъ учрежденія, вызванныя къ жизни нынѣшнимъ царствованіемъ, что померкнутъ отчетливые, живые образы, воплощавшіе начала, къ которымъ стремится каждое образованное общество. Умственная жизнь общества не заснетъ. Мысль, разъ пробудившись, не умираетъ, но она можетъ принять другое направленіе. Отъ живыхъ, реальныхъ учреждений, отъ истинно практическихъ цѣлей, общественная мысль можетъ снова обратиться къ тѣмъ фантастическимъ, неосуществимымъ представленіямъ, которыя составляютъ жизнь и пищу всякой мысли, оторванной отъ дѣйствительности. Этотъ результатъ для насъ не новъ. Было время, когда печати нашей приходилось витать въ сферахъ чистаго мышленія. Что же произвела она удобопримѣнимаго, практическаго? Даже и теперь еще нельзя сказать, чтобы взоры печати обращались всегда на насущные вопросы нашей жизни. Въ 1870 году произойдетъ окончательное прекращеніе обя-

зательныхъ отношеній крестьянъ. Приготовила-ли литература хоть что нибудь для выясненія этого вопроса? Между тѣмъ вопросъ не малый; по поводу его въ разныхъ мѣстахъ задумываются преобразованія, которыя могутъ исказить наше крестьянское устройство. Предполагается, напр., уничтоженіе нашей общины. Изучена ли наша община? Можемъ-ли мы отстоять ее отъ враждебныхъ покушеній, или намъ придется спасовать передъ доводами такъ называемыхъ экономистовъ? Готовится измѣненіе податей и повинностей. Что сдѣлано по этому вопросу, кромѣ общихъ, малоцѣнныхъ соображеній? Какъ контролируетъ печать дѣятельность нашихъ земскихъ учреждений? Могутъ сказать, что законъ 13 іюня 1867 г. препятствуетъ настоящей гласности по земскимъ дѣламъ. Это справедливо, но отчасти. Упомянутый законъ препятствуетъ вполнѣ свободному обнародованію *преній*, происходящихъ въ земскихъ собраніяхъ, но не результатовъ ихъ дѣятельности, которые, напротивъ, должны быть опубликованы, на основаніи 110 и 112 ст. полож. о земск. учреж. Прибавимъ, что „Правительственный Вѣстникъ“, постоянно печатая отчеты земскихъ управъ, даетъ богатый матеріалъ для обсужденія. Что сдѣлано по вопросу... Но списокъ вышелъ бы слишкомъ длиненъ. Зато мы съ успѣхомъ занимаемся вопросами о допотопной исторіи, о реорганизаціи труда и пр. — и все это величаемъ социальными вопросами. Конечно, и эти „социальные вопросы“ небезъинтересны, но при одномъ условіи — чтобы они вытекали изъ жизненной практики того народа, для котораго мы работаемъ. Быть работниками на все человѣчество — мысль очень заманчивая, но весьма непрактичная. Что мы выиграли отъ того, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ разыгрывали въ Европѣ роль умиротворителей и охранителей? Ничего, кромѣ того, что эта Европа собрала на нашу же голову горячіе уголья. Не болѣе выиграемъ и теперь, если станемъ играть роль просвѣтителей, реформаторовъ.

Все сказанное до сихъ поръ, конечно, не можетъ быть

принято за упрекъ нашей печати. Напротивъ, надо удивляться, какъ, не смотря на всѣ невыгодныя условія, печать наша занималась такъ усердно и такъ успѣшно разными практическими вопросами. Приведенные факты доказываютъ только, что печать сохранила еще многіе недостатки того времени, когда она, не имѣя возможности работать надъ практическими вопросами, странствовала въ области фантазій, не имѣя предъ глазами практическихъ цѣлей, гонялась за отвлеченными идеалами, имѣвшими извѣстное вліяніе и въ нашемъ обществѣ.

Эти послѣдніе остатки непрактичности и духовнаго плѣна русской печати могутъ быть стерты только ея свободой.

IV.

Положеніе вопроса о печати начинаетъ понемногу разъясняться. Въ началѣ ноября зловѣщее карканье вороновъ нашей печати заставило-было многихъ призадуматься. „Этому-то зажмутъ ротъ“, „такого-то сократятъ“, „этотъ провинился въ необузданности“, „такой-то не совсѣмъ благонадеженъ“... Понятно, что такія обвиненія, упавшія, какъ снѣгъ на голову, произвели не малое замѣшательство въ умахъ, заинтересованныхъ положеніемъ литературы. Дошло, наконецъ, до того, что декламация „Вѣсти“ посѣяла въ обществѣ превратныя воззрѣнія даже на высочайшій рескриптъ 2-го ноября.

Согласно этимъ „воззрѣніямъ“, рѣчь шла не о простой законодательной работѣ, необходимой въ виду новыхъ условій государственнаго порядка (главнымъ образомъ новаго суда), но и о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ, будто бы необходимыхъ для укрощенія яко-бы зазнавшейся журналистики. Мало того: нѣкоторые легковѣрные „охранители“ думали уже, что все дѣло возникло изъ какихъ-то чисто частныхъ мотивовъ... Все это оказалось пустымъ слухомъ, и, очевидно, „пугатели“ „Вѣсти“ возрадовались слишкомъ рано. Никакихъ мѣропріятій, сокращеній и зажатій не послѣдовало. Высочайшій ре-

скриптъ просто учредилъ законодательную комиссію, одну изъ тѣхъ комиссій, которыя учреждаются у насъ весьма часто въ потребныхъ случаяхъ. Ея задача весьма ясно опредѣлена рескриптомъ: ей предстоитъ выработать законоположеніе для печати, которое замѣнило бы временныя правила, дѣйствовавшія съ 1865 года. Такая работа, очевидно, потребуетъ много времени, и, сколько слышно, члены комиссіи не намѣрены торопиться. Рѣшеніе весьма благоразумное: законъ не долженъ быть произведеніемъ минуты, особенно такой минуты, когда хотя малѣйшее раздраженіе способно дать всему ненормальное направленіе. Законъ, изданный подъ вліяніемъ минуты, будетъ носить характеръ исключительный, чрезвычайный, сдѣлается орудіемъ въ рукахъ одной партіи для пораженія другихъ. Наша законодательная власть стоитъ выше партій и выше увлеченій минуты. До сихъ поръ она издавала законы, а не исключительныя полицейскія мѣры, опредѣляла условія, необходимыя для дѣятельности всѣхъ гражданъ, а не для процвѣтанія эгоистическихъ интересовъ одной какой нибудь партіи. Невозможно ожидать, чтобы по дѣламъ печати она пошла другимъ путемъ. Итакъ, общество можетъ ожидать отъ новоучрежденной комиссіи *законовъ о печати*, а печать можетъ спокойно высказать всѣ соображенія, которыя она сочтетъ нужными. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современнаго законодательства будетъ разрѣшенъ въ спокойномъ состояніи духа, независимо отъ разныхъ постороннихъ вліяній, какъ этого желаетъ и самъ высочайшій рескриптъ.

Да, для такого дѣла нужно полное спокойствіе духа, умѣнье войти въ себя и поставить свою совѣсть лицомъ къ лицу съ началами справедливости, благомъ Россіи и приговоромъ потомства. Въ такія минуты каждый, призванный къ законодательнымъ работамъ, можетъ сознать, что права личности, благо государства и справедливость не пустыя слова, пригодныя только для юридическихъ учебниковъ, но великія идеи, живущія въ сознаніи гражданина; эти слова многое

скажутъ его совѣсти въ тотъ моментъ, когда житейскія дрязги и интриги забываются имъ предъ великимъ общественнымъ интересомъ.

Для членовъ комиссіи и для литературы наступила такая минута. Періодъ темной интриги и агитаціи, продолжавшійся нѣсколько времени, кончился. Слова высочайшаго рескрипта, напоминающія членамъ комиссіи о „долгѣ и свободѣ отъ всякихъ вліяній“, опредѣляютъ характеръ ея будущей дѣятельности. Она должна дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовала приснопамятная редакціонная комиссія графа Ростовцева и комиссія, приготовившая судебные уставы. Съ этой точки зрѣнія мы и намѣрены высказать нѣсколько соображеній, можетъ быть, не безполезныхъ для разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ — вопроса о печати.

Законы о печати помѣщаются обыкновенно въ разрядъ полицейскихъ узаконеній. Конечно, полиція, если принимать этотъ терминъ въ высшемъ значеніи — дѣло великое. Но не всѣ разумѣютъ ее въ этомъ высокомъ смыслѣ. Что разумѣется обыкновенно подъ законами о печати? Средство предупредить и карать злоупотребленія печатнымъ словомъ. Конечно, въ этихъ законахъ встрѣчаются опредѣленія мѣры свободы печати, указаніе, о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить, какъ говорить и т. д. Но всѣ эти опредѣленія дѣлаются, такъ сказать, съ уголовно-полицейскою цѣлью для того, чтобъ понятіе и опредѣленіе были всѣ предупредительныя и карательныя мѣры. Вслѣдствіе такого приѣма въ наукѣ и законодательствѣ, на самую свободу печати установился какой-то полицейскій взглядъ, весь направленный на средства „умалить зло, проистекающее отъ печати“. Этого мало. Полиція полиція рознь. Есть, какъ извѣстно, двѣ категоріи полицейскихъ постановленій: одна имѣетъ въ виду мѣры, необходимыя для развитія и осуществленія въ обществѣ такихъ предметовъ, которые считаются необходимыми для народнаго благосостоянія. Такъ, на примѣръ, содѣйствіе успѣхамъ земледѣлія, торговли, народнаго образованія. Дру-

гая, напротивъ, говоритъ о мѣрахъ, необходимыхъ для ослабленія зла, проистекающаго изъ разныхъ вредныхъ обстоятельствъ, каковы злая воля людей, дурное дѣйствіе силъ природы, голодъ, нищета и т. д. Къ какой категоріи отнести постановленія о печати? Послушавъ ученыхъ и почитавъ различныя законодательства, рѣшительно не знаемъ, что подумать. Никто, конечно, не утверждаетъ открыто, что свобода печати — зло, но мало кто открыто утверждаетъ и послѣдовательно проводитъ мысль, что она — добро. Всѣ законодательства, напримѣръ, говорятъ, что земледѣліе — „основа народнаго богатства“; но за то всѣ и заботятся объ этой основѣ: учреждаются министерства или департаменты, должныя содѣйствовать „этой полезной отрасли“ народной дѣятельности. А попробуйте найти что нибудь подобное относительно печати? Правда разные законодатели утверждаютъ, что свобода слова, наравнѣ съ свободою совѣсти и разными другими „свободами“, есть драгоцѣнное достояніе гражданина. Но съ какимъ видомъ дѣлается это „объявленіе“! Точно какъ будто законодатель говоритъ подъ влияніемъ неодолимаго внѣшняго принужденія, или хочетъ этимъ заклинаніемъ прогнать какой-то непріятный призракъ, который иначе не хочетъ уходить. Но зато, съ какою любовью обращается законодательство къ полицейскимъ постановленіямъ о печати или, вѣрнѣе, противъ печати! Тутъ каждый неловкій шагъ литератора предусмотрѣнъ, взвѣшенъ, оцѣненъ и казненъ.

Забавнѣе всего выходитъ это противорѣчіе въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ. Декларація правъ челоуѣка и гражданина шумно провозглашаетъ свободу печати. То же дѣлаютъ и французскія конституціи. Почти въ каждой изъ нихъ мы находимъ коротенькую строчку о свободѣ слова, — но за этою строчкой слѣдуютъ, въ другой части кодекса, многочисленныя полицейскія статьи.

Причина этого понятна. Свобода печати на континентѣ Европы „добыта“ обществомъ противъ воли законодателя

и рассматривается, какъ оружіе, какъ гарантія *противъ* правительства. Конституціонный законодатель пишетъ эти „строки“ поневоль и разсуждаетъ такъ: „Ничего, вѣдь это только для конституціи: зато у меня есть еще полицейскіе законы, и на нихъ я вознагражу себя сторицею“. И полицейскіе законы выходятъ „оружіемъ“ противъ „оружія“. Оружіе народа въ конституціонной строчкѣ, а оружіе правительства въ полицейскомъ кодексѣ. Изъ всего этого выходитъ нѣчто въ родѣ гегелевскаго „отрицанія“.

Умѣстенъ ли подобный взглядъ и подобное отношеніе къ дѣлу въ нашемъ законодательствѣ? Свобода печати не „взята“ нашимъ обществомъ, а дарована ему освободителемъ Россіи. Царю-Освободителю не для чего было провозглашать права печати. У насъ есть много непровозглашеннаго въ основныхъ законахъ, но, тѣмъ не менѣе, охраняемаго закономъ. Собственность, личная свобода, судебныя гарантіи, выборныя права не занесены въ основные законы страны, но они существуютъ и охраняются, потому что державная воля признала ихъ за благо, необходимое для народа. Слѣдовательно, новой законодательной комиссіи представляется возможность съ полнымъ спокойствіемъ и признаніемъ разрѣшить слѣдующій вопросъ: есть ли свобода печати благо, необходимое для народнаго развитія, какъ собственность, торговля, наука, гласный судъ, земскія учрежденія, или это зло, хотя и неизбежное?

Всякій читатель согласится, что отъ вѣрнаго и добросовѣстнаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ весь характеръ будущаго закона о печати. Если вопросъ будетъ разрѣшенъ въ первомъ смыслѣ, законъ ограничится гарантіями, необходимыми для правильнаго и законнаго развитія печати; если во второмъ—мы получимъ рядъ охранительно-полицейскихъ узаконеній, при которыхъ положеніе печати всегда будетъ ненормально.

Есть много основаній думать, что вопросъ не можетъ не разрѣшиться въ первомъ смыслѣ. Мы глубоко вѣримъ въ

историческую логику событий, особенно въ такое царствованіе, которое до настоящаго времени было строго послѣдовательно. Политика Государя Императора Александра II до сихъ поръ имѣла цѣлью довершить историческое образованіе самодержавія и русскаго государственнаго управленія въ смыслѣ началъ, впервые провозглашенныхъ Петромъ Великимъ. Намъ кажется, поэтому, что законодательной работѣ надъ печатью должно предшествовать выясненіе системы русскаго самодержавія.

Обыкновенно полагають, что принципъ самодержавія, по существу своему, неизмѣненъ и способенъ породить лишь строго-однообразныя системы, что, поэтому, самодержавіе неспособно принять въ свою систему то, что существуетъ въ другихъ государствахъ. Самое слабое знакомство съ русскою исторіей покажетъ, что самодержавная власть способна къ историческому движенію, способна творить самыя разнообразныя системы и въ каждой изъ нихъ сохранять свою силу и неприкосновенность своихъ державныхъ правъ.

Три царствованія, одинаково славныя, внесли коренныя измѣненія въ русское государственное устройство: Петра Великаго, Екатерины II и императора Александра II. Смѣло можно сказать, что каждый изъ этихъ государей продолжалъ дѣло своего предшественника.

Петръ Великій вступилъ на престолъ въ тотъ моментъ, когда всѣ начала, на которыхъ держалось старое московское государство, были крайне разстроены, такъ сказать, обанкрутились и изворовались. Приказное начало оказалось негоднымъ. Петръ горько жалуется на него. „Старые судьи дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли“, повторяетъ онъ не разъ въ своихъ указахъ. Земскія и вѣрныя должности дѣйствуютъ не лучше. Головы, старосты и цѣловальники тѣснятъ обывателей и обкрадываютъ казну. Между тѣмъ, государству необходимо вести страшную борьбу съ сосѣдями, занять почетное мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, усвоить себѣ лучшія приобрѣтенія Запада. Что же дѣ-

ласть преобразователь? Онъ не страшится измѣнить кореннымъ образомъ самые принципы управления. Онъ стремится замѣнить систему личной администраціи системою правильныхъ и самостоятельныхъ установленій, чрезъ которыя монархическая власть могла бы дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ и авторитетомъ. Ему казалось, что эта задача можетъ быть разрѣшена посредствомъ коллегіальныхъ учреждений. Духовный регламентъ, на примѣръ, прямо говоритъ, что коллегіальныя учрежденія водворяютъ въ народѣ уваженіе къ закону и укрѣпляютъ основы самодержавной власти, снимая съ нея обвиненіе въ произволѣ, что они необходимы, „дабы не клеветали непокоривые челоуѣцы, что се или оное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истинною заповѣдаетъ монархъ“. Идеаломъ Петра Великаго было государство, управляемое системою коллегіальныхъ учреждений на точномъ основаніи законовъ, исходящихъ отъ самодержавной власти. Много труда положилъ онъ на осуществленіе этого идеала. Но его система не могла привиться къ такому обществу. Приказныя преданія были сильны; самъ сенатъ постоянно сбивался на старую дорогу. Сверхъ того, трудно говорить о господствѣ законности въ эпоху, когда личныя права гражданъ не обезпечены и не опредѣлены закономъ. Система правильныхъ коллегій не удержалась въ тяглоу и закрѣпощенномъ обществѣ. Но если система Петра Великаго рушилась при его ближайшихъ преемникахъ, то идея его не умерла. Она сдѣлалась животворнымъ принципомъ нашего законодательства въ лицѣ Екатерины II.

Императрица, послѣдовательница философіи XVIII столѣтія, дала идеѣ Петра Великаго солидное теоретическое основаніе и увеличила массу практическихъ средствъ для ея осуществленія. Ей наше законодательство обязано новою теоріею монархической власти и новымъ понятіемъ, неизвѣстнымъ прежнему времени—понятіемъ *гражданина*. Екатерина II заботится не только о правильной организаціи властей, чрезъ которыя дѣйствуетъ монархъ, но и объ опредѣленіи и

обезпеченіи правъ частныхъ лицъ. При ней выяснены начала частной собственности, указаны средства къ обезпеченію личной свободы, провозглашена вѣротерпимость. Кромѣ личныхъ правъ, являются въ законодательствѣ права корпоративныя. Дворянская грамота и городовое положеніе создаютъ мѣстныя общества, даютъ имъ участіе въ администраціи, основываютъ систему мѣстныхъ должностей на выборномъ началѣ, даютъ этимъ мѣстнымъ обществамъ важное право ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ, т. е. право петицій. Словомъ, общую мысль Екатерины II можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „Монархъ управляетъ государствомъ чрезъ правильныя учрежденія; учрежденія дѣйствуютъ на точномъ основаніи законовъ; законы имѣютъ цѣлю обезпечить благосостояніе и свободу гражданъ; граждане пользуются какъ неприкосновенностью своихъ частныхъ правъ, такъ и участіемъ въ общественной администраціи“.

Но проведеніе этой мысли встрѣтило препятствіе въ массѣ условій, которыя мы, для краткости, обозначимъ однимъ терминомъ: *крѣпостное право*. Мы принимаемъ здѣсь этотъ терминъ не въ узкомъ смыслѣ права помѣщиковъ надъ своими крестьянами. Крѣпостное право до настоящаго царствованія имѣло гораздо обширнѣйшее значеніе. Оно означало, что масса народа имѣла исключительно *тяглое* значеніе; часть тяготъ (повинностей) отбывалась въ пользу владѣльцевъ, другая въ пользу государства. Въ Россіи было какъ бы два государства: одно „жалованное“, бѣломѣстное, другое — *податное*, финансовое. Реформы Екатерины II коснулись перваго государства; второе ждало Царя-Освободителя.

Императоръ Александръ II во всѣхъ отношеніяхъ расширилъ и довершилъ реформы своихъ великихъ предшественниковъ. „Жалованное“ и податное государство слиты въ одно цѣльное земство; суду дана полная независимость, личныя права, существовавшія прежде въ видѣ привилегій, распространяются на всѣхъ гражданъ; участіе общества въ управленіи увеличивается въ неслыханной прежде степени.

Администрація дѣйствуетъ теперь не въ массѣ безмолвнаго и тяглаго общества, а среди свободныхъ лицъ и выборныхъ учреждений, изъ которыхъ каждое имѣетъ *свое право* и можетъ на него опереться подъ защитою независимаго суда. Теперь положеніе, занесенное издавна въ наши основные законы, что „Имперія Россійская управляется на точномъ основаніи положительныхъ законовъ, уставовъ и учреждений, исходящихъ отъ самодержавной власти“, получаетъ истинно практическое значеніе; прежде оно было скорѣе желаніемъ, стремленіемъ, а не фактомъ. Причина заключается въ томъ, что такія положенія не осуществляются безъ гражданской и общественной свободы. Великое значеніе нынѣшняго царствованія заключается именно въ томъ, что оно даетъ будущимъ поколѣніямъ не только *учрежденія*, но и *гражданъ*.

Вотъ что дѣлало самодержавіе въ лицѣ величайшихъ своихъ представителей. Теперь спросимъ себя: выигрывалъ или проигрывалъ принципъ власти отъ каждой изъ этихъ реформъ? Не надо обладать особенною политическою мудростью, чтобы увидѣть, что каждое новое право, даруемое русскому обществу, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новымъ торжествомъ власти. Съ каждымъ шагомъ впередъ, въ обществѣ увеличивалось довѣріе и уваженіе къ источнику и охранителю общественныхъ правъ. Каждая реформа отгоняла призракъ того, противъ чего боролся Петръ Великій: „дабы не клеветали непокоривые человѣцы, что се или иное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною заповѣдаетъ монархъ“; напротивъ, все ярче и нагляднѣе выступало значеніе словъ великой Екатерины: „Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствіе ихъ направить къ полученію самаго большого отъ всѣхъ добра“.

Такъ или иначе, но самодержавіе старалось и старается утвердить свою власть на нравственныхъ основаніяхъ, опираться не только на матеріальную силу, но и на нравственные интересы общества. Петръ Великій ищетъ опоры въ правиль-

ныхъ учрежденіяхъ; преемники его рядомъ съ *учрежденіями* создаютъ новую нравственную силу: матеріальный *рабъ* начала XVIII вѣка переходитъ въ *подданнаго* Екатерины II и вырастаетъ въ *гражданина*, подъ вліяніемъ реформъ нынѣшняго царствованія. Гражданинъ избираетъ своихъ старостъ, старшинъ и головъ; гражданинъ участвуетъ въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя; гражданинъ ведетъ земское хозяйство; а настоящее правительство сильно тѣмъ, что оно опирается на нравственную силу земскаго гражданства и создало установленія, способныя развить лучшія нравственныя силы человѣческой природы и дать имъ практическое приложеніе.

Реформы нынѣшняго царствованія не только укрѣпляютъ принципъ самодержавія, но и служатъ превосходною школою для развитія трезваго гражданскаго чувства. Слѣдовательно, все, что способствуетъ укрѣпленію и прогрессу этихъ реформъ, служить столько же интересамъ общества, сколько и самодержавія. И здѣсь-то должно искать великаго значенія печати. Свобода печати есть не только свобода слова и свобода мнѣній, т. е. одно изъ индивидуальныхъ правъ; понимать свободу печати въ такомъ узкомъ смыслѣ нельзя. Декларация правъ объявила свободу печати индивидуальнымъ правомъ, потому что она была издана въ эпоху борьбы личной свободы съ правительственнымъ произволомъ: надо было выковать оружіе противъ произвола и дать его гражданину. Мы обошлись безъ этихъ декларацій; свобода нашей печати не есть оружіе противъ власти, подобно тому, какъ не могутъ быть названы „оружіемъ“ земскія учрежденія и новые суды. вмѣстѣ съ послѣдними она есть средство для правильнаго развитія общества и наилучшей организациі системы самодержавнаго управленія. Мы желаемъ свободы печати не потому, что „личность должна быть вооружена противъ власти“, а потому, что безъ свободы печати погибнуть тѣ учрежденія, которыя дали новую силу самодержавію: крестьянское и земское самоуправленія и новые суды; потому что безъ нея не можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ ни одинъ сколько

нибудь важный вопрос современной политики; потому что, лишившись этой свободы, Россія явится безоружною противъ грознаго общественнаго мнѣнія Европы и многочисленныхъ интригъ нашихъ враговъ; потому, наконецъ, что реакція по вопросу о печати приведетъ къ попятному движенію по всѣмъ остальнымъ вопросамъ. Объявить стѣсненіе печати значитъ объявить несостоятельными всѣ новѣйшія реформы.

Слѣдовательно, для насъ вопросъ о печати тождественъ съ слѣдующимъ:

Всѣ современныя реформы показываютъ уровень развитія, до котораго достигла государственная власть и русское общество: удержатся ли они на этомъ уровнѣ? Не предстоитъ ли опасность возвратиться къ порядкамъ, осужденнымъ уже великодушнымъ преобразователемъ Россіи? Если вопросъ поставленъ правильно (съ чѣмъ, полагаемъ, трудно не согласиться), то намъ, прежде всего, предстоитъ выяснитъ значеніе печати, какъ средства, необходимаго для правильнаго развитія русскаго государства и общества. Это мы постараемся сдѣлать въ слѣдующей статьѣ.

V.

Говорятъ, что недавно, на экзаменѣ, между профессоромъ и воспитанникомъ произошелъ слѣдующій разговоръ: *Вопр.* „Кто предсѣдательствуетъ въ земскомъ собраніи?“ *Отв.* „Губернаторъ“. Экзаменаторъ улыбается. „Неужели вы не знаете такихъ вещей? Вѣдь съ этимъ можно познакомиться даже изъ газетъ“. — „Но, г. профессоръ, о земскихъ учрежденіяхъ такъ мало пишутъ!“ — Профессоръ нашель, однако, что воспитаннику слѣдовало прочесть руководство, но затѣмъ согласился, что о земскихъ учрежденіяхъ, дѣйствительно мало пишутъ.

Мы, съ своей стороны, также согласны съ воспитанникомъ и даже сдѣлаемъ изъ этого факта такіе выводы, какихъ не сдѣлалъ ни онъ, ни его профессоръ.

Что журналистика не могла помочь воспитаннику узнать строй земскихъ собраній—это еще не большая бѣда, у него есть записки и книги. Но мы дѣлаемъ слѣдующій вопросъ: живѣ ли представляются земскія учрежденія сознанию гражданъ, уже кончившихъ курсъ наукъ и вступившихъ въ жизнь? Можетъ быть, они не стануть утверждать, подобно означенному воспитаннику, что въ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ губернаторъ. Но вѣдь этого мало. Учрежденія, основанныя на выборномъ началѣ, подлежащія контролю общества, должны, такъ сказать, сростись съ общественнымъ сознаниемъ, представляться уму въ ясныхъ и отчетливыхъ формахъ. Для массы гражданъ это возможно при одномъ условіи—чтобъ объ учрежденіяхъ этихъ говорилось какъ можно больше. Странное дѣло! Новые суды — правительственное установленіе — родственнѣ намъ, чѣмъ наши общественныя установленія, и понятно почему: нѣтъ той газеты, которая ежедневно не излагала бы важнѣйшихъ процессовъ и не разбирала бы судебныхъ приговоровъ, рѣчей обвинителей и защитниковъ; чуть возникнетъ важное дѣло, печать слѣдитъ за всѣми моментами слѣдствія и процесса, разбираетъ каждый поступокъ слѣдователя и т. д. Отъ этого судъ и процессъ живутъ въ общественномъ сознаніи не только въ качествѣ общихъ, отвлеченныхъ понятій, но, такъ сказать, въ видѣ живыхъ людей, людей дѣйствующихъ и говорящихъ, носящихъ различныя названія: судьи, прокурора, адвоката, присяжнаго, слѣдователя, носящихъ различныя фамиліи, проводящихъ различныя идеи и имѣющихъ тотъ или другой образъ мыслей.

Земскія учрежденія поставлены въ другія условія. Общество знаетъ эти учрежденія въ ихъ отвлеченномъ единствѣ, но не подъ видомъ живыхъ людей. Оно избираетъ извѣстное число гласныхъ. Что говоритъ каждый изъ нихъ? Какого направленія онъ держится? Какъ поступилъ онъ въ томъ или другомъ случаѣ? Все это составляетъ теперь для него тайну. Общественному дѣятелю почти нѣтъ возможности выяснить

и опредѣленно поставить свою личность, потому что это возможно только при посредствѣ печати и гласнаго об-сужденія всѣхъ мнѣній и преній. Мы сказали, что о земскихъ собраніяхъ мало говорятъ; этого мало: ихъ голосъ мало слы-шенъ. Каждое земское собраніе говоритъ только для своихъ сочленовъ и для той немногочисленной публики, которая слу-чайно зайдетъ въ залу собранія. Гласные не говорятъ ни для губерніи, ни для уѣзда, ни даже для всего уѣзднаго города, не только для Россіи — Россія не знаетъ своихъ гласныхъ. Между тѣмъ земское хозяйство въ государствѣ представляетъ-таки нѣкоторое единство и множество общихъ интересовъ; а такъ какъ Россія все еще цѣльное государство (несмотря на желаніе нашихъ „друзей“), то и желательно, чтобъ дѣя-тельность гласныхъ происходила на виду общаго ихъ оте-чества. На это могутъ возразить, что, на основаніи ст. 110-й и 112-й полож. о земскихъ учрежд., они обязаны публиковать от-четы о своей дѣятельности. Но это обстоятельство не унич-тожаетъ отвлеченнаго характера собраній и управъ. Губерн-ское правленіе можно обязать къ печатанію отчетовъ о его дѣятельности—и, несмотря на это, оно всегда останется чѣмъ-то существующимъ „на высотахъ“. Въ земскомъ же собраніи такая цѣльность и отвѣченность положительно вредны. Каждый гласный долженъ дѣйствовать самъ собою, отли-чаться отъ другихъ и нести предъ обществомъ нравственную отвѣтственность самъ за себя. Такое положеніе придастъ ему больше энергіи, дастъ полный просторъ его вчинаніямъ. При такихъ условіяхъ общество будетъ знать свои собранія не въ ихъ отвлеченіи, а въ ихъ членахъ—*гласныхъ*.

Теперь каждый гласный, вступая въ собраніе, теряется, исче-заютъ въ цѣльности учрежденія; его личное мнѣніе пропадаетъ въ однообразіи протоколовъ, журналовъ и отчетовъ. Коротенькіе стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ не могутъ дать надле-жащаго понятія о жизни земскихъ собраній; сборники этихъ отчетовъ, изъ которыхъ можно было бы получить нѣкоторое понятіе объ общемъ направленіи сессіи, доступны только

гласнымъ собранія; къ довершенію же всего, эти гласные не могутъ обмѣниваться съ управами и собраніями другихъ губерній даже этими скудными свѣдѣніями. Это ли жизнь? Можно ли, при такихъ условіяхъ, удивляться, что у насъ мало энергическихъ дѣятелей? Удивительно ли, что нѣсколько очередныхъ земскихъ собраній не состоялось за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ? Когда я говорю и знаю, что мои слова будутъ услышаны всѣмъ обществомъ при посредствѣ печати, когда я знаю, что хотя мнѣ и не удастся въ данную минуту побѣдить большинство, но, всетаки, моя мысль въ формѣ моей рѣчи, существуетъ въ печати, что, слѣдовательно, она живетъ въ формѣ печатнаго слова — я буду говорить. Но когда я говорю и знаю, что моя горячая рѣчь, мое искреннее убѣжденіе, подобно такимъ же рѣчамъ и убѣжденіямъ моихъ товарищей, дастъ бытіе только бездушному протоколу или коротенькому отчету — я буду молчать, я не приѣду „исчезать“ въ собраніи. „Но общее благо? Неужели нельзя поставить его выше своего личнаго самолюбія?“ Во-первыхъ, нежеланіе отречься отъ своей личности и выковырять изъ своихъ мнѣній официальные протоколы нигдѣ не считается самолюбіемъ. Это не побѣда надъ самолюбіемъ, а самоотреченіе. „Но самоотреченіе иногда необходимо въ видахъ общаго блага!“ Да, когда отечество въ опасности. Но едва ли удобно строить систему правильныхъ и постоянно дѣйствующихъ учрежденій только на фундаментѣ самоотреченія. Положимъ даже, что гласные „отрекутся“ — будетъ ли изъ этого польза? Совершенно напротивъ; именно тогда то земскія учрежденія сами будутъ обезличены, сдѣлаются окончательно отвлеченнымъ понятіемъ и исчезнутъ изъ сознанія народа. Не надо забывать, что всякое учрежденіе можетъ жить только въ свойственной ему атмосферѣ. Всѣ прежнія правительственныя установленія и суды, основанные на возможно полномъ отдѣленіи управляющихъ отъ управляемыхъ, по существу своему, были безличны, должны были жить на недостижимой высотѣ. Поэтому они

нуждались въ канцелярской тайнѣ и отсутствіи публики. Отличительная черта новыхъ учреждений — гласность и общественность. Новый судъ важенъ не столько тѣмъ, что въ немъ есть обвинители и адвокаты, сколько тѣмъ, что въ немъ есть присяжные и что газеты имѣютъ тамъ своихъ стенографовъ. Уничтожьте присяжныхъ, изгоните стенографовъ—будьте увѣрены, что вамъ придется жалѣть о старыхъ судахъ. Такъ или иначе, но законодательство наше признало нужнымъ ввести въ судебную и административную сферу общественное начало—посадить въ судъ присяжныхъ, поручить губернское и уѣздное хозяйство выборнымъ людямъ. Это общественное начало заглохнетъ, пребудетъ мертворожденнымъ безъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется всякая общественная дѣятельность. Извѣстно, на примѣръ, что выборное начало не допускаетъ отдѣленія избраннаго отъ избирателя; избранный долженъ оставаться „обществомъ“, сохранять съ нимъ нравственную и матеріальную связь. Возможно ли это если, на примѣръ, гласный, разъ будучи избранъ, исчезаетъ въ безличности собранія и уходитъ изъ подъ контроля общества? Общество должно знать, что онъ говорилъ и какъ онъ поступалъ въ теченіи сессіи. А оно не будетъ знать этого безъ содѣйствія печати. Когда нарушена связь между избирателемъ и избраннымъ, уничтожается нравственная отвѣтственность избраннаго предъ обществомъ, исчезаютъ всѣ мотивы къ энергической и самостоятельной дѣятельности.

Словомъ, намъ кажутся неоспоримыми слѣдующія два положенія: 1) ни одно общественное учрежденіе не можетъ войти въ сознаніе общества, если общество не будетъ имѣть понятія о дѣятельности, направленіи и значеніи лицъ, его составляющихъ; 2) личность не можетъ проявить себя и свое направленіе, если всѣ ея идеи и мнѣнія будутъ исчезать, стушываться въ оффиціальныхъ актахъ.

Осуществленіе того и другого условія немислимо безъ содѣйствія печати. Только въ ней сохраняются и получаютъ

значеніе индивидуальныя мнѣнія. Только она, обсуждая и распространяя эти индивидуальныя мнѣнія, поддерживаетъ связь общества съ его учреждениями, превращаетъ эти учреждения изъ отвлеченныхъ понятій въ реальныя установленія, даетъ имъ жизненную силу.

Каждый, кто заинтересованъ тѣмъ, чтобы великія реформы нынѣшняго царствованія не превратились въ фикцію, а вошли въ жизнь и сознаніе общества, долженъ желать большей свободы печати. Утверждая это, мы говоримъ не а priori, не гадательно. У насъ за плечами, хотя кратковременный, но многозначительный опытъ того, какъ при помощи нашей печати „фикціи“ принимали плоть и кровь, получали дѣйствительное бытіе.

Въ сороковыхъ годахъ у насъ много говорили о такъ называемой національности, т. е. народности. Понятіе хорошее и въ тѣ времена считавшееся полезнымъ. Но что такое русская народность? въ чемъ состоятъ ея интересы? Это опредѣлялось различно и всегда смутно. Говорили, на примѣръ, что Россія государство военное, а потому всѣ свои матеріальныя силы она должна направлять на содержаніе арміи. Меттернихъ и политики его школы утверждали, что Россія призвана поддерживать порядокъ въ Европѣ — и мы его поддерживали. Крымская война разбила эти иллюзіи. вмѣстѣ съ ними мы, казалось, утратили самую формулу нашей народности. Но императоръ Александръ II своими реформами скоро раскрылъ всѣмъ глаза; скоро всѣ поняли, что девизъ русской народности: крестьянскій надѣлъ, общинное землевладѣніе, земское самоуправленіе, господство русскаго языка, обезпеченіе низшихъ классовъ населенія отъ цивилизаторскихъ стремленій враждебныхъ Россіи иноземцевъ. Отвлеченная формула разрѣшилась въ рядъ великихъ практическихъ задачъ. Съ точки зрѣнія этихъ задачъ, стало ясно, какъ мало принесла намъ пользы прежняя формула и какъ въ то время, когда мы любовались своими военными силами и умиротворяли Европу, выходили изъ подъ русскаго вліянія наши окраины и обезземеливались

прибалтійскіе крестьяне. Общество поняло, какъ ему много надо работать надъ самимъ собою. Трезвое гражданское чувство проснулось — и пусть каждый безпристрастный чловѣкъ скажетъ, мало ли сдѣлала печать для разъясненія практическихъ вопросовъ? Какъ бы ни гнѣвались на журналистику за разные ея промахи (большею частью, преувеличенные усердіемъ ея враговъ), всетаки должно признать, что большинство журналовъ имѣло одну цѣль—способствовать упроченію началъ, внесенныхъ нынѣ въ нашъ бытъ Государемъ. Всѣ заботы печати направлены были на то, чтобъ воля и начинанія державнаго благодѣтеля Россіи не превращались въ „фикцію“, а получили жизненное значеніе. Законодательство хочетъ устроить бытъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, подобно тому, какъ онъ устроенъ внутри Россіи — печать знаетъ, что есть могущественная партія, желающая, чтобъ державная воля осталась фикціею, а крестьяне безземельными, и она дѣлаетъ что можетъ для противодѣйствія этой партіи. Государь Императоръ объявляетъ прибалтійское населеніе членомъ единой русской семьи и желаетъ водворить господство русскаго языка во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ — нашлись люди, которые хотятъ сдѣлать изъ этихъ намѣреній отвлеченную формальность: печать не хочетъ терпѣть этого. Судебная реформа провозглашаетъ независимость суда и равенство предъ закономъ — есть люди которые, хотятъ противнаго: мало ли сдѣлала печать, чтобъ путемъ серьезнаго обсужденія, убѣжденія или насмѣшки, ослабить реакціонныя стремленія?

Мы не ошибемся, слѣдовательно, сказавъ, что безъ свободы печати, всѣ учрежденія, составляющія славу нынѣшняго царствованія, исказятся, изгладятся изъ сознанія общества и вымрутъ, какъ нѣкогда вымерло наше „Городовое положеніе“ и многія части „Учрежденія о губерніяхъ“ Екатерины II.

Но не для одного внутренняго преуспѣянія Россіи необходимъ свободный голосъ печати. Во всѣхъ государствахъ журналистика считается силою, способною поддержать раз-

ныя мѣры внѣшней политики, и, надо отдать честь Европѣ, она ловко пользуется этою силою противъ насъ. Не будь у Европы ея грозной печати, никогда ей не удалось бы держать свое общественное мнѣніе въ такомъ лихорадочномъ раздраженіи противъ Россіи. Кто увѣрялъ Европу, что польскій вопросъ не призракъ, что балтійскія провинціи законное наслѣдіе Пруссіи? Печать. А мы? Мы не можемъ убѣдить *нашу* публику, что западныя окраины—наше законное достояніе, потому что голосъ нашихъ враговъ раздастся громче, смѣлѣе и свободнѣе...

Странное дѣло! Мы толкуемъ о полезныхъ заимствованіяхъ у нашихъ цивилизованныхъ сосѣдей и заимствуемъ у нихъ много дурного и хорошаго: заимствуемъ оружіе, войсковыя построенія, учимся у нихъ полицейскому дѣлу; заимствуемъ желѣзныя дороги, каналы, мониторы; завели своихъ концессионеровъ, адвокатовъ, присяжныхъ; но того, что составляетъ истинную нравственную силу Европы—свободной печати—этого многіе у насъ не хотятъ! За что же мы лишаемъ себя этой силы? За что же мы должны смотрѣть, сложа руки, какъ интрига, шагъ за шагомъ, подкапываетъ достоинство и авторитетъ Россіи, осмѣиваетъ нашу народность, унижаетъ насъ даже въ глазахъ нашихъ друзей?

Это всѣмъ извѣстно. Но мы знаемъ, что такія соображенія недостаточны для убѣжденія противниковъ печати. Мало того: они-то и побуждаютъ ихъ гремѣть противъ свободы слова. „Мы знаемъ, — говорятъ они журналистамъ, — что вы стоите за „Положеніе 19 февраля“ и за все, что составляетъ логическое его послѣдствіе вмѣстѣ съ народностью, потому что эти положенія и учрежденія и народность готовятъ Россіи переворотъ, котораго вы такъ желаете. Но мы находимъ, что эти учрежденія противны духу самодержавія, равно какъ и свобода печати. Вводя одно и допуская другую, оно дѣйствуетъ противъ самого себя. Какъ вводитъ учрежденія, которыя могутъ приходиться въ столкновеніе съ правительственными властями, и дозволяютъ печати отстаивать вещи, противныя духу общей системы?“

Другими словами, согласно воззрѣнію нашихъ *охранителей*, всѣ новыя учрежденія, вмѣстѣ съ печатью, составляютъ „оппозицію“ всей правительственной системѣ — оппозицію, которая ставитъ правительство въ опасность...

Положимъ на первый разъ, что наша печать — „оппозиція“. Возможна ли оппозиція при самодержавномъ правленіи? Для разрѣшенія этого вопроса намъ нѣзачѣмъ пускаться въ отвлеченныя разсужденія. Мы приглашаемъ нашихъ противниковъ стать съ нами на законную почву, на точку зрѣнія законовъ Россійской Имперіи. *Soyons légistes.*

Ст. 80-я основныхъ законовъ говоритъ, что „власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю; въ управленіи верховномъ власть его дѣйствуетъ непосредственно; *въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго, определенная степень власти* ввѣряется отъ него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ его именемъ и по его повелѣнію“. Статья 81-я развиваетъ это положеніе. „Предметы управленія подчиненнаго (т. е. кругъ вѣдомства), образъ его дѣйствія, степень и предѣлы власти, оному ввѣряемой, *во всѣхъ вообще установленіяхъ*, какъ высшихъ государственныхъ, такъ и низшихъ, имъ подвѣдомыхъ, определяются подробно въ учрежденіяхъ и уставахъ сихъ установлений“. Изъ этого слѣдуетъ, что 1) есть сфера дѣятельности, гдѣ Монархъ дѣйствуетъ непосредственно и гдѣ всѣ лица являются только исполнителями высочайшей воли; 2) есть сфера управленія, гдѣ высшія и низшія установленія дѣйствуютъ самостоятельно, на основаніи законовъ, и несутъ за свои дѣйствія законную отвѣтственность. Эта часть управленія можетъ, очевидно, подлежать всестороннему обсужденію. Нарушеніе предѣловъ вѣдомствъ, несоблюденіе формъ дѣлопроизводства, превышеніе власти — словомъ все означенное въ 81-й статьѣ есть законное достояніе общественнаго мнѣнія, слѣдовательно, и печати. Смыслъ основныхъ законовъ прямо показываетъ, что монархическая власть не отождествляетъ себя со всѣми своими органами, не признавая ихъ дѣйствій актами своей воли. Основные законы, очевидно, предвидятъ

случаи, когда распоряженія подчиненныхъ властей будутъ идти въ разрѣзъ съ высочайшею волей и законами, и предписываетъ не приводить ихъ въ исполненіе, представивъ о томъ правительствующему сенату (ст. 76, 77, 78). Законы наши заботливо отличаютъ функціи непосредственнаго органа верховной власти отъ функцій самостоятельной подчиненной власти, даже въ такихъ лицахъ, гдѣ эти функціи, повидимому, соединены. Такъ, на примѣръ, общій наказъ министерствамъ опредѣляетъ ихъ, какъ установленіе, *чрезъ которое* верховная исполнительная власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія (ст. 189). Но вслѣдъ затѣмъ опредѣляются степень самостоятельной власти министра и права, необходимыя для осуществленія задачъ, возложенныхъ на его самостоятельную дѣятельность. Эти права суть (ст. 194): опредѣленіе и увольненіе высшихъ чиновниковъ по представленіямъ министровъ, а низшихъ собственнымъ ихъ утвержденіемъ; надзоръ надъ дѣйствіями подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; взысканіе съ нихъ отвѣтовъ въ случаѣ бездѣйствія или неправильнаго исполненія; разрѣшеніе, силою существующихъ законовъ и учреждений, всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи; принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію законовъ и учреждений, когда они утверждены и обращены къ исполненію министра; наконецъ, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ министръ долженъ дѣйствовать чрезвычайными мѣрами (ст. 195).

Предположимъ теперь, что министръ, принимая мѣры, „нужныя къ дѣйствію законовъ“, поступаетъ такъ, что законъ долженъ непремѣнно исказиться въ примѣненіи, что онъ, разрѣшая сомнѣнія администраціи относительно того или другого закона, толкуетъ его неправильно, и что печать, опираясь на истинный смыслъ закона, докажетъ ошибочность распоряженія — будетъ ли это посягательствомъ на нарушеніе закона?

Положеніе мѣстъ и лицъ, стоящихъ въ административной іерархіи ниже министровъ, опредѣлено еще точнѣе. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой кругъ вѣдомства, свою степень власти;

дѣятельность его подчинена извѣстнымъ формамъ. Губернаторъ, мировой судья, начальники войскъ замкнуты въ предѣлы закона.

Можно-ли, опираясь на законъ, доказывать, что то или другое дѣйствіе этихъ лицъ незаконно? Будетъ ли это нарушеніемъ принципа самодержавія? Не будетъ ли это лучшимъ подспорьемъ верховной власти, условіемъ правильнаго исполненія ея воли? Еслибъ верховная власть Россіи, опираясь на ту или другую систему учреждений, была сама опредѣленною системой, подобно Французской имперіи, тогда можно было бы сказать, что тотъ, кто обсуждаетъ дѣйствіе органа власти, нападаетъ на самую власть. Но русское самодержавіе, благодаря Бога, держится собственною силою и держитъ другихъ; оно не связываетъ себя никакимъ исключительнымъ направленіемъ; сегодня оно, сообразно съ обстоятельствами, признаетъ за благо одно направленіе и призываетъ къ власти однихъ лицъ; чрезъ нѣсколько времени, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, оно можетъ призвать другихъ — и каждый русскій считаетъ и долженъ считать священнымъ долгомъ своимъ повиноваться этимъ распоряженіямъ. При такихъ условіяхъ самая рьяная оппозиція никогда не коснется общихъ началъ власти по очень простой причинѣ — ей въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Она можетъ, оставаясь на законной почвѣ и опираясь только на законъ и ясно выраженную волю верховной власти, защищать свое убѣжденіе, обсуждать (разумеется, въ скромной, серьезной формѣ) дѣйствія правительственныхъ лицъ, рекомендовать то или другое направленіе. Словомъ, существующій у насъ порядокъ допускаетъ полную возможность *легальной оппозиціи*, того, что въ Англии извѣстно подъ именемъ „оппозиціи ея величества“.

Эта *возможность* превращается въ *необходимость*, когда власть, рядомъ съ правительственными установленіями, учреждаетъ установленія общественныя, органы самоуправленія. Здѣсь всегда возможны столкновения, пререканія, вслѣдствіе различнаго пониманія закона, общаго направленія правитель-

ства и интересовъ мѣстности. Положимъ, что въ этихъ столкновенияхъ право окажется иногда не на сторонѣ правительственныхъ органовъ: въ правѣ ли печать взять на себя защиту закона и истинныхъ интересовъ страны? Скажемъ больше: безъ возможности *такой* законной оппозиціи, система нынѣшнихъ учрежденийъ была бы неполна.

Прежнее законодательство, заботясь объ охраненіи законности въ управленіи, давало подчиненнымъ установленіямъ право не приводить въ исполненіе распоряженій высшаго правительства, не согласныхъ съ изданными законами. Заботливость законодательства шла такъ далеко, что имъ предписывалось слѣдующее: „Еслибы предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ *объявленіе высочайшаго повелѣнія*, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ высочайшимъ подписаніемъ изданное, тогда начальство, ему подчиненное, *обязано*, не чиня исполненія, представить о семъ министру“ и т. д.

Законы эти были написаны въ то время, когда у насъ не было еще настоящаго самоуправленія. Поэтому, они ограничиваются опредѣленіемъ условій, *необходимыхъ для охраненія законности въ сферѣ правительственныхъ органовъ*. Теперь мы имѣемъ зародыши самоуправления. Здравая логика требуетъ расширенія прежнихъ началъ въ виду новыхъ условій жизни. Необходимо, чтобъ каждое учрежденіе, каждый классъ могли отстаивать высочайше дарованныя имъ права всѣми законными средствами. Для судебныхъ мѣстъ и административныхъ коллегій прежняго времени достаточно было права протеста; учрежденія, построенныя на общественныхъ элементахъ, нуждаются въ общественныхъ же средствахъ. А самое надежное средство охраненія законности и началъ, внесенныхъ Царемъ-Освободителемъ въ русскую жизнь—печать.

Изъ этого видно, что еслибъ наша печать и посвятила себя, если угодно, „оппозиціи“, то и въ такомъ случаѣ ея дѣятельность нашла бы себѣ оправданіе въ основныхъ законахъ страны, въ пользахъ общества и интересахъ верховной

власти. Но намъ кажется, что прилагать неопредѣленный терминъ „оппозиціи“ къ такому своеобразному явленію, какъ наша журналистика, нельзя. Оппозиція есть систематическая критика извѣстнаго направленія правительственной политики того или другого должностнаго лица. Она немыслима безъ извѣстной борьбы общественныхъ партій, безъ строгаго контроля надъ каждымъ шагомъ администраціи.

Русская печать и не имѣетъ такого политическаго направленія. Въ ней рѣдко можно открыть слѣды того, что называется оппозиціею. Изрѣдка какое нибудь кажущееся нарушеніе высочайшей воли заставляетъ печать говорить о такихъ печальныхъ явленіяхъ. И какъ говорить! Печать, большею частью, ограничивается простымъ заявленіемъ фактовъ, не поднимая изъ нихъ никакой агитаціи. Скромная корреспонденція, обнародованіе какого-нибудь циркуляра—вотъ все, что позволяетъ себѣ печать. Были, конечно, люди, которые и это скромное обнародованіе несомнѣнныхъ фактовъ называли опасною агитаціею; но... не будемъ о нихъ говорить.

Къ счастью, должно замѣтить, что теперь уже рѣже и рѣже слышатся голоса противъ права печати обсуждать вопросы внутренняго управленія. Софизмъ, на которомъ враги развитія Россіи построили это возраженіе, утратилъ свой прежній кредитъ. Интригъ нужно перемѣнить тактику. „Конечно, — говоритъ она, — необходимо допустить возможность гласнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ и даже нѣкоторой законной оппозиціи. Но есть такія *направленія*, которыя не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ обществѣ. Противъ нихъ, главнымъ образомъ, должна быть вооружена общественная власть“.

Какія же это направленія? Объ этомъ мы поговоримъ въ другой статьѣ.

VI.

Въ послѣднее время намъ часто приходится слышать о вредныхъ направленіяхъ въ печати вообще и въ нашей жур-

налистикъ въ особенности. „Каждому правительству,—говорятъ люди компетентныя,—должно принадлежать право преслѣдовать направленія, вредныя общественному спокойствію и благосостоянію“. Замѣтимъ, „направленія“, а не дѣянія и непосредственныя воззванія къ дѣйствіямъ. Клевета и воззванія преслѣдуются вездѣ, хотя и по отношенію къ этимъ довольно осязательнымъ явленіямъ точныя законодательныя опредѣленія довольно трудны. Направленіе же есть нѣчто неуловимое, а потому положительно не поддающееся юридическому опредѣленію. Всѣ это слышали и даже сознаютъ, но доказательства этого въ нашей печати еще слабы. Постараемся облегчить разрѣшеніе этого запутаннаго вопроса.

„Человѣкъ этотъ имѣеть вредное направленіе“. Что же онъ сдѣлалъ? „Онъ ничего не сдѣлалъ“. Ну, такъ сказалъ? „Нѣтъ, и не сказалъ“. Такъ что же? „Но онъ, очевидно, одобряетъ дурныя поступки и враждебно относится къ благимъ дѣйствіямъ правительства“. Вотъ, въ сжатомъ видѣ, вопросъ „о направленіяхъ“. Первый признакъ „направленія“ заключается въ томъ, что обвинительная власть, преслѣдуя его, не можетъ указать ни на одинъ осязательный фактъ, въ родѣ дѣйствія или положительнаго сужденія. Затѣмъ „вредное направленіе“ отличается отъ вреднаго поступка въ печати тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ мы судимъ не только о посылкахъ автора, но и о выводахъ его на основаніи его же собственныхъ словъ. Напротивъ, при опредѣленіи „направленія“—посылки принадлежать автору, а выводы лицу, преслѣдующему это направленіе. Понятно, какъ шатокъ такой пріемъ и какой просторъ даетъ онъ самымъ произвольнымъ комбинаціямъ. Кто можетъ сказать, какіе выводы слѣдуетъ сдѣлать изъ тѣхъ или другихъ посылокъ, кромѣ самого автора? Итакъ, съ чисто-юридической и логической точки зрѣнія, опредѣленіе и преслѣдованіе „направленія“ невозможно.

Но защитники теоріи „вредныхъ направленій“ и не нуждаются въ юридическихъ основаніяхъ. Съ своей точки зрѣ-

нія, они совершенно правы. Юридическія основанія нужны для опредѣленія тѣхъ проступковъ печати, которые могутъ подлежать *судебному* преслѣдованію. Напротивъ, „направленіе“ преслѣдуется не судебнымъ порядкомъ. Слѣдовательно, теорія вредныхъ направленій должна быть построена не на юридическихъ, а на административно-политическихъ соображеніяхъ. Такое-то направленіе *признано* вреднымъ, ergo — оно должно быть преслѣдуемо и пресѣчено административнымъ порядкомъ.

Еслибъ печать была совершенно изъята отъ вѣдѣнія судебной власти, тогда этой простой и удобопримѣнимой теоріи было бы совершенно достаточно; но, конечно, тогда не могло бы быть и рѣчи о свободѣ печати. Въ настоящее же время идетъ рѣчь объ опредѣленіи положенія печати законодательнымъ порядкомъ, а всякій законъ долженъ быть *юридическою* нормой, слѣдовательно, имѣть юридическое основаніе и форму. Для законодательства вопросъ о направленіи представляетъ непреодолимая трудности. Когда законъ имѣетъ въ виду опредѣлить дѣятельность судьи, онъ поступаетъ очень просто: сначала онъ опредѣляетъ, какія дѣянія считаются преступными, затѣмъ указываетъ, на основаніи какихъ признаковъ можно опредѣлить, есть ли преступность въ каждомъ отдѣльномъ дѣяніи, и, наконецъ, указываетъ мѣру наказанія. Суду, имѣющему дѣло съ частнымъ случаемъ, остается рѣшить, подходитъ ли данное дѣяніе подъ понятіе извѣстнаго преступления, и, затѣмъ, примѣнить указанное закономъ наказаніе. Но такая дѣятельность закона и суда возможна только въ отношеніи къ *дѣяніямъ*, представляющимъ извѣстные осязательные признаки. По отношенію къ „направленіямъ“ она невозможна.

Когда законъ принужденъ допустить преслѣдованіе направленій, ему приходится кореннымъ образомъ измѣнить свой юридическій характеръ. Онъ не можетъ выяснить и опредѣлить ни понятія, ни состава преступленій этого рода, ни опредѣлить съ точностью мѣры наказанія. Всѣ эти суще-

ственные опредѣленія должны быть предоставлены на усмотрѣніе администраціи. Поэтому, административная власть сразу получаетъ большее право, чѣмъ судебная. Судъ ограничивается констатированіемъ факта, что извѣстное дѣяніе есть преступленіе, общее понятіе и составъ котораго опредѣлены закономъ. Администрація, преслѣдующая направленіе, должна сдѣлать больше: ей предстоитъ доказать, что такое-то направленіе вредно, что журналъ систематически держится его и что въ такихъ-то статьяхъ это направленіе обнаруживается положительно. Слѣдовательно, всѣ функціи, раздѣленные между законодательною и судебною властями, когда рѣчь идетъ о преступленіяхъ (опредѣленіе преступленія и его состава, съ одной, и подведеніе даннаго случая подъ опредѣленіе закона, съ другой стороны), соединяются въ представителяхъ администраціи, когда рѣчь идетъ о направленіи, которое, во всякомъ случаѣ, менѣе опасно, чѣмъ преступленіе.

„Но, — возражать намъ, — законъ можетъ же опредѣлить, какія направленія вредны, и, такимъ образомъ, дать юридическое основаніе дѣятельности администраціи?“ Нѣтъ, мы не желали бы быть на мѣстѣ законодателя, которому было бы дано такое трудное порученіе. Конечно, еслибъ онъ могъ соображаться только съ воззрѣніями, господствующими въ данную минуту на разныя направленія, то легко вышелъ бы изъ затрудненія. Но мы замѣтили уже, что законодатель долженъ стоять выше „дня и его злобы“, выше интересовъ минуты. Онъ долженъ возвести отдѣльные факты къ общимъ началамъ. Вредъ или польза извѣстнаго направленія опредѣляется не приговоромъ минуты, а ходомъ исторіи, подобно тому, какъ законы человѣческаго развитія лучше всего познаются изъ той же исторіи. Предположимъ, что законодатель, отрѣшась отъ мимолетныхъ увлеченій, развертываетъ исторію Россіи, хотя бы за послѣднее десятилѣтіе, и отыскиваетъ, какія въ ней были „вредныя направленія“.

Вотъ что скажетъ ему исторія: недавно еще самыми вредными направленіями въ нашей печати считались сепаратизмъ

и нигилизмъ. Противники того и другого въ то время разсуждали слѣдующимъ образомъ: „Сепаратистъ—республиканецъ. Онъ не хочетъ монархическаго единства, а желаетъ федеративной республики. Къ тому же, онъ сочувствуетъ революціоннымъ замысламъ въ Польшѣ и Литвѣ, и пр.“ Еще сильнѣе говорили противъ нигилизма: „Нигилистъ отвергаетъ всѣ основы существующаго порядка: семью, собственность, религію. Онъ говоритъ о возстаніи дѣтей противъ родителей, неимущихъ противъ имущихъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, челоѵка противъ Бога, а тѣмъ болѣе противъ власти. Допустить такое направленіе—значитъ отдать общество на жертву шайкѣ злонамѣренныхъ людей“.

Проходитъ нѣсколько времени — и слышатся уже совершенно другіе голоса. По мнѣнію нѣкоторыхъ (чтобъ не сказать многихъ), сепаратизмъ и нигилизмъ не только не опасныя, но даже благонамѣренныя направленія, и вотъ какіе аргументы приводятся въ защиту того и другого: „Сепаратистъ прежде всего поборникъ историческаго права. Онъ не хочетъ подчиненія всѣхъ мѣстностей одному общему и равному для всѣхъ праву, потому что видитъ въ этомъ революціонную мѣру; онъ желаетъ сохраненія привилегій, скрѣпляющихъ избранныя классы общества съ центральной властью. Онъ сочувствуетъ польской и нѣмецкой аристократіи и потому тѣсно связанъ съ интересами крупнаго землевладѣнія. Крупное же землевладѣніе есть надежнѣйшая опора власти. Слѣдовательно, сепаратистъ есть первый другъ сильнаго правительства“. Что касается нигилизма, то польза его очевидна. Нигилизмъ даетъ умамъ отвлеченное направленіе, пріучаетъ ихъ къ мирной разработкѣ теоретическихъ вопросовъ и такимъ образомъ отвлекаетъ ихъ отъ жгучихъ интересовъ практической дѣйствительности, въ которую нигилисты не хотятъ вмѣшиваться, равнодушно предоставляя ее другимъ. Пока нигилисты спорятъ о происхожденіи челоѵка, эмансипаціи женщинъ, новыхъ основаній брачнаго союза администрація можетъ спокойно дѣлать свое дѣло. Этого мало.

Нигилизмъ осмѣиваетъ національную политику, патріотическое чувство; слѣдовательно, съ одной стороны, содѣйствуетъ сепаратистамъ, а съ другой—противодѣйствуетъ революціоннымъ стремленіямъ поборниковъ общаго права, т. е., вмѣстѣ съ сепаратистами, служитъ интересамъ правительства.

Итакъ, два „чудовища“ прежняго времени оказались надежными, благонамѣренными союзниками порядка. Если теперь нигилисты и сепаратисты и считаютъ сами себя неблагонамѣренными, то это по недоразумѣнію. По мнѣнію же нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, всѣ они въ свое время окажутся благонадежными чиновниками. Зато, вмѣсто этихъ пугаль, выступилъ на арену новый Пионъ, извѣстный подъ именемъ старой русской или московитской партіи. Г-ну Шедо-Ферроти принадлежитъ честь перваго открытія этого явленія. Онъ тогда же указалъ на несомнѣнное родство этихъ мужей съ г. Герценомъ и сумасбродными авторами „Молодой Россіи“. Теорія г. Шедо-Ферроти имѣла громадный успѣхъ; теперь она господствуетъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Старая русская партія есть не что иное, какъ замаскированная революція. Она не выноситъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, никакихъ историческихъ привилегій. Всѣ вѣками созданныя права должны пасть подъ ея ударами. Оппозиція ея не имѣетъ мирно-отвлеченнаго характера прежняго времени; она устремляетъ свои пытливые взоры на каждый практическій вопросъ, возникающій въ управленіи. Уставная грамота, разверстаніе угодій, состояніе народныхъ школъ, дѣятельность суда, взаимное отношеніе классовъ населенія, исполненіе повелѣній высшей власти — вотъ что ее занимаетъ. Стремясь распространить всюду господство общаго государственнаго права Россіи и русскаго языка, она хочетъ сама власти сдѣлать орудіемъ этихъ преступныхъ замысловъ. Если власти не соглашаются дѣйствовать съ нею заодно, она начинаетъ противъ нихъ опасную агитацію, разъединяетъ начальниковъ и подчиненныхъ, пріучая послѣднихъ критически относиться къ распоряженіямъ

первыхъ, смотрѣть, на сколько предписанія непосредственнаго начальства согласуются съ установленными законами. Такимъ образомъ, зловредное направленіе старой русской партіи сообщается даже нѣкоторымъ органамъ администраціи и препятствуетъ правильному теченію дѣлъ...

Положеніе законодателя становится затруднительнымъ. Онъ готовъ, можетъ быть, отбросить, для скорости, сепаратизмъ и нигилизмъ и ограничиться „старою русской партіей“ для своихъ практическихъ цѣлей, но не можетъ не остановиться предъ слѣдующимъ вопросомъ: какъ формулировать направленіе этой партіи, воспрещая его? Сепаратизмъ и нигилизмъ выставляють, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя начала, которыя не ладили съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, а потому могли быть признаны за *вредныя*. Но „старая русская партія“ поразительна именно тѣмъ, что всѣ ея начала совпадаютъ съ принципами, освященными нашимъ законодательствомъ. Если законодатель обратитъ вниманіе на возраженія противниковъ этой партіи, онъ начнетъ думать, что имѣетъ дѣло съ весьма „отсталыми“ людьми. За ними усвоено названіе „благонамѣренныхъ“ по преимуществу; о нихъ говорятъ, что они правительственнѣе самого правительства; но, люди, не стѣсняющіеся въ выраженіяхъ, величаютъ ихъ доносчиками, шпионами, гасильниками просвѣщенія, и намекають на денежную помощь, оказываемую имъ отъ правительства. Законодатель спрашиваетъ себя, противъ какихъ же началъ, признанныхъ „сводомъ“, грѣшитъ наша опасная партія... и не находитъ удовлетворительнаго отвѣта.

Что же ему дѣлать? Да, положеніе его безвыходно. Законодательство не можетъ ни осудить, ни одобрить никакихъ направленій, именно потому, что оно не въ состояніи ихъ опредѣлить; подвести подъ общія понятія и категоріи. Слѣдовательно, если положеніе нашей печати на будущее время должно быть опредѣлено *закономъ*, подобно собственности, хозяйственной и промышленной дѣятельности гражданъ,—вопросъ о направленіяхъ долженъ быть оставленъ въ сторонѣ. Между свободою направленій съ одной и административнымъ

усмотрѣніемъ съ другой стороны — нѣтъ середины. Если законъ не можетъ съ точностью опредѣлить, какія направленія вредны, и указать твердыхъ основаній для судебного ихъ преслѣдованія, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или вовсе исключить вопросъ о направленіяхъ изъ законодательства о печати, или предоставить опредѣленіе направленій и самое ихъ преслѣдованіе усмотрѣнію администраціи.

Мы не принадлежимъ къ числу абсолютныхъ противниковъ административнаго усмотрѣнія. Повторять обвиненія противъ „произвола администраціи“ очень легко, но это не значить разрѣшить вопросъ. Есть много вопросовъ чисто практическихъ, гдѣ администрацію нельзя связывать положительными предписаніями закона, по той простой причинѣ, что законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ сложныхъ комбинацій и задачъ практической жизни. Но мы должны заранѣе согласиться, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ допущено административное усмотрѣніе, нѣтъ уже рѣчи о строго-законной, юридической почвѣ. Почва, на которой дѣйствуетъ административное усмотрѣніе, совершенно другая.

Въ сферѣ управленія есть вопросы, къ которымъ административное усмотрѣніе можетъ быть примѣнено съ большимъ удобствомъ и безъ опасности для спокойствія и благосостоянія гражданъ. Всякое законодательство, въ томъ числѣ и наше, предоставляетъ исполнительной власти право принимать въ исключительныхъ случаяхъ чрезвычайныя мѣры. Даже пробѣлы въ законодательствѣ могутъ быть до нѣкоторой степени восполняемы административными распоряженіями. Такія права доказываютъ, повидимому, возможность въ нѣкоторыхъ сферахъ управленія обходиться безъ содѣйствія строгихъ законныхъ опредѣленій. Мнѣнія такого рода проникли и въ важный вопросъ о печати, подъ вліяніемъ примѣра Наполеона III и его системы предостереженій. Это мнѣніе, намъ кажется, должно быть устранено изъ законодательства о печати. Свобода, предоставляемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ административному усмотрѣнію, не есть произволь и не должна

вести къ произволу. Предполагается, что административная власть въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ собою власть законодательную; но она должна дѣйствовать такъ, какъ бы въ данномъ случаѣ дѣйствовала высшая законодательная власть, т. е. примѣняясь къ общимъ началамъ права данной страны. Предполагается далѣе, что административная власть дѣйствуетъ сама собою въ данномъ случаѣ не потому, чтобъ этотъ случай не могъ быть вообще разрѣшенъ законодательствомъ, а потому, что настоятельная потребность не дозволяетъ дожидаться разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Подходить ли вопросъ „о направленіяхъ“ подъ одинъ изъ такихъ случаевъ? Безъ всякаго затрудненія можно отвѣтить, что нѣтъ. Законодательство, передавая вопросъ о направленіяхъ административному усмотрѣнію, какъ бы сознаетъ, что онъ вообще *не можетъ быть разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ*, не поддается точному опредѣленію. Законодательство какъ бы объявляетъ себя несостоятельнымъ и надѣется, что административная власть разрѣшитъ то, чего не могутъ сдѣлать лучшіе юристы, входящіе въ составъ законодательнаго учрежденія. Въ такомъ случаѣ „усмотрѣніе“ перестаетъ быть исключеніемъ, а возводится на степень общаго правила — печать лишается защиты закона.

Этого мало. „Право“ усмотрѣнія вообще, предоставляемое администраціи, стоитъ на юридической почвѣ и не вырождается въ произволь потому только, что административная власть пользуется этимъ правомъ подъ строгою отвѣтственностью, которая и заставляетъ ее держаться общихъ началъ законодательства. Можно ли примѣнить эту гарантію законности къ вопросу о направленіяхъ? Полагаемъ, что нѣтъ, потому что „направленія“ не могутъ быть подведены ни подъ какія законодательныя начала. Опредѣленіе вреда направленія, по существу своему, предполагаетъ, какъ мы доказали, произволь, слѣдовательно, исключаетъ всякую отвѣтственность.

Такимъ образомъ, мы совершенно покидаемъ юридическую

почву. Мы имѣемъ дѣло не съ законодательствомъ и основаннымъ на немъ юридическимъ бытомъ, а съ дѣйствіями, которыя не связаны никакими опредѣленіями закона. Конечно, законодательства разныхъ странъ и народовъ знаютъ и случаи исключительнаго управленія: оно учреждается, какъ учить государственное право, въ чрезвычайныхъ случаяхъ такъ-называемой государственной необходимости. Страна, переживающая государственный переворотъ или только-что вышедшая изъ тревожнаго состоянія, пользуется этимъ, во всякомъ случаѣ печальнымъ, средствомъ. Находится ли современная печать въ такомъ положеніи?

Предположимъ, однако, что чрезвычайное положеніе печати, основанное на преслѣдованіи „направленій“, возможно и необходимо въ данную минуту въ виду какихъ нибудь высшихъ цѣлей. Достигается ли этимъ то, что предположено?

Опытъ прошедшаго и настоящаго времени отрицаетъ возможность такого результата. Когда развились и проповѣдывались въ нашемъ обществѣ теоріи, признанныя потомъ вредными, какъ не подъ господствомъ предварительной цензуры, имѣвшей полную возможность прекратить разомъ всякое направленіе? Предварительная цензура положительно ставитъ въ привелигированное положеніе каждаго, кто не захочетъ вносить залога и высказывать прямо свои убѣжденія, отдѣляясь отдаленными намеками. Предварительная цензура страшна для того, кто говоритъ прямо, что думаетъ, и все, что думаетъ, т. е. оканчиваетъ каждую статью положительнымъ выводомъ. Но „вредное направленіе“ проводится не одними положительными средствами — для такого приѣма нужно только нѣкоторое умѣнье формулировать свои идеи. Предположите, что человѣкъ имѣетъ направленіе, признанное вреднымъ, что онъ хочетъ даже этимъ порисоваться, но, въ то же время, онъ до смерти боится полиціи и, сверхъ того, не хочетъ высказывать своихъ убѣждений. Онъ говоритъ намеками, которые имѣютъ всю прелесть недосказанности, указываютъ на туманные, но восхитительные выводы и въ то же время на

нѣкоторый мученическій вѣнецъ. Какъ вы думаете, который изъ двухъ пріемовъ опаснѣе для порядка?

„Но,—скажутъ намъ,—преслѣдованіе вредныхъ направленій не есть предварительная цензура“. Совершенно вѣрно. Однако, если даже предварительная цензура ничего не можетъ сдѣлать противъ направленій, что же можетъ сдѣлать противъ направленій—обвинительно-карательная? Она можетъ поразить честнаго дѣятеля, говорящаго откровенно на весь бѣлый свѣтъ, предъ лицомъ правительства и народа; а ловкаго промышленника, ограничивающагося простымъ опроверженіемъ доводовъ своихъ противниковъ и невысказывающаго никакихъ своихъ убѣжденій, она не поймаетъ.

Не достигая своего назначенія, преслѣдованіе направленій можетъ вредить правильному развитію печати и общественнаго мнѣнія. Какъ только начинается такое преслѣдованіе, тотчасъ всѣ мнѣнія, господствующія въ литературѣ, раздѣляются на двѣ категоріи: преслѣдуемыхъ и непреслѣдуемыхъ. Непреслѣдуемая немедленно возводятся преслѣдуемыми на степень *покровительствуемыхъ*. И тогда вотъ что происходитъ: если „покровительствуемые“ высказываютъ свое убѣжденіе, самое искреннее, „враги“ тотчасъ говорятъ, что они поддѣлываются, угодничаютъ, и кредитъ этого мнѣнія подорванъ въ массѣ. Если они захотятъ опровергнуть неправильное мнѣніе „вредныхъ“, вредные обзываютъ ихъ доносчиками, шпіонами — и сраженіе почти выиграно. Если они найдутъ, что „враги“ ограничиваются одними отрицательными пріемами и не выражаютъ никакихъ категорическихъ сужденій, — они сейчасъ говорятъ, что многое бы сказали, да не смѣютъ; масса же думаетъ, что подъ этими намеками скрываются Богъ вѣсть какія глубокомысленныя теоріи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ „намекы“ нерѣдко прикрываютъ нравственное и умственное убожество „вредныхъ“.

Такимъ образомъ, вмѣсто преслѣдованія выходитъ привилегія, и привилегія огромная, благодаря которой общество живетъ въ чадѣ намековъ и увлекается приманкою теорій,

закутанныхъ въ тройное покрывало. Не лучше ли же дать просторъ всѣмъ мнѣніямъ? Не лучше ли дать возможность сказать каждому: довольно пустыхъ фразъ, давайте сюда ваши теоріи, если онѣ у васъ есть; тогда и будемъ спорить... Сколько словъ и обаятельныхъ именъ превратилось бы въ пустой звукъ при такомъ порядкѣ!

Лучшимъ доказательствомъ этому служить наша заграничная литература, которая была, къ счастью для насъ, свободна. Заграницею писали наши недовольные, слѣдовательно, „отрицаніе всего“ было ихъ прямымъ назначеніемъ. Они отрицали страшно, беспощадно и имѣли громадный успѣхъ, пока не потребовалось положительныхъ теорій и сужденій для массы предпринятыхъ преобразованій. Но первая же крупная реформа — крестьянская, умалила ихъ значеніе, была ихъ первымъ „сорвалось“. Срыванье пошло дальше и дальше. Общество требовало положительныхъ идеаловъ, а они отвѣчали золотыми грамотами... Общество отъ нихъ отвернулось. Теперь они изрѣдка напоминаютъ о своемъ существованіи какими-то глупыми прокламаціями. Вотъ до чего дошло умственное банкротство этой нѣкогда сильной партіи!

Такимъ образомъ, намъ кажется, прежде всего слѣдовало бы уничтожить тѣ препятствія, которыя затрудняли свободную борьбу мнѣній и ставили всѣ литературныя партіи въ фальшивое положеніе; слѣдовало бы уничтожить совершенно предварительную цензуру для журналовъ, потому что это есть средство создавать себѣ привилегированное положеніе и прятаться отъ свободной полемики. Въстѣ съ тѣмъ, необходимо было бы изгнать вопросъ о направленіяхъ изъ новаго законодательства, чтобъ всѣ партіи могли вести истинно-литературную борьбу подъ защитою и бдительнымъ надзоромъ закона и суда и не имѣли возможности прибѣгать къ такимъ аргументамъ, какъ „доносъ, инсинуація“, и тому подобнымъ гнуснымъ средствамъ, позорящимъ всякую журналистику и прикрывающимъ умственное ничтожество и малодушіе.

Г Л А В А П.

Итоги*).

I.

Періодъ борьбы съ революціонною пропагандою, обни-мавшій послѣдніе годы, былъ ознаменованъ однимъ пріемомъ, къ которому усердно прибѣгала „охранительная“ часть нашей печати и даже администраціи и о которомъ теперь, въ минуту нѣкотораго отрезвленія, необходимо поговорить „на чистоту“.

Пріемъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: отождествить стремленія и желанія такъ называемой либеральной части нашего общества съ происками революціонеровъ, т. е. представить ихъ партіями, въ существѣ своемъ, *одинаково* преступными и вредными.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ „охранители“ говорили о тождествѣ *программъ* означенныхъ партій — такъ далеко не шла еще клевета. Никто не приписывалъ „либераламъ“ намѣренія расчленивъ русское государство на „автономные казачьи круги“, съ отобраніемъ всей земли у помѣщиковъ. Но „либераламъ“ отъ этого было не только не легче, а даже хуже, съ нравственной, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія. Именно ихъ выставляли людьми, потворствующими революціоннымъ продѣлкамъ, чтобъ воспользоваться замѣшательствомъ правительства и *добиться своего*. Чего же „своего“? На это Мещерскіе, Катковы, Незлобины, Цитовичи и прочіе,

*) Относится къ концу мая 1880 года.

и прочіе, и прочіе отвѣчали въ одинъ голосъ: перемѣны формы правленія, т. е. конституціи! Это слово прямо было употреблено и употреблено неоднократно „Московскими“ и другими вѣдомостями.

Нечего доказывать, что „либераламъ“ приписывались довольно низкіе помыслы: воспользоваться чужимъ замѣшательствомъ, общою паникою, чтобъ вызвать извѣстныя „уступки“; уподобиться, слѣдовательно, тѣмъ мужикамъ, которые деруть съ проѣзжаго, засѣвшаго въ грязи, немилосердную цѣну за извлечение его экипажа изъ трясины.

Безпристрастная исторія разоблачитъ, однако, всю нелѣпость и ложность этого обвиненія. Она покажетъ, что „либералы“ не только не преувеличивали силы и объема нашего революціоннаго движенія, а напротивъ, старались доказать, что оно явленіе наносное, не имѣющее у насъ почвы. Они старались не увеличивать панику, а успокоить правительство и общество, показавъ правительству всю его историческую силу, обществу— всю нелѣпость и неосуществимость революціонныхъ затѣй. Станный способъ „вырывать уступки“!

Впрочемъ, каждый судить по себѣ. „Охранители“ дѣйствительно воспользовались революціоннымъ движеніемъ. Они въ самомъ дѣлѣ били тревогу; они доказывали, что Россія стоитъ на краю гибели. Они подъ шумъ или подъ шумокъ общей тревоги старались доказать необходимость дальнѣйшаго ограниченія правъ печати, вѣдомства суда, земскихъ учрежденій, провести новый университетскій уставъ и т. д. Дѣлая все это, они, въ тоже время, вопіяли о макіавелизмѣ „либераловъ“ и обвиняли ихъ въ намѣреніи видоизмѣнить существующую форму правленія.

Но, скажутъ намъ, для того, чтобъ даже ложное обвиненіе могло получить нѣкоторый кредитъ и распространеніе, нужно же, чтобъ въ основаніи его лежала какая-нибудь доля истины. Положимъ, замѣтятъ намъ, что во всѣхъ писаніяхъ „либераловъ“ нѣтъ ни слова о народномъ представительствѣ, объ ограниченіи правъ самодержавія, объ отвѣтственности

министровъ и другихъ вещахъ, сопрягаемыхъ съ понятіемъ конституціонализма. Но, по существующимъ цензурнымъ условіямъ, такихъ вещей и быть не могло въ изданіяхъ либеральнаго лагеря. Были же въ нихъ, однако, другія вещи, дававшія поводъ заключать о сочувствіи нашихъ „либераловъ“ западно-европейскимъ государственнымъ учрежденіямъ?

Еслибъ мы хотѣли ограничиться чисто формальнымъ опроверженіемъ указанныхъ выше нареканій, мы могли-бы сказать: если въ либеральныхъ изданіяхъ не было ничего противоцензурнаго, то о чемъ же говорить? На чемъ строить обвиненіе? Но мы пишемъ эти строки не ради внѣшняго возраженія; мы говоримъ не предъ судомъ, а предъ обществомъ; мы должны выяснить всю правду, устранить всѣ недоразумѣнія, хотя бы чисто нравственныя.

Поэтому, мы говоримъ: да, въ стремленіяхъ и желаніяхъ либеральной части нашего общества можно открыть нѣкоторыя черты, присущія той системѣ государственнаго устройства, которую принято называть конституціонною; да, либеральная часть нашего общества симпатизируетъ извѣстнымъ западно-европейскимъ порядкамъ. Но эти симпатіи она раздѣляетъ вмѣстѣ съ нашимъ законодательствомъ, которое усвоило ихъ себѣ не со вчерашняго дня.

Не пугаясь словъ и не увлекаясь ими, посмотримъ, въ чемъ дѣло. Призовемъ на помощь наши политическія свѣдѣнія, наше хладнокровіе, и разсудимъ, какъ подобаешь взрослымъ людямъ, а не дѣтямъ.

Каждое государственное устройство представляетъ двѣ стороны и возбуждаетъ два вопроса: первый вопросъ о томъ, кому *принадлежитъ* верховная власть въ государствѣ? второй — въ какихъ *отношеніяхъ* находится эта власть къ управляемымъ? Этихъ двухъ вопросовъ никакъ нельзя смѣшивать; напротивъ, они различны по самому существу своему.

Власть можетъ принадлежать одному, немногимъ, всѣмъ; отсюда получаютъ монархіи, аристократіи, демократіи. Но

кому бы эта власть ни принадлежала, отношенія ея къ управляемымъ, въ правильно устроенномъ государствѣ, должны быть построены на признаніи извѣстныхъ личныхъ правъ управляемыхъ, правъ, опредѣленныхъ закономъ и защищенныхъ судомъ.

Безъ этого существеннаго признака, всякое правленіе, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, будетъ *произвольно*. Когда аѳинская демократія изгоняла Аристиды посредствомъ остракизма, она совершала такой же актъ произвола, какъ и Сулла своими проскрипціями. Въ этомъ смыслѣ еще Монтескье говорилъ, что не должно смѣшивать власти народа съ свободою народа. Власть можетъ находиться въ рукахъ народа, какъ цѣлаго; но каждый изъ гражданъ въ отдѣльности можетъ быть придавленъ этою властью не меньше, если не больше, чѣмъ деспотизмомъ одного. Въ этомъ смыслѣ Екатерина II, въ своемъ Наказѣ, вслѣдъ за Монтескье говорила: „Политическая свобода состоитъ въ спокойствіи духа, вытекающемъ изъ увѣренности, что одному гражданину нечего бояться другого, но что всѣ должны бояться однихъ законовъ“.

Каждый, кто знакомъ съ такъ называемымъ конституціонализмомъ, скажетъ, что существо его опредѣляется вовсе не народнымъ представительствомъ, т. е. не тѣмъ, что палаты раздѣляютъ верховную власть съ монархомъ, а тѣмъ именно, что эта власть поставлена въ закономѣрныя отношенія къ управляемымъ. Этимъ современная американская демократія отличается отъ древней аѳинской демократіи; этимъ замаскированная англійская аристократія отличается отъ венеціанской, съ ея „совѣтомъ десяти“. Скажемъ больше: этимъ вообще современное европейское государство, выросшее на началахъ челоѳеческой личности, освященной христіанствомъ, отличается отъ государствъ нехристіанскихъ, бывшихъ и современныхъ.

Итакъ, „конституціонализмъ“ есть не такое „простое“ понятіе, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ немъ должно разли-

чать двѣ стороны: устройство власти и ея отношенія къ управляемымъ.

На Западѣ Европы, вслѣдствіе историческихъ причинъ, элементы власти сдѣлались сложнѣе (короли и палаты); Россія осталась чистою неограниченною монархіей. Но Россія есть государство европейское и христіанское, а потому не могла не признать тѣхъ началъ, по которымъ должны быть опредѣлены *отношенія* власти и ея органовъ къ управляемымъ.

Перечтите главныя положенія нашихъ законовъ и вы выведете изъ нихъ слѣдующее правило: государственная власть есть власть закономѣрная, т. е. признающая личныя и имущественныя права управляемыхъ. Если вы обвиняете въ „конституціонализмѣ“ русскихъ „либераловъ“, то идите уже выше: обвиняйте прямо „Сводъ Законовъ“.

Нравится ли вамъ эта статья IX-го тома св. зак. „никто не можетъ быть лишенъ своихъ правъ или ограниченъ въ нихъ иначе, какъ *по суду, за преступленіе*“? Или статья 90-я улож. о наказ., гласящая, что преступления объемяются и наказуются силою закона? Вѣдь, это было сказано тогда, когда о современныхъ преобразованіяхъ не было и рѣчи. Между тѣмъ, въ этихъ статьяхъ содержится одинъ изъ существенныхъ принциповъ такъ называемаго конституціонализма. Въ свое время, при сильной зависимости администраціи отъ суда, подобныя статьи, конечно, не имѣли истиннаго значенія. Но явились „Судебные Уставы“, сдѣлавшіе новый шагъ впередъ, и шагъ этотъ сдѣланъ по пути европейскому. Можно-ли обвинять либераловъ за то, что они сочувствовали этому шагу? Идите выше и обвиняйте законъ!

Вотъ развѣ въ чемъ можно обвинить „либераловъ“: сочувствуя *этимъ* законамъ, они полагають, что разныя *административныя* кары находятся съ ними въ противорѣчіи. Но развѣ утверждать это значить стремиться къ перемѣнѣ формы правленія, т. е. къ перемѣщенію власти изъ однихъ рукъ въ другія? Если такъ, то „пусть“ обвинители докажутъ,

что административная высылка является однимъ изъ существенныхъ признаковъ неограниченной монархіи, такимъ признакомъ, безъ котораго она немыслима. Мы разсуждаемъ иначе; мы считаемъ неограниченную монархію одною изъ *правильныхъ* формъ правленія, а признакомъ правильности всегда и вездѣ считается *закономѣрность* власти.

Пусть обвиняють насъ въ идеализмъ, но мы полагаемъ, что нашъ идеализмъ приводитъ насъ къ болѣе высокому взгляду на русскую форму правленія, чѣмъ „взглядъ“ нашихъ противниковъ. Послушать ихъ, такъ невольно придешь къ заключенію, что лучшія пріобрѣтенія христіанской Европы, то, чѣмъ гордится современное человѣчество, несомнѣнно съ учрежденіями неограниченной монархіи. По ихъ понятію, съ неограниченною монархіей несомнѣсны ни свобода совѣсти, ни самостоятельность церкви, ни независимость суда, ни свобода печати, ни свобода передвиженія, ни равенство въ податяхъ, ни возможность защиты своего права. Возможны только градоправители, пускающіе въ ходъ нагайки и заселяющіе мѣста отдаленныя.

Мы говоримъ: не клеветайте; не смотрите на неограниченную монархію, какъ на начало неподвижное и всегда себѣ равное. Смотрите на нее, какъ на начало живое и потому развивающееся. Обратитесь къ нашей исторіи—она покажетъ вамъ разницу между неограниченною монархіей Ивана Грознаго, преобразованною монархіей Петра Великаго, просвѣщенною монархіею Екатерины II-й и монархіей Александра II-го. Принципъ тотъ же, но какое разнообразіе въ его проявленіи! Какая разница въ подробностяхъ, и въ подробностяхъ существенныхъ! И въ этомъ сила принципа, въ этомъ доказательство его силы. Принципъ неподвижный, стало быть, мертвый, давно погибъ бы безъ слѣда.

Итакъ, не клеветайте. Поймите, что вы являетесь не защитниками принципа, какими вы хотите себя выставить, а его злѣйшими хулителями. Къ чести вашей полагаемъ, что вы сами не понимаете, что говорите. Говорите же вы вотъ

что: „Отъ существующей формы правленія Россіи больше ждатель нечего; пусть умолкнуть всякія надежды, хотя бы самыя законныя“. Поймите послѣдствія такого увѣренія...

Мы остаемся при вѣрѣ въ жизненную силу того начала, съ которымъ выросла и окрѣпла Россія; мы убѣждены, что содѣйствовать росту русскаго народа на началахъ права и законной свободы значитъ содѣйствовать и развитію верховнаго начала русскаго государства, охранять его отъ тѣхъ бурь, которыми такъ полна исторія началъ, которыя дѣйствительно отжили и отъ которыхъ въ самомъ дѣлѣ „ждать больше нечего“. Это значитъ, далѣе, воздвигать самый надежный оплотъ противъ нашей „крамолы“, потому что эта крамола есть именно отрицаніе правъ и порабощеніе человѣческой личности. Это значитъ, наконецъ, созидать дѣйствительныя условія для развитія нашихъ зарождающихся общественныхъ учреждений, потому что необезпеченныя въ своихъ правахъ личности неспособны и къ общественному дѣлу.

Оправдается ли вѣра „либеральной“ партіи—не знаемъ. Но исторія скажетъ, что „партія“ эта не только не „подкапывалась“ подъ существующую въ Россіи форму правленія, но до конца сохранила свою вѣру въ нее. Не она украсила наше государственное зданіе надписью отчаянія: „оставьте всякую надежду“; она одна имѣла эту надежду и поддерживала ее въ другихъ.

Исторія скажетъ, что въ самые скорбные дни изъ только что пережитыхъ нами, она ни на одну минуту не утрачивала вѣры въ будущее родной страны; она одна смотрѣла на смуту какъ на нѣчто преходящее, неспособное остановить историческій ростъ Россіи; она одна умѣряла общую панику и терпѣливо ждала, когда время бѣснованія пройдетъ и разумъ вступитъ въ свои права. А разумъ поведетъ насъ, конечно, не по дорогѣ, указанной софтами охраненія.

II.

Недавно мы остановили вниманіе читателей на согласіи нашихъ „либеральныхъ“ принциповъ съ основными началами нашего законодательства и на средствахъ того и другого съ нѣкоторыми признаками западно-европейскаго государственнаго строя. Сегодня мы намѣрены сдѣлать шагъ дальше и попытаться отвѣтить на слѣдующій вопросъ: соотвѣтствуютъ ли стремленія нашихъ „либераловъ“, вмѣстѣ съ указанными началами нашего законодательства, дѣйствительнымъ нуждамъ нашей родины и ея историческимъ условіямъ, или они только праздное мечтаніе, плодъ капризнаго подражанія западнымъ порядкамъ?

Этотъ вопросъ имѣетъ большую практическую важность. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ, приводимыхъ не только противъ либеральныхъ стремленій, но и противъ неурядящихся нашимъ „охранителямъ“ законовъ нашихъ, состоитъ именно въ томъ, что эти стремленія и законы *ненародны* и являются ненужнымъ подражаніемъ Западу.

Допросимъ, однако, исторію нашего народа и государства. Посмотримъ, нѣтъ ли въ ней какихъ-нибудь условій, которыя неизбѣжно, силою вещей, вызвали указанныя стремленія и оправдываютъ названные законы?

Если вдуматься въ исторію Россіи, начиная съ того момента, какъ зародилось московское государство, если взглянуть во всѣ факты этой исторіи, въ ихъ взаимной связи, нельзя не получить впечатлѣнія, что вся эта исторія проникнута началомъ великой, можно сказать, безпредѣльной *жертвы*.

Народъ, долго жившій въ вѣчевомъ укладѣ, жертвуетъ своими стародавними привычками, своею „пошлиною“ въ пользу приказнаго начала въ управленіи; личная свобода массы народонаселенія, право вольнаго перехода гибнетъ въ крѣпостномъ правѣ; вольныя отношенія дружины съ ея правомъ отъѣзда обращаются въ отношенія подневольныя; зем-

скія и вообще выборныя должности, едва зародившись, обращаются въ одну изъ формъ отбыванія государственнаго тягла; самая церковь, прежде независимая и даже властная въ государствѣ, мало-по-малу, подчиняется его власти и, наконецъ, обращается въ чисто государственное учрежденіе. Нѣтъ той области человѣческихъ отношеній и правъ, гдѣ не чувствовалась бы величина жертвы и сила возростающей государственной власти. Русскій человѣкъ времяе XVII-го вѣка не имѣетъ ничего такого, что можно было бы отнести къ области „личныхъ и имущественныхъ правъ“. До Екатерины II-й мы не имѣемъ даже понятія о собственности, т. е. не видимъ имущества, къ которымъ государство относилось бы, какъ къ предмету чужого *права*.

Такія безмѣрныя жертвы, очевидно, были принесены на пользу чего-то весьма почтеннаго, поставленнаго превыше всѣхъ человѣческихъ пользь. Что же вызвало эти жертвы? Отвѣтъ не затруднителенъ.

Ни одинъ народъ не долженъ былъ выдерживать такой борьбы за существованіе, ни одна народность не рождалась въ такихъ мукахъ, какъ народность *русская*. Вездѣ, во всей Европѣ, народности создавались изъ средневѣкового раздробленія силою государственной власти; вездѣ средневѣковыя „вольности“ временно были принесены въ жертву абсолютизму государства. Но нигдѣ величина усилій не вызывала такихъ безпредѣльныхъ жертвъ, какъ въ Россіи.

И это неудивительно. Бѣдная, плохо населенная, непроеванная страна, поработенная монголами и отрѣзанная отъ Европы и отъ морскихъ путей сильными сосѣдями—вотъ что была Россія въ эпоху первыхъ князей московскихъ. Огромная имперія, съ восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ, одна изъ первенствующихъ державъ Европы—вотъ чѣмъ она должна была сдѣлаться впоследствии. Но для этого „московскаго государства всѣхъ чиновъ люди“ должны были совершить чуть не чудеса. Сломить и потомъ подчинить себѣ монгольскихъ завоевателей; схватиться съ Турецкою

имперіей, предъ которою дрожали ея европейскіе сосѣди, и стать твердою ногою на Черномъ морѣ; подготовить воссоединеніе старыхъ русскихъ областей, находившихся подъ властью Польши, и подчинить себѣ самую Рѣчь-Посполитую; сбить съ позиціи Швецію, выдвинутую событіями 30-ти лѣтней войны на степень первенствующей державы Сѣвера и отвоевать у нея Балтійское Поморье; врѣзаться въ Кавказъ, преодолевая невѣроятныя трудности на мѣстѣ и, сверхъ того, наталкиваясь на сопротивленіе Турціи и Персіи. Еслибъ кто при Иванѣ Калитѣ сказалъ, что русскіе люди сдѣлаютъ все это, его сочли бы за сумасшедшаго; но это было сдѣлано, и Россія заняла свое мѣсто во всемірной исторіи и въ кругу европейскихъ народовъ.

Но русскій народъ достигъ всего этого, благодаря тому что сумѣлъ создать сильнѣйшую изъ когда нибудь виданныхъ государственную власть, что онъ служилъ ей честно и никогда не зналъ измѣны. Онъ одинъ, изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, создалъ такую власть. Поэтому, онъ одинъ и остался мощною славянскою силою. Народность не имѣетъ значенія безъ политической независимости, а независимость эта дается только народу, имѣющему чутье государственности, жажду этой политической организаціи и умѣющему жертвовать этой потребности, когда это нужно, другими своими потребностями, хотя бы и самыми законными. Таковъ именно русскій народъ.

Жертвы, тысячи жертвъ были принесены на пользу государства. Внѣшнее его образованіе, наконецъ, закончилось; маленькое московское княжество раскинулось отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Вислы до береговъ Америки. Но достаточно ли всего этого? Можетъ ли государство существовать, только какъ форма, только какъ сила, только какъ извѣстное пространство земли, населенное столькими-то милліонами жителей?

Поставить такой вопросъ, все равно, что спросить: должна ли народность отказаться ради одной цѣли отъ всѣхъ

другихъ цѣлей своего бытія? Должна ли въ ней угаснуть жизнь умственная, нравственная, религіозная, экономическая, эстетическая? Если да, то порабощеніе другимъ, котораго такъ боится народъ и для устраненія котораго онъ создаетъ свою политическую силу, явится съ другого конца, въ другія двери. Народъ будетъ силенъ, какъ государство, но онъ будетъ порабощенъ чужому производству, чужой торговлѣ, чужой наукѣ, чужому искусству, даже чужой религіи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ не будетъ самимъ собою и, при сохраненіи своего *физическаго* бытія, защищеннаго государствомъ, онъ утратитъ свое *нравственное* бытіе, потому что этого блага защитить никто не можетъ, кромѣ самого народа. Въ результатъ: народъ, сохнуцій въ своихъ нравственныхъ силахъ, будетъ ли силенъ даже какъ государство? Еслибъ сила государства опредѣлялась одною возможностью собрать множество „физическихъ организмовъ“, называемыхъ людьми, то мы сказали бы да. Но исторія показываетъ, что эти „физическіе организмы“ только тогда могутъ поддержать государство, когда они въ самомъ дѣлѣ люди, т. е. нравственные и разумныя личности.

Вотъ опасность, грозившая Россіи въ тяжкій періодъ образованія русскаго государства. Государство, какъ внѣшняя сила, складывалось, народность съ ея нравственнымъ содержаніемъ убывала. Нигдѣ не видно было полета національнаго генія: ни въ области промышленной, ни въ технической, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ церкви. Все было или выписное или подражательное. Иначе и быть не могло, потому что въ общественной жизни недоставало того безъ чего нѣтъ національной промышленности, науки, религіи и т. д.: недоставало *творческой личности человека*. Недоставало же ея, главнымъ образомъ, потому, что личность эта не была признана, освящена и защищена въ самыхъ существенныхъ своихъ правахъ, что она была не свободна. Государственное тягло проникало въ отношенія, и подъ его тяжестью глохли или извращались всѣ человѣческія силы.

Сознаніе именно *этого* порока нашей народной жизни постепенно проникало въ наше законодательство и заставляло его постепенно видоизмѣнять отношенія управляющихъ къ управляемымъ. Это дѣлалось постепенно, и начала новаго порядка устанавливаются по сей день.

Петръ Великій первый вдвинулъ въ наше управление начало *законности*. Но этотъ принципъ въ его законодательствѣ имѣлъ довольно ограниченное значеніе. При помощи законнаго порядка, онъ думалъ, прежде всего, обуздать произволъ унаслѣдованныхъ имъ учреждений, отражавшійся, ближайшимъ образомъ, на выгодахъ *государства* и казны. Онъ писалъ свои законы для того, чтобъ „всякъ свое дѣло зналъ и невѣдѣніемъ онаго не отговаривался“. Но такая „законность“ означала только „порядокъ“ и не имѣла никакого значенія для народонаселенія, остававшагося безправнымъ, какъ и прежде.

При Екатеринѣ II-й постановка вопроса измѣняется. „Законность“ является не только средствомъ упорядочить дѣйствіе органовъ власти въ интересахъ государства, но и ограждать личныя и имущественныя права подданныхъ, наконецъ, провозглашенныя и признанныя. Правда, это признаніе совершилось въ духѣ того времени—въ формѣ правъ сословныхъ, „правъ состояній“, сгруппированныхъ впоследствии въ IX-мъ томѣ „Свода Законовъ“. Но это нисколько не умаляетъ дѣла, совершеннаго Екатериною. Въ формѣ правъ „сословныхъ“, въ Россіи зародились права *человѣческія*, безъ которыхъ немыслимо никакое правильное государство. На почвѣ *этихъ* правъ явилась возможность создать и нѣкоторыя мѣстныя корпораціи (дворянскія, городскія), и призвать ихъ къ участію въ мѣстномъ управленіи. Чрезъ это, части государства, бывшія прежде мертвыми „административными единицами“, получили нѣкоторую жизнь; явилось понятіе о мѣстномъ обществѣ съ его пользами и нуждами. Чрезъ это, наконецъ, возстановленныя въ своихъ правахъ лица лучше сознали свою связь съ самимъ государствомъ, которое

прежде было только совокупностью приказовъ и канцелярій.

Толчокъ, данный Екатериною II-ю, духъ ея законодательства животворилъ наши учрежденія вплоть до того времени, какъ сословно-бюрократическое государство изжилося и обанкрутилось въ эпоху крымской войны. Настала новая эпоха реформъ, прославившихъ царствованіе Александра II-го. Начало личной свободы распространяется уже на весь народъ. Сословныя учрежденія падаютъ и замѣняются всесословными; судъ перестраивается на началахъ, признанныхъ необходимыми для защиты правъ во всей Европѣ; печать получаетъ возможность говорить съ большею свободой.

Перебирая всѣ эти реформы, нельзя не видѣть, что онѣ проникнуты сознаниемъ настоятельной необходимости вызвать къ жизни что-то, призвать къ дѣлу какую-то новую силу. Какую—отгадать не трудно: вызывается именно та сила, которая прежде, въ эпоху тяжкаго процесса образованія нашего государства, была принесена въ жертву государству—*человѣческая личность*, съ ея творчествомъ, съ ея нравственными стремленіями, съ ея силою изобрѣтенія и движенія впередъ. Государство, очевидно, хочетъ быть одухотворено; оно не хочетъ быть только формою и внѣшнею силою, оно хочетъ получить и нравственное содержаніе. Оно понимаетъ, что безъ этого оно будетъ забито другими государствами Европы, которыя уже давно перестали быть извѣстными „пространствами земли съ столькими-то милліонами народа“, но сдѣлались живыми тѣлами и открыли полный просторъ своимъ нравственнымъ силамъ. Въ общее сознаніе проникаетъ, наконецъ, та истина, что безправіе личности есть смерть народности, слѣдовательно, и подрывъ силъ государства.

Вотъ что, вмѣстѣ съ государственнымъ законодательствомъ Россіи, понимаетъ и та часть общества, которой присвоена кличка „либераловъ“. Стало быть, не капризь, не бессмысленное подражаніе „западнымъ порядкамъ“, не дѣтское

стремленіе къ „новизнѣ“, а пониманіе условій историческаго развитія Россіи и настоятельныхъ народныхъ нуждъ подсказываютъ имъ ихъ желанія. Ихъ томить не прихоть, не воображаемая горести, не то, „почему-де въ Москвѣ не Нью-Йоркъ“, а весьма серьезные и осязательные остатки старыхъ порядковъ, препятствующихъ новымъ учрежденіямъ обновить Россію, ясные признаки косности и весьма дурныхъ качествъ, которыя выросли при прежнемъ крѣпостномъ государствѣ, въ атмосферѣ безправія и всяческихъ стѣсненій, опутывавшихъ каждое дѣло и даже каждое помышленіе человѣка. А безъ „дѣлъ и помышленій“ отдѣльныхъ людей не будетъ и общаго дѣла, называемаго дѣломъ государственнымъ.

III.

Однимъ изъ коренныхъ пороковъ русскихъ либераловъ считается ихъ необычайная *ненасытность*. Имъ что ни давай, все мало. Ихъ неумѣренныя желанія—бочка Данаидъ. Даже больше того: знаменитая бочка была только бездонна, ненасытность же либераловъ *растетъ* по мѣрѣ того, какъ ихъ насыщаютъ. Дали это, они хотятъ еще и того; достигли того, подавай имъ еще третьяго и четвертаго. Дѣйствительно, человѣкъ, да еще человѣкъ либеральный—самое развратное существо въ мѣрѣ...

Къ сожалѣнію, этотъ портретъ нарисованъ безъ надлежащаго изученія оригинала—больше на память и на глазомѣрѣ. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи, въ послѣднія десять лѣтъ, находилась эта „нѣкоторая“ часть нашего общества, причисляемая къ „либеральному“ лагерю; послушаемъ, какія неслыханныя „новизны“ хотѣла она завести на русской землѣ.

Была одна область, гдѣ, дѣйствительно, желанія либераловъ носили на себѣ отпечатокъ нѣкоторой „новизны“, но эта область не имѣла никакого отношенія къ той, въ которой „либералы“ считаются наиболѣе опасными, т. е. къ области *по-*

литической. Не имѣла она и непосредственнаго отношенія къ интересамъ той „интеллигенціи“, которая признаётся зло-вреднымъ политическимъ элементомъ. Коротко говоря, вся эта „новизна“ относилась прямо къ условіямъ упроченія *экономическаго* благосостоянія крестьянскаго сословія, освобожденнаго великимъ актомъ 19-го февраля. Въ этой области и съ этой точки зрѣнія, „либералы“, дѣйствительно, настойчиво проводили мысль объ измѣненіи податной системы, объ отмѣнѣ паспортныхъ стѣсненій, о доставленіи крестьянамъ доступнаго и дешеваго кредита, объ организациі крестьянскихъ переселеній.

Но вся эта „новизна“ нова только въ нѣкоторой степени. Во-первыхъ, она является логическимъ послѣдствіемъ „Положенія“ о крестьянахъ и признана, въ большей своей части, за таковое послѣдствіе самимъ правительствомъ. Во-вторыхъ, нельзя называть желанія „новыми“ потому только, что они еще не осуществились въ законодательномъ порядкѣ. Если они вошли въ общее сознаніе, если они заботятъ какъ правительство, такъ и общество, они уже не новы. Нужно только сожалѣть, что они не воплотились въ соответствующихъ законодательныхъ актахъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть сосчитаютъ, сколько вопросовъ, въ принципѣ, безповоротно рѣшены въ общемъ мнѣніи, рѣшены до такой степени, что самые толки о нихъ начинаютъ казаться избитыми мѣстами. Всѣ, сверху до низу, согласны, что нужно измѣнить систему податей, нужно отмѣнить налогъ на соль, нужно отмѣнить паспортныя стѣсненія, нужно организовать крестьянскія переселенія, нужно устроить кредитныя установленія для крестьянъ, нужно расширить средства народнаго образованія.

Можно было бы продолжить списокъ этихъ „нужно“, не боясь власть въ какую-нибудь „новизну“, а напротивъ, повторяя въ сотый и тысячный разъ вещи, всѣмъ знакомыя, всѣмъ понятныя и всѣми достаточно усвоенныя.

Такова была эта „новизна“ въ области экономической. Отъ частаго повторенія, отъ ежечаснаго и разнообразнаго пере-

живяванія, она обратилась, наконецъ, въ „сказку про бѣлаго бычка“. Но даже и этой доли новизны не было въ области тѣхъ вопросовъ, которые имѣли политическій оттѣнокъ или возводились на степень таковыхъ искусственно (не „либералами“, конечно). Напротивъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ инымъ явленіемъ; здѣсь „либералы“ находились въ совершенно особомъ положеніи. Его можно назвать положеніемъ *оборонительнымъ*; оно опредѣлялось тѣмъ направленіемъ въ противоположномъ лагерѣ, которое, для удобства, можно назвать *духомъ пересмотра*.

Это явленіе очень просто и всѣмъ достаточно извѣстно. Не успѣвала законодательная власть утвердить какой-нибудь новый актъ, задуманный въ духѣ преобразования отжившихъ учреждений, какъ уже начинали раздаваться громкіе голоса о необходимости „пересмотра“ только что совершеннаго. Къ величайшему сожалѣнію, должно замѣтить, что этотъ говоръ не всегда оставался безъ послѣдствій для новорожденныхъ законовъ, которые претерпѣвали иногда существенныя измѣненія.

Наибольшее число такихъ измѣненій пришлось, конечно, на долю печати, какъ „элемента“, наиболѣе противнаго, съ точки зрѣнія партіи „пересмотра“. Законъ, даровавшій нѣкоторыя льготы печати, не былъ даже закономъ: онъ носилъ названіе „временныхъ правилъ 1865 года“. Онъ былъ опытомъ, и, притомъ, опытомъ подражательнымъ. Образцомъ для него явился знаменитый декретъ-законъ 1852 года, изданный Наполеономъ III-мъ, какъ извѣстно, вовсе не для расширенія правъ французской печати. Но даже и этотъ не особенно смѣлый опытъ въ области „свободы печати“ подвергся существеннымъ ограниченіямъ, произведеннымъ позднѣйшими законами. Какъ ни важны эти ограниченія, но, и они, всетаки не соотвѣтствуютъ желаніямъ нѣкоторыхъ представителей самой печати, открыто скорбящихъ о томъ, что существуютъ еще газеты и журналы не одного съ ними „направленія“. Прошлымъ лѣтомъ, министерство народнаго про-

свѣщенія, доказывая, въ одномъ изъ своихъ „разъясненій“, что школьное дѣло идетъ превосходно, объяснило, что дѣло это шло бы еще лучше, еслибъ можно было оградить школу отъ зловреднаго вліянія „нѣкоторыхъ изданій“ (читай: „Вѣстникъ Европы“ и „Голось“). Гдѣ же было думать о дальнѣйшемъ расширеніи правъ печати?

Переберите одну область за другою—вездѣ вы встрѣтитесь съ тѣмъ же явленіемъ. Печати и обществу, заинтересованному въ успѣхѣ новыхъ учреждений, не только не было случая желать чего-нибудь „новаго“, но всѣ ихъ усилія должны были направляться къ защитѣ созданнаго, на которое обращались взоры рыцарей „пересмотра“. Припомните, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорилось въ обществѣ и печати въ послѣдніе годы.

Говорилось о намѣреніи возстановить вотчинную полицію и, слѣдовательно, о скрытомъ желаніи воскресить крѣпостное право; твердили объ „упорно держащихся слухахъ“ сократить учрежденіе присяжныхъ засѣдателей; разсуждали о предстоящемъ якобы измѣненіи слѣдственной части, съ подчиненіемъ ея прокуратурѣ; передавали слухъ о замѣнѣ выборныхъ мировыхъ судей назначенными; много толковали о предстоящемъ пересмотрѣ университетскаго устава; съ опасеніемъ смотрѣли на „пререканія“ земствъ съ разными вѣдомствами и особенно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и т. п. Словомъ, не было ничего изъ вновь созданнаго, что не внушало бы серьезнаго опасенія за его судьбу, въ виду возможности „сокращенія“ или совершеннаго упраздненія.

Этимъ объясняется другое явленіе, очень странное и невозможное при нормальномъ положеніи дѣлъ. Печать и прогрессивная часть общества, защищая новыя учрежденія, заходили слишкомъ далеко. Они не допускали даже необходимой критики дѣйствій новыхъ учреждений; они твердо стояли на томъ, что все „добро зѣло“, тогда какъ горькій опытъ, особенно по части „растраты“, показалъ, что не все добро. Но нельзя ставить этого въ упрекъ защитникамъ но-

выхъ учреждений. Критика дѣйствій этихъ учреждений, повторяемъ, была бы полезна и необходима. Печать и общественное мнѣніе должны были контролировать дѣйствія „общественныхъ дѣятелей“. Но что же было дѣлать при томъ условіи, когда, вслѣдъ за изобличеніемъ какого-нибудь „дѣльца“, раздавались злорадные и грубые голоса, вопіявшіе: „закрыть, отмѣнить, сократить“? Что было дѣлать, когда злоупотребленія или небрежность отдѣльныхъ лицъ давали поводъ „аргументировать“ противъ самыхъ учреждений? Оставалось упереться на своемъ „добро зѣло“, утѣшаясь тѣмъ, что все-таки новыя городскія думы лучше старыхъ, а мировые суды лучше прежнихъ уѣздныхъ судовъ. Наконецъ, и еще одно смягчающее обстоятельство. Въ иныхъ дѣятеляхъ по новымъ учрежденіямъ проявились разныя гадкія качества. Но эти качества не плодъ новыхъ учреждений, а наслѣдіе старыхъ, отпрыски дореформенной Россіи, отъ которыхъ мы не отдѣлались еще до сихъ поръ. Подождемъ новыхъ поколѣній; они образуются не вдругъ и не въ пятнадцать лѣтъ. Дайте только имъ подрасти въ мирѣ и тишинѣ...

Итакъ, приходилось не „добывать“, а отстаивать; нужно было не открывать новыя истины, а твердить зады да азбуку доселѣ для многихъ непонятную; нужно было жевать и пережевывать, подъ опасеніемъ надоѣсть читателямъ и собесѣдникамъ. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти толки, вызывавшіе подъ конецъ скуку, теперь подводятся подъ „возбужденіе недовольства въ обществѣ“, возводятся въ нѣкоторую „оппозицію“

Возбужденіе недовольства! Печать и интеллигенція, дѣйствительно, были бы повинны въ этомъ поступкѣ, еслибъ онѣ выдумывали слухи о разныхъ „пересмотрахъ“, грозившихъ новымъ учрежденіямъ, и пускали бы эти слухи съ зловредною цѣлью волновать общество. Но онѣ ихъ не выдумывали, а получали; и получали изъ достовѣрныхъ источниковъ: разные проекты и прожекты читались и перечитывались многими; статьи въ „пересматривающихъ“ журналахъ и газетахъ публиковались во всеобщее свѣдѣніе. Гдѣ же „возбужденіе“? Въ

томъ ли, что эти слухи не принимались, какъ нѣчто радостное и желательное? Странное требованіе! По мнѣнію „охранителей“, выходить, что печать и интеллигенція должны были вести себя нижеслѣдующимъ образомъ. Въ 1863 году онѣ должны были радоваться изданію новаго университетскаго устава, а въ 1872 году, ликовать по поводу слуховъ о его пересмотрѣ; въ 1864 году привѣтствовать судебную реформу, а черезъ пять-шесть лѣтъ радоваться желаніямъ ее сократить; въ 1865 году торжествовать по поводу льготъ, дарованныхъ печати, а потомъ бѣжать навстрѣчу всѣмъ „мѣрамъ“ неудобозабываемаго г. Лонгинова. Но, милостивые государи, у людей есть нѣчто, называемое совѣстью и убѣжденіями, а съ этими вещами несовѣсть согласуется такая „практика“.

Таково было положеніе „либераловъ“ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ—такимъ оно остается и по сей день. Они не желаютъ ничего „новаго“. Но они полагаютъ, что въ тотъ моментъ, когда наступитъ минута внутренняго успокоенія, когда возстановится прерванное смутною мирное теченіе жизни, явится насущная необходимость возстановить совершенное прежде во всей его чистотѣ и оградить его отъ всякихъ „пересмотровъ“, потому что именно эти пересмотры, развязно рекомендованные разными охранителями, болѣе всего поддерживали несчастную и вредную тревогу въ нашемъ обществѣ. Не даромъ покойный Самаринъ назвалъ это направленіе „революціоннымъ консерватизмомъ“.

ГЛАВА III.

Положеніе и задачи русскої печати *).

I.

„Тяжело жить!“ Вотъ восклицаніе, которое каждому приходится слышать не разъ и не два каждый день и отъ людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Тяжело жить! Но почему же? Дороговизна, упадокъ цѣнности кредитнаго рубля, недороды, болѣзни... Но когда же этого не было? Когда не слышались жалобы на „проклятую дороговизну“? Когда не приходилось слышать о голодѣ то здѣсь, то тамъ? Когда наши грады и веси не боролись съ какою нибудь убійственною болѣзью? Теперь гуляетъ дифтеритъ; прежде гуляла холера. Тотъ косить дѣтей; эта валила взрослыхъ и дѣтей.

Нѣтъ, не отъ того тяжело жить. Не физическая, а нравственная тягота давитъ людей. Подумавъ немного, легко добраться до основной причины. Это безпокойство, эта тревога, испытываемая теперь мирными жителями, привязанными къ своимъ законнымъ интересамъ, привыкшими къ спокойнымъ расчетамъ, основаннымъ на простомъ здоровомъ смыслѣ, эта тревога вызывается именно тѣмъ, что вѣяніе здраваго смысла и почва для спокойнаго расчета, въ увѣренности на завтрашній день, убываютъ и пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Вмѣсто того, чувствуется давленіе слѣпыхъ, дикихъ, *стихийныхъ* силъ,

*) Двѣ статьи, объединенныя этимъ заглавіемъ, появились въ апрѣлѣ и іюль 1880 года.

силъ не разсуждающихъ и катящихся, подобно лавѣ. Внизу слышатся подземные удары, направленные на весь гражданскій порядокъ, на все то, чѣмъ человѣчество привыкло жить и *должно* жить. А на землѣ? На землѣ бушуютъ тѣ же дикія, слѣпые страсти, нашедшія себѣ органъ въ изданіяхъ, по недоразумѣнію называющихся органами печатнаго *слова*. Слѣва! Нѣтъ, слѣва,—этого великаго и драгоцѣннаго дара Божьяго,—здѣсь меньше всего. Здѣсь не слово, а вой шакала, шипѣнье гремучей змѣи, ревъ разъяреннаго ирокеза, махающаго своимъ тамагавкомъ направо и налево. И тамъ, и здѣсь глаза налиты кровью, а дикое рычанье, вырывающееся изъ усть, взываетъ къ крови. Подъ поломъ вопіютъ о „ликвидациі“ общества, о раздѣлѣ имущества, о возвращеніи къ „естественному состоянію“, т. е. объ „освобожденіи“ человѣчества отъ всего, что выработано вѣками и усиліями всѣхъ народовъ. На противоположномъ полюсѣ вопіютъ, но уже сами не знаютъ о чемъ. Слышится только одна нота, нота—грубой силы, фанатизируемой противъ всего, что считается самымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ нынѣшняго царствованія.

Каково же положеніе мирныхъ, спокойныхъ людей? Его можно сравнить развѣ съ положеніемъ спутниковъ Улисса, попавшихъ въ пещеру звѣроподобнаго циклопа и ожидавшихъ своей очереди быть проглоченными чудовищемъ. Но неужели же навсегда прошло время спокойнаго обсужденія вещей? Неужели разумъ утратилъ свои права въ этой странѣ? Нѣтъ, мы не вѣримъ этому, и потому рѣшаемся поговорить о положеніи и задачахъ той части нашей печати, которая хочетъ служить выраженіемъ миѣнній спокойной и здравомыслящей части нашего общества.

Это разсужденіе будетъ и должно быть основано на положительныхъ фактахъ, фактахъ всѣми признанныхъ и всѣмъ извѣстныхъ.

Какія условія вызвали къ жизни нынѣшнюю періодическую печать? Это можно опредѣлить въ двухъ словахъ. Периодическая печать, дѣйствующая на основаніи закона 1865

года, вызвана къ жизни перерожденіемъ нашего государственнаго и общественнаго строя, начавшимся по волѣ верховной власти. Законъ 1865 года послѣдовалъ за цѣлымъ рядомъ реформъ, обновившихъ внутреннюю жизнь Россіи: крестьянскою, земскою, судебною. Болѣе свободная печать была признана необходимымъ дополненіемъ къ совершившимся преобразованіямъ, однимъ изъ важнѣйшихъ условій ихъ примѣненія, упроченія и развитія.

Такимъ образомъ, порожденіе политической печати въ Россіи не было результатомъ какаго-нибудь глубокаго внутренняго потрясенія, революціоннаго взрыва, побѣды торжествующихъ массъ надъ правительствомъ, какъ было во Франціи въ 1789 году. Оно было однимъ изъ послѣдствій реформъ, совершенныхъ сильнымъ и всѣми безспорно признаваемымъ правительствомъ.

Это наложило неизгладимый отпечатокъ на характеръ нашей періодической печати. Мы не можемъ найти среди нея изданій съ направленіемъ *противуправительственнымъ*, какія встрѣчаются въ странѣ, раздѣленной на сильныя и непримиримыя политическія партіи, борющіяся за обладаніе властью легитимисты съ орлеанистами, монархисты съ республиканцами, клерикалы чуть не со всѣми. У насъ власть безспорно и незыблемо принадлежитъ одному лицу, получившему ее отъ предковъ, въ качествѣ законнаго наслѣдія; въ томъ же видѣ она перейдетъ и къ его потомкамъ. Поэтому, у насъ не можетъ быть партій, раздѣленныхъ борьбою за власть; то, что никому принадлежать не можетъ, не можетъ быть и предметомъ борьбы. При этомъ условіи возможна „борьба“ только за направленіе дѣятельности въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя вызваны къ жизни самою верховною властью, которыя должны исполнять законы и примѣнять ихъ на пользу общую. Слѣдовательно, возможна и необходима „борьба“ въ области *подзаконной*, въ области исполненія, примѣненія. Возможна она и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о новыхъ потребностяхъ, естественно порождающихся въ каждомъ правильно развива-

ющемся обществѣ. Заявленіе о такихъ нуждахъ, если онѣ принимаются въ расчетъ властью, могутъ служить весьма важнымъ подспорьемъ въ поступательномъ движеніи законодательства.

Въ этой области, направленіе большинства органовъ нашей печати естественно опредѣлилось условіями, при которыхъ возникла эта печать. Вызванная къ новой жизни вмѣстѣ съ реформами, цѣль которыхъ была возвысить значеніе общества, призванная быть органомъ этого общества, русская печать поняла свою задачу, свою *обязанность*; въ смыслѣ посильной работы надъ вопросами, касающимися примѣненія и развитія преобразованій, свершившихся по волѣ верховной власти. Это придало ей направленію характеръ, окрещенный впоследствии именемъ *либерализма* и поставленный ей въ тяжкую вину. Въ чемъ же состоялъ этотъ „либерализмъ“ особенно въ смыслѣ направленія опаснаго и даже сходнаго съ движеніемъ *революціоннымъ*, какъ это любятъ утверждать нынѣ?

Дѣйствительно, съ самаго начала своего существованія, русская политическая печать выступила на тяжелую работу, преисполненную разныхъ подводныхъ камней, работу, которая, принѣкоторой беззащитности „выводовъ“, могла навлечь на нее самыя серьезныя нареканія.

Не должно забывать, что всѣ совершившіяся преобразованія такъ глубоко проникали въ жизнь общества и администраціи, что сами по себѣ затрогивали множество личныхъ интересовъ, мелкихъ, часто гадкихъ, но упорныхъ и живучихъ. Понятно также, что печать, работавшая надъ вопросами о примѣненіи этихъ реформъ, непременно и каждый день затрогивала чьи-нибудь „интересы“. Здѣсь „оскорблялся“ землевладѣлецъ по поводу разныхъ вопросовъ объ отводѣ крестьянамъ земли и „выкупныхъ сдѣлокъ“, часто неблагоприятныхъ; тамъ возставалъ администраторъ, не поддержанный печатью въ какомъ-нибудь „пререканіи“; въ иномъ мѣстѣ оскорблялась земская управа, уличенная въ бездѣйствіи или

въ худшемъ; огорчалось духовенство, задѣтое въ его часто странныхъ отношеніяхъ къ „паствѣ“ и т. д. Перечислить всѣ случаи „огорченій“ было бы, конечно, невозможно: нѣтъ того класса или учрежденія, которое не было бы задѣто печатью. Но мы имѣемъ въ виду употребленіе, какое дѣлалось изъ этихъ огорченій.

При нашей малой привычкѣ къ общественной жизни и къ гласному контролю, при издавна усвоенной привычкѣ сводить все на почву личной пользы, эти задѣтые „интересы“ защищались своеобразно. Разборъ поземельныхъ отношеній крестьянъ немедленно подводился подъ социалистическую проповѣдь; указаніе, что въ такомъ-то „пререканіи“ администраторъ неправъ, характеризовалось возбужденіемъ неуваженія къ властямъ; разсмотрѣніе отношеній духовенства возводилось къ безбожію и т. д. Были и другіе голоса: уличенная въ бездѣйствіи земская управа, новый судъ, дѣйствующій по старому духу, адвокаты, обнаружившіе хищническія склонности—вопіяли о помраченіи реформъ и подрывѣ общественныхъ учреждений. Но мы оставляемъ въ сторонѣ эти голоса, такъ какъ, они не были поставлены печати „на счетъ“ въ моментъ іерихонскаго на нее похода, предпринятаго гг. Катковыми въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Указанные выше возгласы, въ первый періодъ примѣненія реформъ, мало обращали на себя вниманіе. Они казались естественными, но мало почтенными. Скоро, однако, печать наткнулась на другіе практическіе вопросы, подавшіе поводъ къ болѣе серьезнымъ и болѣе общимъ нареканіямъ. Не станемъ входить въ подробности: укажемъ на существо дѣла, всѣмъ извѣстное и понятное.

Реформы шестидесятыхъ годовъ положили главныя основы новому порядку вещей. Но ни одна эпоха не можетъ совершить всего, что требуется не останавливающимся народнымъ развитіемъ. Поэтому, неудивительно, если многое изъ того, что *теперь* кажется намъ логическимъ послѣдствіемъ и дополненіемъ къ преобразованіямъ, осталось несовершеннымъ

тогда. Таковы важные вопросы о податной реформѣ, объ устройствѣ переселенія крестьянъ, объ организаціи мелкаго кредита и т. д. Неудивительно также, что преобразованія, вызвавшія къ жизни *новыя* учрежденія, не коснулись многихъ старыхъ установленій. Но практическая жизнь, сосуществованіе стараго и новаго вызвали столько вопросовъ, что печать не могла не обратить на нихъ вниманія. Не должно забывать, при этомъ, что русское общество, а *следовательно* и печать, вкусивъ новыхъ условий жизни, сдѣлались гораздо чутче къ явленіямъ, напоминающимъ ту эпоху, когда сложились поговорки „брань на вороту не виснетъ“ и „за всякимъ тычкомъ не угоняешься“.

Итакъ, стремленіе къ логическимъ послѣдствіямъ реформъ и къ пересмотру стараго въ духъ новаго—вотъ что сообщило печати еще болѣе „либеральный“ характеръ и дало почву къ двумъ новымъ обвиненіямъ: къ обвиненію въ „возбужденіи недовольства существующимъ порядкомъ“ и „въ стремленіи къ переустройству нашей государственной формы“.

Эти обвиненія проявились съ особенною силою теперь, когда многія несовершенства преобразованій дали горькіе плоды, когда разладъ между старымъ и новымъ сдѣлался достаточно рѣзокъ, когда происки и неистовства „революціонной партіи“ даютъ многимъ весьма удобный *предлогъ* повернуть государственную машину назадъ и воскресить дореформенную Россію.

Но для людей спокойныхъ и трезвыхъ вопросъ ставится просто: должна-ли Россія быть лишена тѣхъ нормальныхъ условий общественнаго развитія, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно европейское государство и необходимость которыхъ была признана въ шестидесятыхъ годахъ? Если не должна, то смотрите и на печать, какъ на одно изъ этихъ нормальныхъ условий; дайте ей возможность дѣйствовать въ кругу вопросовъ, намѣченныхъ преобразовательною политикою нынѣшняго царствованія; не читайте между строкъ; не усматривайте „возбужденія“ тамъ, гдѣ есть только указаніе фак-

товъ и вполне законный изъ нихъ выводъ; не смѣшивайте умышленно желаніе дальнѣйшаго обновленія разныхъ учрежденій нашихъ съ замыслами революціоннаго кружка. Коротко говоря—не дѣлайте *своихъ* выводовъ тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ напечатанномъ текстѣ. Умѣйте, наконецъ, отдѣлать законное и спокойное *сужденіе* отъ революціонныхъ *снарядовъ*.

„Возбужденіе неудовольствія“! „Осужденіе существующаго“! Какія странныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какія безсодержательныя и неразумныя фразы! Послушаемъ, что говорилъ честный русскій гражданинъ, вѣрный слуга престола и родинѣ, глубокорелигіозный человекъ и *русскій* до мозга костей—Ю. О. Самаринъ:

„Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и приѣмахъ правительства, словомъ, въ томъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно, живутъ, развиваются и идутъ впередъ, передовые люди никогда на находятъ въ немъ *полнаго* удовлетворенія всѣхъ, разумѣется, *разумныхъ* своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго—начало политическаго, правильнаго прогресса“.

Итакъ, неудовлетвореніе не всегда есть признакъ преступнаго „возбужденія“; когда рѣчь идетъ о *разумныхъ* потребностяхъ, оно присуще обществу, которое „дѣйствительно живетъ, развивается и идетъ впередъ“. Эту простую истину понять не трудно; а понявъ ее, трудно уже будетъ принимать на вѣру нелѣпыя „сопоставленія“, дѣлаемая между печатью подпольною и изданіями надпольными.

II.

Когда, въ 1852 году, Наполеону III-му нужно было подавить революціонное движеніе во Франціи, его наперсникъ, Персиньи, предложилъ ему проектъ извѣстнаго декрета о пе-

чати, въ качествѣ временного и „героическаго“, какъ говорилъ Персинъ, средства упроченія будущей имперіи. Средство оказалось не героическимъ, но, дѣйствительно, временнымъ, по тому что имперія отказалась отъ него за два года до собственнаго паденія.

Это средство въ Россіи явилось въ 1865 году, въ видѣ льготы для нашей печати. И дѣйствительно, временныя правила 1865 года были правилами льготными, сравнительно съ прежними цензурными порядками. Для уразумѣнія всей разницы между этими правилами и порядками прежняго времени, намъ нѣзачѣмъ обращаться къ старинѣ: недавній процессъ газеты „Обзоръ“ лучше всего показываетъ, что такое цензура въ примѣненіи къ повременнымъ изданіямъ. Наконецъ, положеніе всей провинціальной печати, по сравненію ея съ печатью столичною, объясняетъ разницу между старымъ и новымъ. Провинціальная печать жаждетъ для себя того, что дано печати столичной, хотя, какъ мы полагаемъ, именно этого и не слѣдуетъ ей желать.

Намъ кажется, что какъ столичная, такъ и провинціальная печать могутъ быть подняты мѣрами общими и одинаковыми и что эти мѣры не могутъ быть основаны на правилахъ 1865 года и, тѣмъ болѣе, на позднѣйшихъ къ нимъ дополненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ должно видѣть существо временныхъ правилъ 1865 года? Какими началами отличаются они отъ цензурнаго устава 1828 года?

Подцензурная печать выпускала въ свѣтъ свои произведенія на страхъ цензора, пропускавшаго рукописи; печать, освобожденная отъ предварительной цензуры, дѣйствуетъ на страхъ авторовъ и редакторовъ повременныхъ изданій. Повидимому, разница глубокая; повидимому, положеніе нашей безцензурной печати вполне опредѣляется извѣстною формулою свободы печати: „каждый, безъ предварительнаго разрѣшенія, можетъ обнародовать свои мысли, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія“.

Дѣйствительно, одна половина формулы отчасти примѣ-

нена къ русской печати. Авторы отдѣльныхъ сочиненій извѣстнаго объема и редакторы повременныхъ изданій могутъ обнародовать разныя мысли безъ предварительнаго разрѣшенія. Но полному примѣненію этой формулы существенно препятствуетъ то обстоятельство, что право основанія безцензурнаго и даже подцензурнаго повременнаго изданія не опредѣлено никакими законными условіями и потому, какъ *право*, не существуетъ. Разрѣшеніе основать безцензурное и даже подцензурное изданіе всецѣло вытекаетъ изъ ничѣмъ неограниченнаго усмотрѣнія администраціи и вполне подходитъ подъ понятіе *концессіи*, устанавливаемой дискреціоннымъ актомъ административной власти. Послѣдняя не связана никакими, закономъ установленными, мотивами ни въ разрѣшеніи, ни въ отказѣ. Она *дозволяетъ* издавать и говорить тому, кому она хочетъ и какъ она хочетъ.

Этимъ началомъ „концессіи“ вполне опредѣляется все положеніе повременной печати. Если изданіе держится по милости, на которую образца нѣтъ, то оно не даетъ никакихъ правъ, огражденныхъ закономъ. Напротивъ, милость всегда можетъ быть отнята такъ, какъ она дарована, т. е. безъ всякихъ мотивовъ. И отсюда совершенно логично вытекаетъ и порядокъ *отвѣтственности* редакторовъ повременныхъ изданій.

Когда издатель, основавшій журналъ, въ силу правъ, указанныхъ закономъ, пріобрѣтаетъ чрезъ то другія права, также опредѣленные закономъ, онъ отвѣчаетъ за злоупотребленіе своимъ правомъ, т. е. также въ предѣлахъ и въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Онъ издаетъ и говоритъ на свой страхъ и рискъ; но предѣлы этого риска достаточно ясны; редакторы и авторы видятъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго въ уголовномъ законѣ, примѣняемомъ судомъ. Редакторъ же изданія концессіонированнаго естественно долженъ искать мѣру дозволеннаго и недозволеннаго не въ законѣ, а въ настроеніи того вѣдомства, отъ котораго зависитъ судьба изданія. Вѣдомство же это, столь же естественно, стре-

мится поставить печать въ соотвѣтствіе не столько съ требованіями закона, сколько съ настроеніемъ или, вѣрнѣе, настроеніями, господствующими въ данную минуту въ различныхъ вѣдомствахъ, имѣющихъ вѣсь и вліяніе. Отсюда самъ собою рождается вопросъ о „направленіяхъ“ вредныхъ или полезныхъ, т. е., практически говоря, соотвѣтствующихъ или не соотвѣтствующихъ данному настроенію администраціи. Предъ вопросомъ о „направленіяхъ“ естественно ступовываются „мелкіе“ юридическіе вопросы, вопросы о законности или незаконности тѣхъ или другихъ дѣйствій печати; цензурное вѣдомство фатально *обязано* болѣе всего заботиться о „направленіи“ печати, т. е. о поставленіи ея въ такое положеніе, чтобъ она говорила только то и только такъ, какъ того требуютъ административныя соображенія. Было бы несправедливо винить въ томъ цензурное вѣдомство: оно дѣйствуетъ въ условіяхъ своего положенія, а это положеніе не можетъ быть названо нормальнымъ.

Вотъ его существо. Во времена предварительной цензуры, цензоръ, дозволяя или не дозволяя „къ печатанію“, соображался съ извѣстными ему взглядами начальственныхъ лицъ. Онъ былъ органомъ опредѣленнаго „направленія“. Теперь, въ области безцензурныхъ изданій, на мѣстѣ цензора оказался самъ редакторъ. Онъ долженъ предугадывать, что можно и чего нельзя. И положеніе этого новаго цензора, поистинѣ, затруднительное. Настоящему цензору прямо и непосредственно объявлялась воля начальства—что пропускать и чего не пропускать. Редактору эта воля объявляется уже послѣ того, какъ промахъ совершонъ, и, притомъ, объявляется она не въ формѣ наставленія, а въ формѣ предостереженій и взысканій. Ему не говорятъ: „не печатайте такой-то статьи“; ему объявляютъ: „такой-то статьи не слѣдовало печатать, а потому вы подвергаетесь такому-то взысканію“. По большей части, не говорятъ и этого; по большей части (какъ, напримѣръ, при воспрещеніяхъ розничной продажи или при лишеніи права печатать объявленія), редакціи сами должны „догадываться“, за что ихъ постигла такая немилость.

Такимъ образомъ, между цензурнымъ вѣдомствомъ, обязаннымъ сообразоваться съ переменчивыми теченіями мыслей въ администраціи, и печатью, обязанной догадываться объ этихъ настроеніяхъ, утверждаются непреодолимые недоразумѣнія. Редакціи усиливается проникнуть въ тайну настроенія и дѣлають „промахъ“ за „промахомъ“. Цензурное вѣдомство усиливается привести все къ надлежащему направленію и никакъ не можетъ открыть своей мысли, потому что самая эта мысль приходитъ извнѣ и мѣняется, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда одинъ выходъ — подстрекнуть и воспитать сообразительность редакцій всѣми возможными мѣрами. И мѣрами этими являются строгія административныя взысканія.

Не станемъ раздражаться противъ мѣръ, каковы воспрещеніе розничной продажи и воспрещеніе печатанія объявленій. Онѣ суть логическое послѣдствіе концессіоннаго положенія нашей печати, т. е. самихъ принциповъ правилъ 1865 года.

Когда при старыхъ формахъ слѣдственнаго процесса, слѣдователю и судѣ нужно было добиваться собственнаго признанія подсудимаго, жестокіе способы извлеченія этого „собственнаго признанія“ были логическимъ послѣдствіемъ неправильной постановки самаго процесса. Въ цвѣтущее время этого процесса были въ ходу пытки; потомъ, когда законъ отмѣнилъ пытки, остались угрозы, кормленіе селедкой, обольстительныя обѣщанія и т. д., практиковавшіяся вопреки закону. Но что было дѣлать, когда слѣдователю *нужно* было это признаніе?

Такъ и въ дѣлѣ печати. Цензурному вѣдомству *нужно* вызвать въ душѣ редакторовъ и вообще пишущей братіи извѣстное настроеніе, потому что оно само отвѣчаетъ не за закономѣрность печати, а именно за ея *направленіе*. Тяжкая, невозможная обязанность, но обязанность, фатально наталкивающая на „строжайшія мѣры“. Тѣ немногія гарантіи для печати, какія заключались въ правилахъ 1865 года, пали сами собою, потому что онѣ вовсе не вытекали изъ ихъ духа и даже противорѣчили „свободѣ администраціи“. Мало-по-малу, вошло въ силу извѣстное народное правило: „не бей мужика дубиной, бей

его полтиной“. Цензурное вѣдомство откровенно заявило редакторамъ безцензурныхъ изданій: „Если вы не дадите мнѣ хорошаго направленія, я васъ разорю“. А разорить оно могло и можетъ. Какой судъ въ мѣръ наложить штрафъ въ 60,000 рублей? Воспрещеніе же розничной продажи ни къ чему иному не ведетъ. Безграничныя наказанія вполне соответствовали безграничнымъ требованіямъ, поставленнымъ цензурному вѣдомству. Иного ничего оно изобрѣсти не могло. Всѣ его мѣры развивались логически изъ ложнаго начала, установленнаго еще въ 1865 году.

Но и положеніе самого цензурнаго вѣдомства было довольно фальшиво. Обязанное блюсти не столько за исполненіемъ законовъ, сколько за „направленіями“, оно логически пришло къ необходимости вмѣшиваться въ литературную борьбу, становиться то на ту, то на другую сторону, поощрять однихъ, налагать взысканія на другихъ. Все это совершалось, по большей части, несознательно, безъ злого умысла, а просто „силою вещей“. Цензура приглашала, положимъ, печать хранить молчаніе по вопросамъ учебнымъ, но не могла же она запретить восхваленіе существующей системы, въ „Московскихъ“ и „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“. А это и давало видъ нѣкоторой солидарности цензурнаго вѣдомства съ означенными газетами и съ мнѣніями, въ нихъ высказываемыми. Оказалось, однако, что обѣ газеты дотрубились до отставки графа Толстого. Слѣдуетъ ли изъ этого, что теперь должно преслѣдовать направленіе его защитниковъ?

Концессионное положеніе печати фатально отражалось на положеніи самого цензурнаго вѣдомства. Если печать была нѣкоторымъ игрищемъ въ рукахъ цензуры, то цензура сама должна была прислушиваться, откуда дуетъ вѣтеръ, и нерѣдко перемѣна вѣтра уносила чѣмъ нибудь „непотрафившихъ“ или слишкомъ „трафившихъ“ въ прежнее время дѣятелей.

Мы полагаемъ, что и печати и цензурѣ одинаково спа-

сеніе *въ законѣ*. Законъ долженъ опредѣлить условія, при которыхъ каждый незапятнанный русскій можетъ основать изданіе—тогда цензурное вѣдомство не будетъ теряться въ сомнѣніяхъ „разрѣшить или [не разрѣшить“, и однимъ великимъ источникомъ нареканій будетъ меньше.

Изданіе, основанное въ законныхъ условіяхъ, должно быть разсматриваемо, какъ собственность основателя, которой онъ не можетъ быть лишенъ иначе, какъ за преступленіе, по суду.

Отдѣльныя взысканія должны быть строго опредѣлены какъ въ своихъ поводахъ, такъ и въ ихъ мѣрѣ. Немотивированныя и безмѣрныя взысканія имѣютъ характеръ не законнаго наказанія, а мести, совершенно неумѣстной въ государственномъ порядкѣ.

Наложеніе взысканій не должно быть предоставляемо самому цензурному вѣдомству. Мы высказываемъ это желаніе не на основаніи только того правила, что обвинитель и судья не могутъ быть соединены въ одномъ лицѣ, но и потому, что это сняло бы значительное бремя съ самого цензурнаго вѣдомства. Это вѣдомство, сколько намъ извѣстно, налагало взысканія обыкновенно по требованію другихъ вѣдомствъ. Мы помнимъ, что генераль-адъютантъ Тимашевъ былъ очень терпимъ касательно того, что писалось о его вѣдомствѣ; но мы сами испытали не менѣе 14-ти каръ, наложенныхъ по требованію бывшаго министра народнаго просвѣщенія. При судебномъ порядкѣ, наложенія взысканій, такимъ „требованіямъ“, конечно, не будетъ мѣста!

Не предрѣшаемъ вопроса, какъ долженъ быть составленъ тотъ судъ, которому могутъ быть поручены дѣла печати. Будетъ ли это обыкновенный судъ, или судъ со смѣшаннымъ составомъ, — это, приблизительно, все равно, если только авторамъ и редакторамъ будетъ обезпечена возможность оправданій и объясненій на представленные обвиненія.

Наконецъ, въ качествѣ вывода изъ всего предыдущаго, печать наша нуждается въ опредѣлительныхъ *законахъ*, ко-

торыми опредѣлялся бы какъ объемъ ея правъ, такъ и порядокъ отвѣтственности.

Все это можетъ быть достигнуто только при помощи совершенно *новаго* закона о печати, такъ какъ „временныя“ правила 1865 года представляютъ почву, совершенно неудобную для какихъ бы ни было улучшеній.

Это вѣрно, какъ относительно столичной, такъ и провинціальной печати. Провинціальная печать, можетъ быть, вздыхаетъ, глядя на безцензурную столичную печать. Изъ долгаго опыта мы вынесли убѣжденіе что вздохамъ тутъ не можетъ быть мѣста. Напротивъ, мы полагаемъ, что еслибъ провинціальная печать была подчинена правиламъ 1865 года съ послѣдовавшими къ нимъ дополненіями, она была бы убита при самомъ ея рожденіи. Думаемъ такъ потому, что если положеніе столичной печати, при довольно просвѣщенномъ и даже доброжелательномъ персоналѣ центрального учрежденія, достаточно тяжело, то каково будетъ провинціальной печати при „мѣстныхъ“ цензорахъ и часто странномъ составѣ мѣстной администраціи?

Именно мѣстная печать не можетъ желать примѣненія къ ней „временныхъ правилъ“. Здѣсь, на мѣстѣ, еще можно кое-какъ „сообразоваться“ и „предугадать“, что въ данную минуту можно и чего нельзя. А въ провинціи, гдѣ „столичное направленіе“ преломляется въ особаго рода призмахъ и гдѣ простое заявленіе о неблаговидныхъ поступкахъ какой-нибудь вліятельной личности можетъ быть неукоснительно подведено подъ понятіе „измѣны“, едва-ли слѣдуетъ пускаться въ дорого стоящіе опыты.

Провинціальной печати, да и печати вообще, не будетъ въ Россіи, пока не будетъ истинныхъ законовъ о печати. До тѣхъ поръ представители русской журналистики останутся при жалкомъ правѣ бранить другъ друга, развлекая тѣмъ свое безцвѣтное, а подчасъ и бесполезное существованіе.

Г Л А В А IV.

Что такое вредное направленіе? *)

Толки объ изготовленіи новаго закона для нашей печати продолжаютъ. Стало быть, и „печати“ не лишне продолжать заявленіе своихъ пожеланій, въ томъ разсчетѣ, что ей удастся разъяснить кое-что въ трудномъ и запутанномъ вопросѣ нашего печатнаго дѣла. Сверхъ того, разъяснять и объяснять—роль очень почетная, можно сказать, лестная. Есть, однако, одинъ вопросъ, одинъ пунктъ, по которому печать не можетъ подать своего голоса и не можетъ представить никакихъ разъясненій. Напротивъ, она сама должна бы выпросить, исходатайствовать благосклонное объясненіе по этому вопросу, который состоитъ въ слѣдующемъ: *что такое вредное направленіе?*

Вотъ вопросъ ужасно важный, но совершенно недоступный рѣшенію, по крайней мѣрѣ, для нашихъ слабыхъ способностей. Съ дѣтства, можно сказать, мы привыкли понимать, и понимать осязательно, такія слова, какъ преступленіе, проступокъ, правонарушеніе и т. д. Когда мы были въ школѣ, намъ было понятно, что обманъ, грубости, драки, непослушаніе суть проступки, и каждый понималъ, въ чемъ они состоятъ. Въ послѣдствіи, изъ чтенія законовъ и твореній разныхъ законовѣдцевъ, мы уразумѣли „признаки“ преступленій, караемыхъ уже не учебнымъ начальствомъ, а уголовными судьями. Въ наивности своей, мы думали, что гра-

*) Написана въ началѣ августа 1880 года.

жданское образованіе наше по этой части совершенно закончилось; что въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ утвердилась та „мѣра дозволеннаго и недозволеннаго“, которая называется закономъ. Но, увы! Опытъ журнальной дѣятельности показалъ намъ, что есть одно понятіе, съ которымъ мы были незнакомы и, къ сожалѣнію, не познакомились до сихъ поръ, т. е. не то, что не познакомились, а не уразумѣли. „Вредное направленіе“ знакомо почти каждой редакціи по тѣмъ сурпризамъ, которые онѣ прежде получали въ видѣ предостереженій, воспрещеній розничной продажи и печатанія частныхъ объявленій. Такой способъ ознакомленія очень практиченъ, въ смыслѣ неудобозабываемости, но, къ сожалѣнію, никакъ не въ смыслѣ „разъясненія“. Испытавъ, въ теченіи нашей журнальной дѣятельности, не мало каръ, мотивомъ которыхъ являлось „вредное направленіе“, мы, всетаки, пребываемъ въ недоумѣніи относительно истиннаго смысла этого таинственнаго слова.

Положимъ, слово „вредный“ вполне понятно; но, вѣдь, это только прилагательное къ существительному „направленіе“. Очевидно, въ этомъ существительномъ вся суть дѣла, и его-то смыслъ остается скрытъ отъ глазъ непосвященныхъ. Что такое „направленіе“? Все, чего мы могли добиться послѣ долгихъ и частыхъ размышленій, сводится къ тому, что „направленіе“ есть нѣчто, отличное отъ „поступковъ“, изъ которыхъ вредные прямо предусмотрѣны и воспрещены закономъ подъ страхомъ опредѣленнаго наказанія. Итакъ, если направленіе не есть „поступокъ“, то, очевидно, оно есть не что иное, какъ „образъ мыслей“.

Но, при всей очевидности такого вывода, мы не дерзаемъ торопиться съ нимъ, потому что на практикѣ онъ привелъ къ другому, ужъ очень странному выводу, именно къ тому, что въ Россіи должны существовать журналы только одного образа мыслей, признаннаго полезнымъ.

Но пусть и такъ; пусть будетъ одинъ, нарочито полезный образъ мыслей. Чего же лучше? Вреднаго образа мы-

слей никто не пожелаетъ ни себѣ, ни другимъ. Остается только узнать, какой именно „образъ“ долженъ считаться наиболѣе полезнымъ?

При невозможности рѣшить этотъ вопросъ а priori, нужно обратиться къ существующимъ и прежде бывшимъ примѣрамъ. Мы не дерзнемъ, конечно, выдавать нашъ образъ мыслей за наилучшій уже по одному тому, что число перенесенныхъ нами взысканій наводитъ насъ на мысль, что, должно быть, наши понятія не принадлежатъ къ наилучшимъ.

Необходимо обратиться къ такимъ изданіямъ, которыя, очевидно, причисляются къ надежнѣйшимъ, потому что они уже много лѣтъ были свободны отъ всякихъ взысканій. Таковы, безспорно, „Московскія Вѣдомости“. Съ 1870 года онѣ, выражаясь персидскимъ языкомъ, „шили и пороли“. Тѣмъ не менѣе, въ ихъ прошломъ имѣются двѣ точки, въ видѣ двухъ взысканій, изъ которыхъ одно онѣ побороли, а другое перенесли съ покаяніемъ, лобзая и рыдая. Чѣмъ же ихъ „образъ мыслей“ былъ нехорошъ въ эти горькія минуты?

Первая минута относится къ 1866 году. Тогда онѣ стойко и ретиво отстаивали государственное единство Россіи, разискивали „бѣлый ржондъ“ и выметали измѣну съ русской земли. Кажется, дѣло не запрещенное, а, въ извѣстномъ смыслѣ, даже обязательное. Вышло, однако, совершенно напротивъ. Тогдашніе ихъ взгляды были признаны вредными, и онѣ получили предостереженіе, котораго не напечатали. Послѣдовало второе и третье предостереженія съ закрытіемъ изданія на нѣкоторое время. Но это время было сокращено, и „Московскія Вѣдомости“, возобновляя свою дѣятельность, прямо заявили, что онѣ будутъ служить тому же дѣлу и своего образа мыслей не измѣнять. И, дѣйствительно, не измѣнили. Вплоть до 1870 года онѣ усердно занимались окраинами, къ которымъ прибавилась еще одна: остзейскія провинціи. Сначала тихо, да скромно, а потомъ послышались прежнія ноты, и въ 1870 году онѣ опять получили предостереженіе, на этотъ разъ принятое ими съ покаяніемъ. Но отъ

„образа мыслей“ онѣ, опять-таки, не отреклись и сознались не во вредныхъ своихъ стремленіяхъ, а въ нѣкоторыхъ частныхъ своихъ неловкостяхъ. И дѣйствительно, образъ мыслей „Московскихъ Вѣдомостей“ не можетъ быть признанъ вреднымъ, особенно съ той точки зрѣнія, съ которой налагаются взысканія.

Выходитъ, слѣдовательно, что въ исторіи „Московскихъ Вѣдомостей“ въ игрѣ былъ не образъ мыслей, а кое-что другое. Выходитъ, что и самое направленіе не есть „образъ мыслей“. Но тогда что же оно такое? Человѣкъ можетъ мыслить правильно, поступать законно и, все-таки, ему можетъ грозить обвиненіе во вредномъ направленіи. Поистинѣ, трудный, можно сказать, мучительный вопросъ. Ни поступокъ и ни образъ мыслей, ни мысль и ни дѣяніе. Остается искать чего-нибудь третьяго, и едва ли этимъ третьимъ не будетъ *недоразумѣніе*—источникъ многихъ прискорбныхъ явленій.

Въ основѣ недоразумѣнія всегда лежитъ мысль, ошибочно приписываемая одною стороною другой. За примѣрами ходить недалеко. Законъ нашъ воспрещаетъ, и справедливо воспрещаетъ, возбужденіе одной части народонаселенія противъ другой. Но слово „возбужденіе“ можетъ быть примѣнено къ такимъ сужденіямъ, которыя съ возбужденіемъ ничего общаго не имѣютъ. Напримѣръ: русская печать разбирала обветшалыя привилегіи остзейскаго дворянства и бюргерства и доказывала необходимость отмѣны исключительнаго положенія въ этомъ краѣ, покровительства латышамъ и эстамъ и т. д. Ничего „вреднаго“ и законопреступнаго въ этомъ дѣлѣ не было, потому что „Московскія Вѣдомости“ не „возбуждали“ латышей и эстовъ, а обращали вниманіе законной власти на необходимость легальныхъ реформъ въ интересахъ государственнаго единства Россіи. Но, при нѣкоторомъ усиліи ума, конечно, можно было подвести ихъ статьи подъ „возбужденіе“, что и было сдѣлано какъ привилегированными корпораціями Прибалтійскаго Края, такъ и излишне щекотливыми административными властями, уви-

дѣвшими въ этихъ статьяхъ недозволенную критику ихъ дѣйствій. Несмотря, однако, на это, правительство впослѣдствіи сочло нужнымъ упразднить рижское генераль-губернаторство, преобразовать городское устройство и начать судебную реформу. Никакого „возбужденія“, конечно, не вышло; вышла только громадная манифестація латышей и эстовъ во славу русскаго Царя.

На это намъ могутъ сказать, что ошибка русской печати состояла именно въ томъ, что она затрогивала и разбирала этотъ вопросъ прежде, чѣмъ онъ былъ рѣшенъ правительствомъ, что, слѣдовательно, ея указанія были „преждевременны“.

Если такъ, то мы не знаемъ, что и думать. Выходить, что „вредное направленіе“ есть „преждевременно сказанная истина“! Но какъ же послѣ этого смотрѣть на задачу, на призваніе печати? Неужели печать должна заниматься одними „рѣшенными“ и сданными въ архивъ вопросами? Неужели она должна была заняться откупамъ послѣ видоизмѣненія акцизной системы, старыми судами послѣ 1864 года, всеобщей воинскою повинностью послѣ 1874 года и т. д., и т. д.?

Но теоріей „преждевременности“ можно уничтожить, заглушить то, что есть въ печати лучшаго и полезнѣйшаго для страны — ея идеальный элементъ, благодаря которому она вноситъ въ общество новыя понятія, выражаетъ и формулируетъ нарождающіяся общественныя стремленія, объясняетъ ихъ, критикуетъ и, такимъ образомъ, даетъ власти возможность въ свое время осуществить то, что признано разумнымъ и полезнымъ.

Не слѣдуетъ пугаться того, что многое изъ написаннаго странно, нелѣпо, дико. Нелѣпое и дикое умретъ само собою подъ ударами критики, подъ давленіемъ здраваго смысла и подъ щелчками насмѣшки. Останется здоровое, назрѣвшее ядро полезнаго и нужнаго, и пойдетъ оно на потребу странѣ.

Да, скажутъ намъ, но „несвоевременно“ выражаемыя желанія возбуждаютъ въ обществѣ недовольство существующимъ. Въ этомъ и состоитъ опасность „вреднаго направленія“.

На это мы отвѣтимъ: смотрите и читайте. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ печать дѣйствуетъ довольно свободно, а между тѣмъ, именно духъ „недовольства“ идетъ на убыль. Печать именно повеселѣла, что является нагляднымъ показателемъ того, что повеселѣло и общество. Между тѣмъ, чего бы, кажется, веселѣть? Развѣ печать говоритъ теперь веселыя вещи? Совершенно напротивъ. Она повѣствуетъ, что здѣсь голодъ, да тамъ голодъ, здѣсь свирѣпья болѣзни, да тамъ какая-нибудь напасть, здѣсь денегъ мало, а тамъ ихъ вовсе нѣтъ. Развѣ это весело? Довольно бодро заявляетъ печать разныя пожеланія, а между тѣмъ, каждое изъ такихъ желаній свидѣтельствуетъ о томъ, что какая-нибудь настоятельная, азбучная, такъ сказать, нужда ждетъ еще своего удовлетворенія. Это ли весело? Тѣмъ не менѣе, въ самыхъ мрачныхъ іереміадахъ, попадающихся на страницахъ нашихъ временныхъ изданій, чувствуется веселая, бодрящая нота, даже не одна, а двѣ. Нота первая: сознание возможности высказать то, чѣмъ больна душа; нота вторая: надежда на лучшее будущее. И въ результатѣ выходитъ, что всѣ мрачныя статьи вмѣсто того, чтобъ поселять въ душѣ читателя „черную меланхолю“, возбуждаютъ въ немъ нѣкоторыя хорошія чувства, дѣлающія его гораздо болѣе „довольнымъ“, чѣмъ онъ былъ бы подъ дѣйствіемъ печати, сведенной къ спасительной „своевременности“.

Изъ всѣхъ чувствъ наиболѣе способно возбудить „удовольствіе“ чувство *жизни* и, наоборотъ, сознание безжизненности окружающаго всего болѣе плодитъ ту „черную меланхолю“, которою мы страдали столько лѣтъ. И мы очень опасаемся, что безжизненность есть главнѣйшій признакъ того „хорошаго“ направленія, котораго тщетно ищутъ разные умы, подобно нѣкоторой квадратурѣ круга.

ГЛАВА V.

Переходное время для печати *).

Предостереженіе, данное на дняхъ одной петербургской газетѣ, невольно заставляетъ подумать о современномъ положеніи русской печати вообще. Фактъ „предостереженія“ указываетъ ли на то, что періодъ относительной свободы печати закончился и что мы вступаемъ въ иное теченіе? Этого мы не думаемъ ни одну минуту. Полагаемъ, что съ нами согласятся и другіе, припомнивъ всю фактическую обстановку послѣдняго времени.

Съ перемѣны въ личномъ составѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, оно сдѣлало большой и, въ общемъ, очень удачный опытъ: именно, печати была предоставлена свобода говорить о всякихъ вопросахъ, и весь карательный арсеналъ, содержащійся какъ въ правилахъ 1865 года, такъ и въ дополнительныхъ къ нимъ узаконеніяхъ, былъ какъ бы забытъ. Въ теченіе почти семи мѣсяцевъ не было ни одного (за исключеніемъ пріостановки газеты „Берегъ“ на семь дней) случая наложенія „взысканій“, столь щедро налагавшихся въ недавнемъ прошломъ.

Семь мѣсяцевъ полного затишья по части „взысканій“, послѣ того, какъ карательныя мѣры не только учащались, но и развивались въ своей силѣ — срокъ весьма почтенный и доказывающій всю добрую волю управленія по дѣламъ печати.

*) Относится къ началу октября 1880 года.

Но читатели припомнятъ, что какъ „Вѣстникъ Европы“, такъ и мы, еще лѣтомъ нынѣшняго года, указывали на настоятельную необходимость составленія и изданія *новаго* закона о печати, взаи́мнъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ.

Мы подняли этотъ вопросъ, конечно, не изъ недовѣрія къ нынѣшнему составу главнаго управленія (напротивъ, до-вѣріе это усиливалось съ каждымъ днемъ), а въ простомъ предвидѣніи того момента, когда продолженіе благотворнаго „опыта“ сдѣлается невозможнымъ и когда, такъ или иначе, придется сдѣлать *практическое* употребленіе изъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о печати. Ни въ какомъ государствѣ и ни при какихъ законахъ немыслимо такое положеніе вещей, гдѣ не случилось бы какого-нибудь „злоупотребленія“, вызывающаго вмѣшательство карательной власти. Предположить противное значить впадать въ иллюзію.

Такой моментъ, наконецъ, насталь. Мы, конечно, не станемъ обсуждать статьи, подавшей поводъ къ предостереженію. Мы не считаемъ себя призванными обсуждать чужія дѣйствія съ карательной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что никто не можетъ ручаться, чтобъ его собственныя дѣйствія не могли подать никакого повода къ преслѣдованіямъ. Если мы и заговорили объ этомъ фактѣ, то единственно потому, что видимъ въ немъ новый аргументъ въ пользу того, что говорилось нами нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, именно — въ пользу скорѣйшаго пересмотра законовъ о печати.

Опытъ свободы отъ „взысканій“ былъ сдѣланъ; онъ продолжался семь мѣсяцевъ — срокъ, дѣлающій величайшую честь какъ благоразумію русской печати, такъ и доброй волѣ цензурнаго вѣдомства. Предположить, что онъ могъ бы продолжаться годы, значило бы просто ребячествовать. Почему, мы сейчасъ увидимъ.

Время, въ теченіе котораго былъ сдѣланъ указанный опытъ, было очень для него благоприятно. Общество и печать только что вышли изъ того періода, когда всѣ внутренніе

вопросы наши были заслонены одним: вопросом о российском социализме. Они пережили ряд стеснительных мѣръ, ослабить или вовсе отмѣнить которыя выпало на долю верховной распорядительной комисси. Чувство успокоенія, проникшее во всѣ души подъ вліяніемъ дѣйствій этой комисси, охватило всѣхъ. Общество и печать жили этимъ радостнымъ чувствомъ въ теченіе довольно долгаго срока. Какимъ то сладостнымъ чувствомъ всеобщей любви смѣнилось всеобщее уныніе, повальное недовѣріе; а любовь, какъ извѣстно, всему „вѣритъ и всего надѣется“.

Но періодъ успокоенія далъ свои плоды. Передъ глазами всѣхъ, прежде затуманенными „соціальнымъ вопросомъ“, встали практическіе, по истинѣ, важные вопросы, столько лѣтъ лежавшіе подъ спудомъ. Они то и притягиваютъ къ себѣ вниманіе какъ общества, такъ и печати, и притягиваютъ все больше и больше.

Этого мало. Именно на почву этихъ практическихъ вопросовъ и имѣлъ въ виду свести обсужденія печати г. министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей извѣстной бесѣдѣ съ редакторами. Предостерегая представителей печати отъ политическихъ иллюзій, онъ заявилъ, что правительство имѣетъ въ виду „дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія и распоряженія правительства“. Если печать приглашается сойти съ высотъ иллюзій, то, очевидно, сойти ей больше некуда, какъ въ область вопросовъ *практическихъ*.

Но не должно думать, чтобъ этотъ переходъ не былъ сопряженъ съ извѣстными трудностями и чтобъ новый путь могъ быть устланъ розами. Совершенно напротивъ. Путь практическихъ вопросовъ гораздо серьезнѣе и гораздо опаснѣе, въ смыслѣ возможности „оступиться“, нежели путь самыхъ мечтательныхъ иллюзій. Гораздо легче платонически и мечтательно проводить социалистскія, парламентарныя, матеріалистскія и всякія другія идеи, чѣмъ касаться вопросовъ практическихъ. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло

съ очень отвлеченными идеями, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно. Шествуя по второму, мы на каждомъ шагу наталкиваемся на факты, всегда близкіе какому нибудь кругу лицъ, или на лицъ, тѣсно связанныхъ съ извѣстнымъ рядомъ фактовъ.

Когда человѣкъ платонически строить социалистскую утопію, самый ревностный „практикъ“ пребываетъ къ этому безучастнымъ, потому, что онъ можетъ сказать себѣ: „а кто его знаетъ, можетъ быть, тысячи черезъ полторы лѣтъ, міръ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ социалистскимъ“! Но совершенно иное дѣло — сказать, что при такомъ-то вѣдомствѣ слишкомъ много „причисленныхъ“ или „состоящихъ въ распоряженіи“ или, что едва-ли такое-то учрежденіе приносить надлежащую пользу. Въ этомъ случаѣ, вы имѣете дѣло съ сотнями самолюбій и, что еще важнѣе, съ сотнями матеріальныхъ интересовъ, могущихъ пострадать тотчасъ же, а не чрезъ полтора тысячелѣтія.

Итакъ, право печати обсуждать вопросы дня, вопросы будничные гораздо важнѣе правъ разными аллегоріями намекать на утопію. И оно-то именно требуетъ серьезной *юридической обстановки*, въ интересахъ какъ печати, такъ и правительства.

Объ интересахъ печати мы много говорить не будемъ: они ясны сами собою. Дѣйствительно, безъ серьезной законо-судебной гарантіи, право печати говорить о практическихъ вопросахъ, провозглашенное въ принципѣ, на дѣлѣ обратится въ иллюзію. Стоитъ только припомнить, сколько поистинѣ практическихъ вопросовъ было изъято изъ вѣдѣнія печати простымъ административнымъ усмотрѣніемъ; съ какими невѣроятными трудностями и при помощи какихъ отдаленнѣйшихъ намековъ печать касалась того, что составляло насущнѣйшій интересъ дня. Объ этомъ говорить нечего.

Но мы останавливаемся на интересахъ правительства. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при обсужденіи печатью вопросовъ практическихъ, оно, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ

и въ лицѣ отдѣльныхъ его представителей, должно быть ограждено отъ подрыва его авторитета путемъ злонамѣреннаго искаженія или измышленія фактовъ, клеветы, диффамаци, брани и злословія. Если отъ всѣхъ этихъ вещей должно быть ограждено каждое частное лицо, то тѣмъ болѣе отъ нихъ должно быть обезпечено правительство.

Гдѣ же искать этихъ гарантій? Повидимому, надежнѣйшимъ обезпеченіемъ представляется система административныхъ взысканій. Но опытъ пятнадцати лѣтъ явно доказалъ всю ихъ несостоятельность. Они испытали судьбу наркотическихъ средствъ; дозу ихъ постоянно приходилось усиливать и увеличивать, не зная, у какого предѣла придется остановиться.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ мы пережили: періодъ предостереженій съ пріостановками на время; періодъ пріостановокъ, усиленный воспрещеніемъ розничной продажи; періодъ совершеннаго запрещенія газетъ; періодъ воспрещенія печатанія частныхъ объявленій. Мы видѣли, какъ предостереженія первоначально мотивировались весьма пространно; какъ потомъ мотивы суживались и, наконецъ, дошли до простого указанія на нумеръ и на статью, вызвавшую эту мѣру; какъ воспрещенія розничной продажи и печатанія частныхъ объявленій декретировались безъ всякихъ мотивовъ. Гдѣ остановились бы мы въ этомъ движеніи — предвидѣть было трудно...

Въ данную минуту, вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ: возможно-ли пользоваться этимъ устарѣвшимъ оружіемъ, или должно искать болѣе прочныхъ гарантій, заключающихся въ хорошо составленномъ уголовномъ кодексѣ, примѣняемомъ независимымъ и авторитетнымъ судомъ?

Больше того, вопросъ ставится еще рѣзче: можно-ли будетъ, оставаясь при старомъ законодательствѣ, *остановиться* на мѣрахъ мягкихъ, не прибѣгая къ болѣе крутымъ? При всемъ нашемъ довѣріи къ нынѣшней администраціи по дѣламъ печати, мы въ этомъ сомнѣваемся. Если для печати

существуют „независящія обстоятельства“, то они существуют также и для администраціи и называются силою вещей. Наклонная плоскость административныхъ взысканій такъ поката, что, сдѣлавъ одинъ шагъ, нельзя впоследствии не сдѣлать второго и третьяго. А что обстоятельства могутъ сложиться именно въ такомъ смыслѣ — это доказывается очень простымъ соображеніемъ. Мы вступаемъ въ очень серьезную эпоху нашего внутренняго развитія, и если печати суждено играть какую-нибудь роль въ этомъ дѣлѣ, то ей придется говорить очень много о фактахъ, часто щекотливыхъ, и даже обсуждать дѣйствія опредѣленныхъ лицъ, что еще болѣе щекотливо. На этомъ пути всегда возможны и увлеченія, и даже прямыя злоупотребленія, оставляя которыя безъ взысканій было-бы противно достоинству правительства. Будутъ-ли эти злоупотребленія или нѣтъ — предсказывать не беремся, но они *возможны*, и правительство заранѣе, казалось-бы, должно обезпечить себя отъ ихъ вредныхъ послѣдствій.

До сихъ поръ оно искало этихъ обезпеченій въ карательной власти самой администраціи. Опытъ показалъ, что власть эта ничего не обезпечила, установивъ только крайне ненормальное отношеніе печати къ администраціи и заставивъ общество съ удивленіемъ смотрѣть на быстрый ростъ карательныхъ мѣръ. Не время-ли обратиться къ иной системѣ, болѣе согласной съ пользою дѣла?

ГЛАВА VI.

Комиссія по пересмотру законовъ о печати *).

I.

Въ 1865 году появились временныя правила о печати, даровавшія нѣкоторыя льготы повременнымъ и неповременнымъ изданіямъ. Въ 1869 году была учреждена комиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Урусова, для изготовленія полнаго закона о печати. Всѣ помнятъ, что учрежденіе этой комиссіи находилось въ связи съ теченіями, весьма неблагопріятными для печати. Сверхъ общаго подозрительнаго отношенія къ повременной и неповременной литературѣ, въ правительственныхъ сферахъ того времени можно было замѣтить сильное раздраженіе противъ двухъ изданій, изъ которыхъ одно было уже прекращено („Москва“), а другое находилось въ разгарѣ своей борьбы съ тогдашнею администраціей Сѣверозападнаго Края и съ нѣмецкими привилегіями въ краѣ Прибалтійскомъ („Московскія Вѣдомости“). Органъ тогдашнихъ крѣпостническихъ и антинаціональных стремленій, „Вѣсть“, громко трубилъ о грядущей побѣдѣ и указывалъ спеціально на „Московскія Вѣдомости“, какъ на изданіе явно противоправительственное.

При такихъ условіяхъ, ни общество, ни печать не могли ждать ничего радостнаго. На дѣлѣ ничего не вышло, кромѣ извѣстной исторіи съ предостереженіемъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, давшимъ имъ поводъ явиться въ роли кающейся

*) Относится къ концу октября 1880 года.

Магдалины, забыть объ „обрусеніи“ Сѣверозападнаго и Прибалтійскаго Краевъ, заняться „латинизированіемъ“ русскаго юношества и выставить дерптскій университетъ, недавно представлявшійся ими, какъ очагъ „балтійской крамолы“, за образецъ для университетовъ русскихъ. Тѣнь безвременно погибшей „Вѣсти“ могла утѣшиться.

Прошло еще три года со времени мистеріи съ „Магдалиной“ въ новѣйшемъ вкусѣ. Насталъ 1872 годъ, когда во главѣ печатнаго дѣла явился человекъ, давшій реакціонной партіи то, чего тщетно искали до него и чего не могли дать ни сенаторъ Похвисневъ, ни генераль Шидловскій. Мягкому, деликатному и лойяльному характеру М. Н. Похвиснева были противны жестокія и беззащѣчивыя мѣры. Генераль Шидловскій, не смотря на свой крутой и вспыльчивый характеръ, былъ великій законникъ и менѣ всего былъ склоненъ къ экстралегальнымъ мѣрамъ. Новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, М. Н. Лонгиновъ, внесъ въ отношенія къ литературѣ цинизмъ Баркова, на произведеніяхъ котораго онъ взросъ и которымъ самъ подражалъ въ часы досуга отъ служебныхъ дѣлъ и библиографическихъ работъ. Онъ и изобрѣлъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ, въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ, печать была деморализована и приведена въ летаргическое состояніе.

Послѣдующее извѣстно. Разсказывать дальнѣйшую судьбу русской печати значитъ излагать длинную повѣсть, въ которой жестокое и трагическое перемѣшано съ комическимъ и въ которой оба эти „элемента“ одинаково вели къ одной цѣли: къ парализованію печати или къ „приведенію ея въ христіанскую вѣру“, какъ цинично выражался Лонгиновъ.

Надняхъ „Правительственный Вѣстникъ“ извѣстилъ объ образованіи новой комиссіи, на которую возложена обязанность выработать новый законъ о печати. Обстоятельства, при которыхъ комиссія открываетъ свои дѣйствія, въ высшей степени благоприятны. Насколько мы можемъ судить о настроеніи правительственныхъ сферъ, печать не считается уже

силою зловредною по самому существу своему; напротивъ, въ ней видятъ силу полезную, въ государственномъ и въ общественномъ отношеніи. Затѣмъ, всѣ мѣры „строгости“, практиковавшіяся въ послѣднее время, выяснились во всемъ величій ихъ бесполезности и вреда. Пересмотръ законовъ о печати предпринять не потому, чтобъ чувствовалась потребность „обуздать“ печать, какъ это было въ 1869 году, а потому, что сознается необходимость вывести ее изъ того, поистинѣ, жалкаго состоянія, въ которое она была приведена мѣрами „обузданія“. Наконецъ, и это самое важное, сознаётся необходимость печати для предстоящихъ *организаціонныхъ* работъ въ разныхъ отдѣлахъ нашего законодательства и управленія, работъ серьезныхъ, требующихъ содѣйствія общественныхъ силъ. Въ печати хотятъ видѣть помощницу; а помогать печать можетъ только при условіи откровенности и свободы своихъ мнѣній.

Коротко говоря, послѣ долгихъ мытарствъ, вопросъ о печати опять возвратился къ тому пункту, на которомъ онъ находился въ 1865 году, т. е. пятнадцать лѣтъ назадъ. То, что было сдѣлано въ теченіи этихъ пятнадцати лѣтъ относительно печати, не только не подвинуло впередъ вопроса, но затуманило его, исказило его постановку. Все это нужно забыть, или, вѣрнѣе, оставить. Забывать не слѣдуетъ: нужно помнить, какъ урокъ, къ чему приводятъ реакціонныя мѣры.

Но не было ли порока въ самомъ законѣ 1865 года? Достаточно ли будетъ воскресить его во всѣхъ частяхъ, чтобъ упрочить будущее нашей печати? Достаточно ли, отбросивъ періоды разореній, сожженій, истолченій и всякихъ другихъ истребленій, возвратиться къ болѣе мирному періоду предостереженій?

Мы уже категорически высказались по этому вопросу еще лѣтомъ. Мы тогда сказали, что правила 1865 года содержатъ въ себѣ коренной порокъ, послѣдствія котораго даютъ себя знать теперь.

Законъ 1865 года возложилъ на администрацію невоз-

можную, невыполнимую задачу: разыскивать и преслѣдовать нѣчто неуловимое, неосязаемое, миѳическое — *вредное направленіе*, тогда какъ задача правительственнаго органа должна состоять въ одномъ: въ разыскиваніи и преслѣдованіи *преступленій*, предусмотрѣнныхъ закономъ.

Преслѣдуя невозможную цѣль, администрація естественно должна была почувствовать себя *слабою* при средствахъ, данныхъ ей въ руки правилами 1865 года. Въ сущности, что ей было дано? Во-первыхъ, право „предостерегать“ провинившіяся изданія, т. е. право подчеркивать передъ читателями интересныя статьи, можетъ быть, ими еще непрочтенныя. Давая „предостереженіе“, администрація, въ сущности, говорила читателямъ: „Господа, вотъ статья, которая ужасно насъ огорчила и способна выставить насъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Пожалуйста, прочтите ее, если вы ее пропустили, или перечтите, если она прочитана вами безъ должнаго вниманія“. И читатели не оставались глухи къ увѣщаніямъ. Они читали и перечитывали, пересылали нумера газетъ знакомымъ, и часто пустѣйшая статья, замѣчательная только тѣмъ, что ею было задѣто чье-нибудь самолюбіе, возводилась на степень событія. Коротко говоря, каждое предостереженіе рождало скандалъ и скандалъ вовсе не для печати.

Оставались „пріостановки“, слѣдовавшія за „тремя“ предостереженіями. Пріостановки были мѣрою и очень жестокою, и очень слабою, смотря по тому, къ какому изданію онѣ примѣнялись. Изданіе неокрѣпшее, слабое еще по количеству подписки, гибло. Но изданіе установившееся, послѣ каждой пріостановки, возрождалось съ новою силою. Оглядываясь на нашихъ собратьевъ, мы испытываемъ чувство удовольствія. Сколько „пріостановокъ“ испытала, на примѣръ, газета „Недѣля“? И ничего — живетъ до сихъ поръ. Сколько каръ, самыхъ разнообразныхъ, испытали мы сами? Кажется, все было пушено въ ходъ, чтобъ убить „Голосъ“ — и ничего.

Что же это значитъ? Это значитъ, что всякое взысканіе, наложенное административнымъ порядкомъ, производитъ впе-

чатлівіє, діаметрально противоположне впечатлівию, производимому *судебнымъ приговоромъ*. Судебный приговоръ, состоявшійся по поводу явнаго проступка, направленный къ защитѣ чести частнаго лица или достоинства правительственнаго учрежденія, оскорбленныхъ какою-нибудь гнусною статьею безчестнаго памфлетиста, приговоръ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, кладеть клеймо на изданіе и подрываетъ его авторитетъ. Напротивъ, во всѣхъ случаяхъ *административнаго* взысканія, въ обществѣ всегда останется предположеніе въ *невиновности* пострадавшаго, а это предположеніе всегда вызываетъ *сочувствіе* къ пострадавшему.

Административныя кáры безсильны именно потому, что противъ нихъ всегда идутъ лучшія чувства сколько-нибудь развитога общества, и достаточно администраціи своею властью провозгласить „виновенъ“, чтобъ общество отвѣтило „невиновенъ“. И дѣлается это не по капризу и не по духу „противорѣчія“, а просто потому, что въ сердцѣ человѣка начертаны слѣдующія слова: „безъ суда никто да не накажется“. И этихъ словъ никто не изгладить изъ человѣческаго сердца! Къ величайшему сожалѣнію, эта простая истина не была признана въ моментъ составленія временныхъ правилъ 1865 года. Какъ на грѣхъ, составителямъ ихъ подвернулся „декретъ-законъ“ 1852 года, созданный Наполеономъ III-мъ для поддержанія захваченной имъ власти, которую, въ результатъ, ему, всетаки, не удалось удержать. Къ великому нашему горю, жалкое изобрѣтеніе плутоватаго Персиньи казалось верхомъ государственной мудрости. Оказалось то, чего и слѣдовало ожидать. Персиньи не обезпечилъ трона своему повелителю. Не вооружилъ онъ и нашей администраціи средствами, достаточными для „обузданія“.

Скоро почувствовала она свое безсиліе, и почувствовала по двоякой причинѣ: во-первыхъ потому, что предостереженія въ самомъ дѣлѣ никого не предостерегали; во-вторыхъ, потому, что, увлекшись преслѣдованіемъ „вредныхъ направлений“, она расширляла свою задачу съ каждымъ днемъ и

никакъ не могла дойти до конца. Силою вещей, она не могла довольствоваться простымъ огражденіемъ основъ государственнаго и общественнаго порядка, потому что онѣ были „ограждены“ и безъ нея. Силою вещей, она вмѣшалась въ борьбу литературныхъ партій, становилась на сторону „Вѣсти“ противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, потомъ на сторону „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ ихъ противниковъ; она принуждена была доказывать, что мнѣнія г. Любимова по университетскому вопросу справедливѣе мнѣній противоположныхъ; что мѣры генерала-адъютанта Потапова въ Сѣверо-западномъ Краѣ стоятъ выше всякихъ нареканій; что въ вопросѣ о классическомъ образованіи „Московскія Вѣдомости“ правы, а „Вѣстникъ Европы“ и „Голосъ“ неправы; что г. Климовъ, утверждавшій, что голода въ Самарѣ нѣтъ, правъ, а сотни очевидцевъ голода неправы; что защитники новаго суда люди опасные, а сторонники „расширенія власти“ исправниковъ люди благонадежные; что критика отжившихъ прибалтійскихъ порядковъ есть „возбужденіе одной части народонаселенія противъ другой“ и потому терпима быть не можетъ; что г. Цитовичъ безусловно правъ, а потому не только критика его возрѣнній, но даже упоминаніе о нихъ въ печати подрываетъ начала нравственности; что упоминаніе о столкновеніи офицера Крестовскаго съ присяжнымъ повѣреннымъ Соколовымъ есть подрывъ достоинству арміи и т. д., и т. д.

Столь широкія задачи требовали, конечно, и *чрезвычайныхъ* мѣръ. „Предостереженія и пріостановки“ оказались слабыми. Понадобились воспрещеніе розничной продажи, воспрещеніе печатанія объявленій, право воспрещать обсужденіе „особо важныхъ вопросовъ“, оказывавшихся нерѣдко вопросами о Любимовыхъ, Цитовичахъ и Крестовскихъ. Понадобились и другіе сурогаты, въ родѣ наставленій, преподававшихся въ упраздненномъ нынѣ III-мъ отдѣленіи, наставленій краткихъ, по извѣстной формулѣ: „придемъ, возьмемъ и увеземъ“. Но и они не всегда достигали цѣли.

Неизвѣстно, что еще могло бы быть придумано по части „обузданія“, хотя на этотъ пунктъ, повидимому, было обращено все вниманіе. Къ счастью, совершился поворотъ къ лучшему. Теперь слѣдуетъ серьезно оцѣнить весь путь, пройденный съ 1865 года.

Что касается нашего убѣжденія, то вотъ оно: если дѣло ограничится возвращеніемъ къ „Правиламъ“ 1865 года, то мы *неизбѣжно* увидимъ повтореніе всего, что совершилось послѣ этого года. Слѣдуетъ признать, что самыя правила 1865 года ложны въ своихъ основаніяхъ. Судя по слухамъ, это и признано. Судя по слухамъ, рѣшено перейти на почву системы *судебнаго* преслѣдованія проступковъ, совершаемыхъ путемъ печати. Такъ ли это — не знаемъ достовѣрно. Желательно, чтобъ результаты первыхъ совѣщаній комиссій сдѣлались поскорѣе извѣстны, потому что неопредѣленность въ такихъ дѣлахъ всегда печальна.

II

Трудное дѣло предстоитъ теперь комиссіи, взявшей на себя работу „по улучшенію быта“ нашей печати. Трудно оно не потому, чтобъ затруднительно было ввести разныя улучшенія въ соотвѣтствующій отдѣлъ „уложенія о наказаніяхъ“ или выработать порядокъ *судебнаго* преслѣдованія проступковъ, совершенныхъ путемъ печати. Это дѣло простого соображенія и доброй воли. Гораздо труднѣе провести это доброе дѣло сквозь массу предразсудковъ относительно нашей печати, отрѣшиться отъ нихъ самимъ, взглянуть на дѣло прямо и убѣдить другихъ, чтобъ они смотрѣли на него такъ же.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ печать, она всегда была предметомъ разнообразнѣйшихъ обвиненій. Но главнѣйшее изъ нихъ состояло и состоитъ въ томъ, что она *плодитъ неудовольствіе* въ обществѣ, заставляя его волноваться разными, ею измышленными вопросами, бросаться въ разныя мечтательныя предпріятія и т. д.

Эти обвиненія, повторяемъ, существовали вездѣ. Но въ странахъ, богатыхъ политическимъ опытомъ, они сданы въ архивъ. Тамъ пришли уже къ убѣжденію, что общества и народы „волнуются“ не „статьями“, а фактами, явленіями, что „статьи“ не только не „плодятъ неудовольствія“, а напротивъ, онѣ даютъ ему *выходъ*, обращая надлежащее вниманіе на существующее зло.

Мы не богаты политическимъ опытомъ. Отъ этого мы до сихъ поръ раздѣляемъ отброшенныя Западомъ иллюзіи и серьезно полагаемъ, что если взять въ руки „печать“, то и общество будетъ всегда „довольно“. До сихъ поръ еще у многихъ крѣпко убѣжденіе, что если русское общество не живетъ, въ самоупоеніи и въ „восторгѣ“, если оно тревожно останавливается надъ разными „вопросами“, то въ этомъ повинна печать, потому что никакихъ „вопросовъ“, въ сущности, нѣтъ, и всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, измышлены нашею печатью.

Для провѣрки такого обвиненія нѣтъ нужды пускаться въ длинныя разсужденія. Стоить только составить въ умѣ маленькую статистику того, сколько фактовъ существовало и производило свое, очень опредѣленное впечатлѣніе на „общество“ и сколько, съ другой стороны, этихъ фактовъ могло попасть въ „печать“.

Упраздненное 6-го августа нынѣшняго года, III-е отдѣленіе существовало и дѣйствовало ровно 54 года. Это фактъ, имѣвшій огромное влияніе на общество и всегда возбуждавшій очень тревожный „вопросъ“ въ каждомъ изъ его членовъ. Между тѣмъ, печать могла заговорить объ этомъ учрежденіи только въ *мартѣ* нынѣшняго года, когда, послѣ отставки генерала Дрентельна, оно было подчинено графу Лорисъ-Меликову. Читатели „Голоса“ помнятъ, можетъ быть, что мы привли тогда знаменитый указъ императора Александра I-го объ уничтоженіи тайной экспедиціи. И что же? Оказывается изъ „справки“, что, 12 лѣтъ назадъ, номеръ „Судебнаго Вѣстника“, гдѣ воспроизведенъ былъ этотъ император-

«скій указъ, былъ конфискованъ и тогдашніе редакторы „Судебнаго Вѣстника“ были „приглашены“ къ графу Шувалову для разъясненія имъ всего неприличія и всей опасности ихъ поступка. Съ тѣхъ поръ, конечно, въ печати не проскользало ни малѣйшаго намѣка на это привлекательное учрежденіе. Итакъ, печать ли создала его очень опредѣленную репутацію?

Операціи съ раздачами земель и лѣсовъ (между которыми земли уфимскія только получили теперь наибольшую огласку, хотя этотъ уголокъ не единственный въ своемъ родѣ) производились издавна, а печать не могла ни единымъ словомъ обмолвиться объ этомъ фактѣ. Между тѣмъ, ни для кого не секретъ, что въ обществѣ нѣтъ двухъ мнѣній относительно этихъ операцій, и мнѣнія эти далеки отъ ласкательныхъ. Печать ли возбудила этотъ вопросъ?

Вопросы народнаго, средняго и высшаго образованія были давно уже изъяты отъ серьезнаго обсужденія ихъ въ печати. До чего доходили эти запреты—всѣмъ извѣстно. Печать ли побудила общество смотрѣть на учебную систему графа Толстого съ нескрываемымъ озлобленіемъ, или ежедневные, мелкіе, но грозные своею количествомъ факты?

Поступки нѣкоторыхъ агентовъ центральной власти на мѣстахъ, поступки, о которыхъ путемъ печати и теперь ничего не сдѣлалось извѣстно, знакомы, однако, очень хорошо всѣмъ жителямъ какой-нибудь Казанской, Минской и другихъ губерній. Съ именами гг. Скарятиныхъ и Токаревыхъ въ умахъ этихъ жителей соединяются очень опредѣленные представленія, которыя, конечно, не сфабрикованы же печатью.

Коротко говоря, каждому читателю газетъ, въ кругу его дѣлъ, извѣстно гораздо больше „фактовъ“, чѣмъ ихъ можетъ сообщить любая газета. Каждый вращающійся въ обществѣ ежедневно слышитъ о множествѣ „фактовъ“, рассказываемыхъ въ дружеской бесѣдѣ, но „невозможныхъ“ для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ.

Отсюда понятно, что читатели не только не раздѣляли мнѣнія о „разнузданности печати“, а напротивъ, находили

(и находили справедливо), что печать *безсодержательна*, что она предлагает имъ разсужденія о Гамбеттѣ и Бисмаркѣ въ то время, какъ дома нарастаютъ насущные и жгучіе вопросы.

Добивается ли теперь печать расширенія границъ своей свободы для того, чтобъ оглашать „факты“ и тѣмъ „огорчать“ особъ, до которыхъ эти факты относятся? Хотя въ этомъ нельзя видѣть ни единственнаго, ни даже главнаго мотива, побуждающаго печать желать большей свободы, но нѣчего скрывать, что свобода эта желательна и для „оглашенія“ фактовъ.

Это желательно и даже необходимо, потому что мы переживаемъ чрезвычайно важную минуту. Мы присутствуемъ теперь не при рожденіи разныхъ „фактовъ“ въ тѣхъ или иныхъ отрасляхъ управленія, а при сниманіи плода, порожденнаго *всею совокупностью* этихъ предшествовавшихъ дѣяній и фактовъ, плода огромнаго, тяжкаго и ядовитаго; имя этому плоду — *нужда*.

Въ это тяжелое время русскій Царь призвалъ къ дѣлу новыхъ людей, чтобъ они помогли Россіи выйти изъ положенія, невозможнаго не только для великой, но и для малой державы. Этимъ людямъ нужно оглянуться назадъ и посмотреть на прошлое, чтобы въ немъ найти причины современнаго положенія вещей. Это нужно потому, что не съ неба свалилась къ намъ нужда. Что же можетъ быть полезнѣе, своевременнѣе, настоятельнѣе содѣйствія печати, потому что она можетъ сгруппировать и освѣтить факты прошлаго и не для того, чтобъ „плодить неудовольствіе“, а съ тѣмъ, чтобъ, по мѣрѣ силъ, предостеречь отъ ложныхъ шаговъ въ будущемъ.

„Плодить неудовольствіе!“ Странное дѣло! Почему это инымъ кажется, что фактъ, всѣмъ извѣстный и вовсе производящій „восторга“, но ненапечатанный, недовольства не плодитъ, а фактъ, оглашенный въ печати, непременно расплодитъ недовольство? Намъ кажется, что совершенно напротивъ. Когда всѣмъ извѣстный неприглядный фактъ оглашенъ,

наконецъ, въ печати, тутъ-то у всѣхъ и возникаетъ надежда, что неправильностямъ будетъ положенъ конецъ; слѣдовательно, „неудовольствіе“ умалется. Лучше сказать, оно *перемѣщается*: изъ огромной общественной сферы, гдѣ оно помѣщалось прежде, оно переходитъ въ небольшой кругъ лицъ, которыя были очень „довольны“ фактами прошлаго. Выигрываетъ ли государство отъ такого перемѣщенія, можетъ рѣшить простой ариѳметическій расчетъ.

Но, повторяемъ, не въ этомъ главный мотивъ, заставляющій насъ желать освобожденія печати отъ административнаго усмотрѣнія. Желаніе наше опредѣляется болѣе глубокими мотивами.

Послѣ пятнадцати лѣтъ застоя въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, мы вступаемъ въ періодъ новыхъ *организаціонныхъ* работъ, долженствующихъ достроить многое недостроенное и согласовать много противорѣчиваго между старымъ и новымъ. Согласно этому, и печать наша, болѣе чѣмъ когда-нибудь, должна бы стать на почву вопросовъ *практическихъ*.

Но именно эта практическая работа возможна только подъ условіемъ серьезныхъ гарантій для печати. Вступая на почву вопросовъ *практическихъ* и повседневныхъ, она вступаетъ на почву жгучую—на почву личныхъ самолюбій и интересовъ. Пока она витаетъ въ неважной, съ точки зрѣнія „личнаго интереса“, области общихъ и отвлеченныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ она, сравнительно говоря, свободна и безопасна. Но опасности начинаются для нея именно съ той минуты, когда она захочетъ показать, какъ и чѣмъ вызванъ голодъ въ такой-то мѣстности, какъ отражаются такія-то „мѣры“ на общемъ благосостояніи и т. д.

Всякое разсужденіе о „практическихъ вопросахъ“ предполагаетъ точное и ясное указаніе фактовъ, слѣдовательно, и *именъ*. Этого требуетъ достоинство самой администраціи и справедливость. Нынѣшній способъ „обличенія“ разныхъ злоупотребленій намѣками, полусловами, аллегоріями производитъ впечатлѣніе *обобщеній*, нареканій, падающихъ на *всю* адми-

нистрацію, а не на отдѣльныхъ ея представителей. Печать часто обвиняють въ этихъ обобщеніяхъ, въ систематическомъ „очерненіи“ администраціи. Но, при нынѣшнихъ условіяхъ, печать *не могла* обличать, не обобщая, потому что она не могла называть *именъ*. Изъ этого выходило вотъ что. Газетѣ, напримѣръ, извѣстно, что такіе-то воинскіе начальники въ такой-то губерніи держатъ солдатъ впроголодь. При нынѣшнихъ условіяхъ, газета пишетъ, что „нѣкоторые“ воинскіе начальники въ „иныхъ“ губерніяхъ дѣлають то-то. Хотя газета и написала „нѣкоторые“, но въ умѣ читателя составляется „обобщеніе“. Составляется оно и въ умѣ высшей администраціи, возбуждая ея недовольство. Два-три такія обобщенія—и газетѣ грозитъ взысканіе. Довольны остаются только виновные, прикрытые такимъ „обобщеніемъ“.

Итакъ, всякое серьёзное фактическое изложеніе дѣла, безъ алгебраическихъ знаковъ, требуетъ *поименныхъ* указаній. Но мы вполне согласны, что поименныя указанія представляются скользкимъ путемъ, идя по которому можно дойти до диффамации и клеветы. Интересы администраціи и достоинство самой печати требуютъ зоркаго огражденія чести лицъ официальныхъ и частныхъ. Такое огражденіе можетъ дать только *судъ*, вооруженный хорошимъ уголовнымъ закономъ.

Искать спасенія въ административныхъ карахъ было бы теперь, послѣ горькаго опыта пятнадцати лѣтъ, чистымъ ребячествомъ. Административныя кáры устраняли, конечно, опредѣленныя указанія фактовъ и лицъ официальныхъ. Но онѣ не устраняли намѣковъ, обращавшихся въ „обобщенія“, и не ограждали чести частныхъ лицъ, не пользовавшихся покровительствомъ администраціи.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы были свидѣтелями явленій, поистинѣ, грустныхъ. Мы видѣли, какъ развивался и практиковался сквернѣйшій способъ „обличенія“. Онъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ. Описывается наружность лица, указывается, приблизительно, его мѣстожителство, его привычки, его положеніе въ обществѣ; выставляется началь-

ная буква его фамилии или даже самая фамилия, прозрачно передѣланная; потомъ сочиняется гнуснѣйшій пасквиль, позорящій доброе имя человѣка—и все это сходило съ рукъ, потому что управленіе по дѣламъ печати занималось „обобщеніями“, а судъ, не владѣя достаточно хорошо составленнымъ закономъ, былъ безсиленъ.

Да, слѣдуетъ сознаться, что печать наша вышла изъ подневольнаго своего состоянія далеко не съ однѣми добродѣтелями. Именно эта подневольность бросила однихъ въ „иллюзіи“ (вѣрнѣе въ бессодержательность), что прискорбно, хотя и не гнусно, а другихъ въ пасквили и „диффамации“, въ клевету, въ скандалъ—что совсѣмъ уже гнусно.

Великая доля растлѣнія должна быть выкурена и вытравлена изъ нашей печати, призываемой нынѣ къ лучшей долѣ. Призваніе ея къ разработкѣ насущныхъ, практическихъ вопросовъ—первый шагъ на этомъ пути. Но дѣло не будетъ довершено безъ хорошихъ *уголовныхъ законовъ*, примѣняемыхъ безпристрастнымъ и сильнымъ *судомъ*. Въ этомъ наше спасеніе. Система административныхъ взысканій уже дала свой горькій плодъ. Физически она не убила печати; но она ее деморализовала. Она пріостановила всякую серьезную разработку внѣшнихъ и внутреннихъ вопросовъ; но подъ ея крыломъ выросъ пасквиль, развился скандалъ, пріумножились сплетни, разрослась площадная брань и процвѣли произведенія „пакостной музыки“.

И глядя на все это, солидные и сановные читатели и чиновные наблюдатели за печатью съ напускною горестью говорили: „Mon Dieu, до чего дошла печать? Во что она обратилась“?

Вотъ законный плодъ „временныхъ правилъ“ 1865 года и позднѣйшихъ къ нимъ добавленій, скажемъ мы на это и порадуемся отъ души, что во Франціи нѣтъ теперь ни Наполеона III-го, ни г. Персиньи, преподавшихъ такой чудесный образецъ для нашего употребленія.

III.

Что называемъ мы *судебнымъ* прослѣдованіемъ проступковъ, совершаемыхъ путемъ печати? Въ чемъ заключается отличіе этого порядка отъ порядка взысканій административныхъ? Объ этомъ можно говорить долго и много, но мы попробуемъ сдѣлать это въ немногихъ словахъ и при помощи нагляднаго примѣра.

Передъ нами 1035-я ст. уложенія о наказаніяхъ, гдѣ изображено нижеслѣдующее:

„Напечатавшій оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, также дозволившій себѣ оспаривать въ печати обязательную силу законовъ и одобрять или оправдывать воспрещенныя ими дѣйствія, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе, подвергается“ и т. д.

„*Примѣчаніе.* Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ *неповиновенію* законамъ, не оспаривается *обязательная ихъ сила* и нѣтъ *выраженій*, оскорбительныхъ для установленныхъ властей“.

Таково постановленіе закона. Предположимъ теперь два случая, изъ которыхъ въ одномъ прослѣдованіе произведеній, предусмотрѣнныхъ этою статьею или аналогическимъ постановленіемъ въ уставѣ цензурномъ, предоставлено *административной* власти, и другой, когда примѣненіе этой статьи предоставлено суду.

Административная власть, по духу и буквѣ временныхъ правилъ 1865 года, обязана принимать мѣры не противъ *преступленій*, совершаемыхъ путемъ печати, а противъ *вреднаго направленія*, обнаруженнаго книгою или поврежденнымъ изда-

ніемъ. На этомъ основаніи, для нея вовсе не обязательно примѣчаніе къ 1035-й ст., дозволяющее критику законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, съ тѣмъ, чтобъ въ этихъ сужденіяхъ не заключалось „возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспоривалась обязательная ихъ сила и не было выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей“.

Напротивъ, „вредное направленіе“ можетъ быть усмотрѣно во всемъ; всякое сужденіе, даже самое умѣренное, можетъ быть признано „оскорбительнымъ“ и направленнымъ къ возбужденію неуваженія“ къ установленнымъ властямъ. Слѣдовательно, не только критика, но простое сужденіе о законодательныхъ актахъ можетъ подать поводъ ко взысканію. Отсюда понятно, что границы „сужденія“, какъ по числу предметовъ, такъ и по ихъ „смѣлости“, расширяются и суживаются согласно съ обстоятельствами, независящими не только отъ печати, но и отъ управленія по дѣламъ печати. Сегодня можно говорить приблизительно обо всемъ; завтра можно будетъ говорить только о тюленьемъ промыслѣ или табаководствѣ. Сегодня можно сдѣлать указаніе на то, что такая-то мѣра не достигнетъ цѣли; завтра такое указаніе повлечетъ за собою сильную кару.

Напротивъ, для *суда*, обязаннаго вѣдать *преступленія*, совершаемая путемъ печати, примѣчаніе къ 1035-й ст. ул. о наказ. *обязательно*. Приступая къ обсужденію книги или статьи, подавшей поводъ къ обвиненію, судъ, прежде всего, обязанъ удостовѣриться, есть ли въ упомянутыхъ произведеніяхъ „возбужденіе къ неповиновенію законамъ, оспоривается ли ихъ обязательная сила и нѣтъ ли выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Если есть, виновный подвергается заслуженному наказанію; если нѣтъ — обвиняемый, на основаніи 1-го п. 771-й ст. уст. уг. суд., объявляется оправданнымъ.

Рядомъ такихъ приговоровъ устанавливается твердая и постоянная граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ.

Основываясь на твердой судебной практикѣ, на почтенныхъ и бесспорныхъ прецедентахъ, писатель и редакторъ знаютъ, чего имъ держаться. Если имъ приходится говорить о податномъ, положимъ, вопросѣ, они знаютъ, что если въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ возбужденія къ неплатежу податей, не доказывается, что существующіе законы о налогахъ могутъ быть неисполняемы и нѣтъ выражений, оскорбительныхъ для финансоваго управленія, они могутъ подвергнуть податную систему самому подробному и строгому разбору. Они могутъ доказывать ея обременительность, ея неравномѣрность, ея вредное вліяніе на экономическій бытъ, не рискуя навлечь на себя обвиненіе въ социализмъ, въ колебаніи основъ и въ неуваженіи къ властямъ, обвиненіе, всегда возможное при системѣ административныхъ взысканій.

Во-вторыхъ, рѣшенія суда всегда *мотивированы* и постановляются послѣ судебныхъ преній, гдѣ обвиняемому представлены всѣ средства къ защитѣ. Административныя взысканія и, притомъ, самыя тяжкія (воспрещеніе розничной продажи и печатанія объявленій) не только не мотивированы, но даже поводъ къ нимъ не объявляется редакціи журнала, подвергнутаго взысканію.

Въ-третьихъ, *размѣръ наказанія*, опредѣляемаго судомъ, ниже того, какому можетъ подвергнуть администрація. Именно наказанія, назначенныя за проступки, предусмотрѣнные 1035-ю ст., суть: „заключеніе въ тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, арестъ отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ или, наконецъ, денежное взысканіе не свыше пятисотъ рублей“.

Мы смѣло можемъ предположить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація нынѣ считаетъ нужнымъ наложить взысканіе, судъ ограничился бы наложеніемъ *штрафа*. Беремъ высшую его норму — 500 рублей. Сопоставимъ эту цифру съ тѣмъ, во что обходится изданію воспрещеніе права печатать объявленія. Два мѣсяца такого запрещенія обойдутся изданію, достаточно распространенному, въ сумму отъ

10,000 до 20,000 рублей. Значитъ ли это наказывать „по мѣрѣ вины“?

Въ-четвертыхъ, возбужденіе судебного преслѣдованія всегда требуетъ и большей осмотрительности, и большихъ „основаній“, чѣмъ простое административное мѣропріятіе.

Въ-пятыхъ, судъ, постановляющій приговоръ при условіяхъ гласности, несетъ гораздо большую нравственную отвѣтственность, чѣмъ администрація, дѣйствующая въ тайнѣ кабинетовъ, а потому не въ такой степени доступная чувству нравственной отвѣтственности.

Таковы основанія, надѣемся, уважительныя, побуждающія насъ желать для печати законовъ и суда.

Но каковъ долженъ быть этотъ судъ? Въ этомъ весь вопросъ. Мы не дѣлаемъ себѣ иллюзій. Мы хорошо знаемъ наши условія и столько любимъ печать, что не можемъ желать слишкомъ необдуманныхъ и рѣшительныхъ шаговъ на этомъ пути. Каждая страна можетъ пользоваться только тою мѣрою свободы, какую она можетъ *выдержать*; иначе ей грозитъ неизбѣжная *реакція*, которая можетъ погубить все дѣло. Если печать, даже въ нынѣшнихъ своихъ условіяхъ, вызываетъ „опасенія“ и крики о своей „распущенности“, что же будетъ тогда, когда печать будетъ поставлена въ лучшія условія? Не обрушатся ли тогда обвиненія не только на печать, но и на *судъ*, т. е. на учрежденіе, очень дорогое русскому обществу?

Не предрѣшая здѣсь вопроса о той инстанціи, которой должно быть предоставлено сужденіе по дѣламъ печати, ограничимся общими пожеланіями, или, вѣрнѣе, общими *признаками* этой инстанціи и самаго порядка производства дѣлъ.

Во-первыхъ, эта инстанція должна быть достаточно *авторитетна* въ глазахъ какъ правительства, такъ и общества. Приговоръ ея долженъ всегда имѣть значеніе приговора „сильнаго и важнаго правительства“, какъ выражался Петръ Великій. Такою инстанціей, на нашъ взглядъ, не могутъ быть окружные суды. Составленные изъ людей молодыхъ, начи-

нающихъ свое служебное поприще, не имѣющихъ еще ни упроченнаго общественнаго положенія, ни житейскаго опыта, ни достаточно выработаннаго характера, ни сознанія своей независимости, во имя которой они могли бы спокойно относиться къ тому, что „о нихъ скажутъ“, или здѣсь или тамъ „напишутъ“; суды эти, повторяемъ, не такія учрежденія, которымъ можно было бы ввѣрить судьбу печати. Они могли бы быть такою инстанціей, еслибъ въ сужденіяхъ по дѣламъ печати участвовали присяжные засѣдатели. Но такъ какъ это, при нашихъ условіяхъ, очевидно, невозможно, то и настаивать на этомъ предметѣ нечего.

Во-вторыхъ, производство по дѣламъ печати должно быть, по возможности, *быстро*, т. е. рѣшеніе дѣла по статьѣ или книгѣ, подавшей поводъ къ обвиненію, должно слѣдовать въ краткій срокъ послѣ ея напечатанія. Это требованіе вытекаетъ какъ изъ существа дѣла, такъ и изъ домашнихъ нашихъ условій.

Всякое рѣшеніе по дѣламъ печати имѣетъ смыслъ тогда, когда впечатлѣніе, произведенное статьею, не успѣло еще изгладиться, когда и правительство, и общество ею еще заняты.

Предположите, что дѣло о статьѣ, подавшей поводъ къ преслѣдованію, производится черезъ годъ или черезъ полтора (примѣры тому есть) — не значить ли это возобновить впечатлѣніе, произведенное статьею, о которой всѣ успѣли забыть, подогрѣвать это впечатлѣніе, слѣдовательно, приносить вредъ, вмѣсто пользы?

Нельзя также упускать изъ вида то важное практическое обстоятельство, что въ правительственныхъ сферахъ нашихъ привыкли къ быстрому порядку наложенія взысканій и что эта быстрота выставлялась и выставляется, какъ извѣстная *выгода*, защитниками административныхъ каръ. Съ этою привычкою нельзя не считаться особенно въ первое время освобожденія печати отъ административныхъ взысканій. Потомъ, когда свобода печатнаго слова войдетъ въ привычку, когда

на проступки, совершаемые печатью, будутъ смотрѣть такъ же, какъ и на другіе „проступки“, можно будетъ подумать о другой системѣ. Увидимъ ли мы это время — неизвѣстно. Мы же говоримъ для нашего времени; а теперь принимать въ расчетъ установившіяся привычки безусловно необходимо для пользы самой печати.

Медленность судопроизводства по дѣламъ этого рода долго будетъ серьезнымъ аргументомъ противъ „судовъ“ и въ пользу административныхъ каръ. Долго еще будетъ сопоставляться долговременное теченіе дѣлъ въ судахъ съ быстротою административныхъ мѣропріятій. Конечно, никакой судъ въ мірѣ не можетъ дѣйствовать такъ быстро, какъ единоличная администрація. Всякій судъ связанъ извѣстными формами, которыхъ онъ не можетъ нарушить; всякій судъ обязанъ принять въ расчетъ много юридическихъ соображеній, необязательныхъ для администраціи; всякій судъ обязанъ разыскать и установить признаки преступнаго дѣйствія, содержащіяся въ данномъ произведеніи печати; а это дѣло болѣе сложное, чѣмъ наложить взысканіе за „вредное направленіе“. Но, во всякомъ случаѣ, въ данное время, быстрота судопроизводства по дѣламъ печати, по возможности, должна приблизиться къ той быстротѣ, къ которой издавна у насъ привыкли.

Таковы два существенныя условія, желательныя, по нашему мнѣнію, для судебныхъ учреждений, которымъ поручено будетъ разсмотрѣніе проступковъ печати. Мы не рѣшаемся еще сказать, какія будутъ эти учреждения: будутъ ли это судебныя палаты и сенатъ, или сенатъ, какъ единственная и окончательная инстанція по дѣламъ, возбуждаемымъ администраціей. Это вопросъ очень важный, и мы пишемъ эти строки въ надеждѣ, что наши товарищи обратятъ на него должное вниманіе. Тогда, послѣ совокупнаго обсужденія и серьезнаго разбора доводовъ за и противъ, можно будетъ остановиться на одной изъ этихъ системъ. Но, кажется намъ, во всякомъ случаѣ, два указанныя нами усло-

вія опредѣляються всѣмъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ и пользами печати. Будемъ желать для нея возможнаго, а потому прочнаго. Не станемъ желать для нея условій слишкомъ широкихъ, а потому ефемерныхъ, неспособныхъ выдержать первое дуновеніе реакціи, всегда возможной.

СПбГу

ГЛАВА VII.

Нужды печати *).

Читателямъ извѣстно, что редакторы и издатели нѣкоторыхъ повременныхъ изданій были приглашены на дняхъ въ комиссію по пересмотру законовъ о печати. Предсѣдатель комиссіи, графъ Валуевъ, предложилъ имъ высказать свои пожеланія. Они и были высказаны въ короткихъ и ясныхъ выраженіяхъ. Существо этихъ желаній сводилось къ освобожденію повременной печати отъ административныхъ каръ. Дѣйствительно, кары эти составляли самое больное и самое наболѣвшее мѣсто для всѣхъ періодическихъ изданій. Редакторы и издатели высказали то, что, дѣйствительно, было близко ихъ сердцу.

Но этимъ пожеланіемъ, конечно, не исчерпываются нужды нашей печати въ обширномъ смыслѣ слова. Можно сказать даже, что она не имѣла своихъ представителей въ упомянутомъ совѣщаніи. Желанія были заявлены представителями періодической печати и, притомъ, печати, освобожденной отъ предварительной цензуры, т. е. печати, поставленной въ исключительное положеніе.

Не думаемъ, однако, чтобъ комиссія, поставившая себѣ цѣлью разработку новаго закона о печати, ограничилась разсмотрѣніемъ правилъ, касающихся нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ обѣихъ столицахъ. Намъ кажется, что составленная изъ людей просвѣщенныхъ и даже европейски просвѣщенныхъ, она не можетъ не принять въ раз-

*) Статья эта появилась въ ноябрѣ 1880 года.

счетъ слѣдующаго немаловажнаго обстоятельства: въ 1880 году, слѣдовательно, въ концѣ XIX-го столѣтія, Россія, одна изъ всего сонма европейскихъ государствъ, сохраняетъ систему предварительной цензуры, отъ которой освобождаются лишь немногія изданія.

Вслѣдствіе этого:

Пространнѣйшее въ мірѣ государство, представляющее разнообразнѣйшія мѣстныя условія, полагающее условія своего развитія въ правильномъ ростѣ мѣстныхъ учреждений, государство, явно пережившее періодъ административной централизаціи и вступившее на путь мѣстнаго самоуправления— это государство не имѣетъ мѣстной печати, которая могла бы служить не только пользамъ и нуждамъ мѣстнаго населенія, но могла бы быть и великою вспомогательною силою для дѣлъ общегосударственныхъ. Странное, почти непонятное явленіе совершилось у насъ на глазахъ: въ то время, какъ административное наше устройство преобразилось въ смыслѣ децентрализаціи, законы о печати создали литературную централизацію, присвоивъ столичнымъ изданіямъ права нѣкоторой свободы, т. е. право говорить хотя что-нибудь; а провинціальная печать была обречена на безмолвіе!

Вслѣдствіе этого:

Наше время, столь богатое практическими вопросами, столь нуждающееся въ работахъ по текущимъ, такъ сказать, дѣламъ, не видѣло и не могло видѣть развитія брошюръ, этихъ популяризаторовъ по практическимъ вопросамъ и застрѣльщиковъ по насущнымъ задачамъ времени. Одинъ Богъ знаетъ, сколько здравыхъ понятій и свѣжихъ силъ залегло подъ спудомъ, благодаря существующимъ законамъ о печати! Человѣкъ задѣтъ за живое извѣстнымъ явленіемъ или жгучимъ вопросомъ; онъ многое знаетъ по этому предмету; его совѣтъ могъ бы быть полезенъ. Но какъ высказать то, что лежитъ на душѣ? Сочинять книгу, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ, т. е. вмѣсто брошюры по текущимъ дѣламъ, писать сочиненіе съ историческими очерками, цитатами, общими прин-

ципами и научными дедукціями? Во-первыхъ, на это нѣтъ ни времени, ни средствъ: бываютъ вопросы, по которымъ необходимо высказаться теперь же, а послѣ, когда интересъ остылъ, говорить не стоитъ. Во-вторыхъ, брошюру прочтутъ многіе, а книгу далеко не всѣ. Говорятъ, что въ этомъ-то и состоитъ *опасность* „брошюры“. Мы говоримъ: въ этомъ-то и состоитъ ея *польза*. Обращаемся къ гг. дѣловымъ и чиновнымъ людямъ съ откровеннымъ вопросомъ: много ли они читаютъ *книгъ*? Если они скажутъ, что много—мы имъ не повѣримъ, потому что у дѣловаго человѣка на чтеніе толстыхъ книгъ времени не много. Если они скажутъ, что мало, мы имъ повѣримъ и не осудимъ—значитъ, что они заняты своимъ дѣломъ. Въ виду этого, мы спрашиваемъ ихъ опять: не были-ли бы они довольны, взявъ въ руки брошюру, въ которой бы сжато, но дѣльно и полно излагался вопросъ, въ данную минуту занимающій цѣлое общество? Думаемъ, что да, потому что дѣловитѣйшіе и образованнѣйшіе люди Западной Европы очень цѣнятъ эти „книжонки“, въ которыхъ какой-нибудь „практической“ или „теоретической“ умъ представляетъ квинтэссенцію важнаго вопроса; „книжонки“, нерѣдко освѣщающія новые пути; „книжонки“, распространяющія здравыя понятія въ массахъ; „книжонки“, пробивающія путь даже большимъ книгамъ, потому что онѣ заинтересовываютъ читателя извѣстнымъ вопросомъ и заставляютъ его нерѣдко обращаться къ многотомнымъ и спеціальнымъ сочиненіямъ.

Всего этого мы лишены. Мы лишены цѣлаго важнаго звена въ ряду нашихъ литературныхъ произведеній. Мы имѣемъ, съ одной стороны, газетныя и журнальныя статьи, а съ другой—толстыя книги. Но цѣлая важная отрасль литературы, *брошюры*, у насъ отсутствуетъ. На это можно сказать, что брошюры могутъ быть замѣнены журнальными и газетными статьями? Нѣтъ, не могутъ. Для того, чтобъ напечатать свое произведеніе въ періодическомъ изданіи, нужно подходить къ его направленію, нужно подчиняться суду редактора или издателя, чего не всякій желаетъ, нужно ждать очереди на-

печатанія, и нерѣдко статья, отданная въ январѣ, помѣщается въ октябрѣ, т. е. теряетъ значительную долю своей своевременности.

Итакъ, что же дѣлаетъ законодательство, не допускающее развитія брошюрной литературы? Оно налагаетъ молчаніе на людей, можетъ быть, наиболѣе независимыхъ, т. е. не принадлежащихъ ни къ какимъ литературнымъ кружкамъ, можетъ быть, наилучше знающихъ дѣло практически, хотя и не способныхъ развести своихъ разсужденій на десяти печатныхъ листахъ—на людей, словомъ, голосъ которыхъ былъ бы наиболѣе полезенъ въ данную минуту. Имъ говорятъ: ищите газеты или журнала, готовыхъ напечатать ваши статьи. Они отвѣчаютъ: мы не хотимъ, потому что ни съ кѣмъ изъ редакторовъ незнакомы и становиться въ роль просителей не желаемъ. Притомъ, намъ дорого время—гдѣ намъ ѣздить и бѣгать по приемнымъ? Имъ говорятъ: если такъ, обращайтесь къ предварительной цензурѣ. Что они отвѣтятъ—легко угадаетъ всякій, имѣвшій случай повергать свои писанія на цензорскій просмотръ. За всѣмъ тѣмъ, мы пребываемъ въ недоумѣніи—почему много почтенныхъ, свѣдущихъ и независимыхъ людей принуждены молчать? Кому это полезно?

Это не все.

Въ Россіи существуетъ цѣлая важная, очень важная область народной и общественной жизни, совершенно изъятая отъ правъ свободнаго изслѣдованія и обсуждения. Это именно та область, гдѣ свобода является главнѣйшимъ условіемъ жизни—область *вѣры*.

Въ мартѣ нынѣшняго года, одна изъ петербургскихъ газетъ бросила русской печати довольно лицемѣрный упрекъ въ томъ, что она обходитъ вопросы вѣры, что она знаетъ не хочетъ религиозныхъ интересовъ и „замалчиваетъ“ лучшія произведенія духовной литературы.

Упрекъ довольно странный (чтобъ не сказать больше), если принять во вниманіе существованіе *духовной цензуры*. Литература „замалчивала“ произведенія духовной литературы!

Слѣдовательно, она виновата въ томъ, что богословскія сочиненія Хомякова и предисловіе къ нимъ Ю. Э. Самарина должны были появиться за границей; что они долгое время не могли появляться въ продажѣ въ нашихъ книжныхъ магазинахъ; что потомъ были допущены къ обращенію только сочиненія Хомякова безъ предисловія Самарина, только недавно допущеннаго къ продажѣ.

Литература „обходить“ религіозные вопросы! Дá, она ихъ обходитъ, какъ вообще обходятъ подводные камни и провалы. Обходитъ она ихъ потому, что каждая статья, трактующая о религіозныхъ предметахъ, должна пройти черезъ духовную цензуру, т. е. въ девяти десятыхъ случаевъ имѣть шансы *не* пройти. Обходитъ она ихъ потому еще, что въ существѣ сами духовные обходятъ сколько-нибудь серьезныя вопросы вѣры. Почему они обходятъ ихъ, достаточно ясно каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ правилами духовной цензуры. Правила нашей свѣтской предварительной цензуры достаточно строги, но они неизмѣримо снисходительнѣе правилъ цензуры духовной, по точкѣ зрѣнія, съ которой они составлены. Цензоръ свѣтскій предъявляетъ сочиненію отрицательныя требованія, то-есть, чтобъ въ немъ не было ничего противнаго законамъ и доброй нравственности. Цензоръ духовный обязанъ предъявлять авторамъ требованія положительныя, иначе, требовать отъ ихъ сочиненій извѣстной тенденціи. Вотъ, на примѣръ, одно изъ такихъ правилъ, какимъ обязанъ былъ руководствоваться представитель духовной цензуры.

„Изъясненія священнаго писанія, состоящія въ обнаруженіи подлиннаго и чистаго смысла и духа писанія и особенно заключающія, сверхъ того, основательное и скромное показаніе погрѣшительныхъ или совсѣмъ ложныхъ изъясненій нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ писанія у писателей новѣйшаго времени, достойны всякаго одобренія. Изъясненія сіи должны быть согласованы съ ученіемъ церкви и святыхъ отцовъ“.

Или:

„Сочиненія большія и малыя съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, добротѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованнымъ, бесполезны необразованнымъ и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы“.

Или, относительно переводовъ:

„Можетъ быть пропущенъ переводъ, въ которомъ изложена система ученія какого-либо иного вѣроисповѣданія, *если* переводчикъ въ примѣчаніяхъ своихъ *повсюду* будетъ сопровождать такое ученіе здравою *критикою*, и въ предисловіи скажетъ, какого исповѣданія былъ сочинитель издаваемаго имъ перевода“.

Эти выписки можно бы значительно приумножить, но и приведеннаго, безъ всякихъ поясненій, достаточно для уразумѣнія, почему литература „обходитъ“ вопросы вѣры. Въ сущности обходитъ она не вопросы вѣры, а духовную цензуру, подъ полуторастолѣтнимъ дѣйствіемъ которой у насъ не могъ оживиться интересъ къ религіознымъ вопросамъ не только въ свѣтской, но и въ духовной литературѣ. Мы знаемъ, что у насъ существуютъ нѣкоторые хорошіе духовные журналы. Мы относимся къ нимъ тѣмъ съ ббльшимъ уваженіемъ, что знаемъ, при какихъ условіяхъ имъ приходится дѣйствовать. Но ничто не можетъ устранить того факта, что между духовною и свѣтскою литературою нѣтъ общенія. Духовная литература остается литературою спеціальною. Между тѣмъ, при нормальныхъ условіяхъ, церковные вопросы должны бы быть столь же общими, какъ вопросы финансовые, экономическіе и административные, даже болѣе общими, потому что они касаются важнѣйшихъ сторонъ жизни cadaго чело-вѣка.

Литература обходитъ церковные вопросы! Увы! явленіе болѣе серьѣзно, болѣе прискорбно: и литература, и свѣтское общество отлучены отъ религіозной жизни дѣйствіемъ духовной цензуры, благодаря которой нѣтъ у насъ ни настоящей духовной литературы, ни истинной проповѣди. И подъ

вліяніємъ такого отлученія въ образованномъ обществѣ одни бросаются въ невѣріе, другіе въ спиритизмъ или въ пашковщину, а внизу души, ищущія Христа, бросаются въ секты; и, въ виду всего этого, только и остается взывать къ „Уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, способному создать мучениковъ, но не вѣрующихъ.

Итакъ, вопросъ о положеніи нашей печати, если онъ будетъ поставленъ серьёзно и въ полномъ его объемѣ, не есть вопросъ только о „періодической печати“. Это вопросъ обо всемъ, чтó мыслить, вѣруетъ и чувствуетъ въ Россіи. Это—вопросъ о нашей духовно-умственной жизни въ полномъ ея объемѣ. Она нуждается въ свободѣ, потому что только при свободѣ она можетъ быть. Пожелаемъ же членамъ комиссіи возможности поставить вопросъ въ этомъ его объемѣ. Тогда для Россіи начнется, дѣйствительно, новая эра.

Г Л А В А VIII.

Цензура *).

La censure est aujourd'hui jugée.

Не только „сегодня“, но много лѣтъ назадъ цензура была осуждена поэтомъ въ выраженіяхъ, столь же энергичныхъ, какъ и поэтическихъ:

Надъ вольной мыслью Богу негодны
Насиліе и гнеть;
Она, въ вѣкахъ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

Конечно, „не умретъ“; но и жить „въ оковахъ“ она едва ли можетъ, не составляя несчастья для страны: вмѣсто благодѣяній свободнаго развитія, она принесетъ своимъ адептамъ всѣ невыгоды пригнетеннаго духа. Гнилой Западъ потому именно и опередилъ Востокъ въ промышленности, торговлѣ, искусствѣ и наукѣ, что пользуется благодѣяніями нестѣсенной мысли.

На Западѣ пишутъ уже исторію цензуры, какъ явленія давно пережитого. Надняхъ еще вышла въ Парижѣ любопытная книга: „*La censure sous le premier empire*“, составленная по неизданнымъ документамъ извѣстнымъ писателемъ Анри Вельшенжеромъ (*Henri Velschinger*). Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ издалъ прекрасный трудъ „Театръ во время революціи, отъ 1789 по 1799 годъ“, увѣнчанный академіей. Трудъ о цензурѣ заслуживаетъ еще большаго вниманія. Треть книги занята официальными документами, извлеченными изъ „національныхъ архивовъ“ и бібліотеки „французскаго театра“. Очень многіе изъ этихъ документовъ въ первый

*) Появилась въ срединѣ августа 1882 г.

разъ являются въ печати, хотя ими и пользовались нѣкоторые историки Наполеона, говоря о его мыслебоязни и о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на печать во время его царствованія. Печальное положеніе литературы и политическихъ органовъ въ эпоху императорской Франціи давно извѣстно; но Вельшенжеръ, представивъ, на основаніи неопровержимыхъ и критически разобранныхъ свидѣтельствъ, полную картину отношеній первой имперіи къ печати, оказалъ, всетаки, большую услугу исторіи, какъ группировкою, такъ и оцѣнкою фактовъ, которые то игнорировались, то забывались многими. Мы живемъ въ такое время, когда не можетъ быть лишнимъ напоминаніе о бесплодности борьбы съ идеей, съ духомъ времени, съ требованіями вѣка, съ основными законами развитія человѣка.

Главная мысль книги высказана въ первыхъ же строкахъ предисловія:

„Цензура въ наше время осуждена. Но еслибъ кто-нибудь сохранилъ еще иллюзію о необходимости и пользѣ этого учрежденія, мы надѣемся, что, по прочтеніи этого этюда, въ которомъ приведены только неопровержимые факты, всякія иллюзіи должны будутъ исчезнуть. Само собою разумѣется, что, привлекая цензуру на скамью подсудимыхъ, мы вовсе не осуждаемъ законовъ, карающихъ безнравственныя и противорелигіозныя явленія, клевету, диффамачію, возбужденіе къ бунту, т. е. всѣ тѣ проступки, какіе могутъ быть совершены путемъ печати. Мы признаемъ полную отвѣтственность писателя, но требуемъ для него полной свободы, какъ его природнаго права. Къ тому же, когда увидятъ, къ какимъ явленіямъ и къ какимъ непріятностямъ было приведено могущественное правительство перваго императора сохраненіемъ за собою привилегіи говорить и писать о своихъ дѣлахъ: то убѣдятся, къ какимъ неудобствамъ и къ какимъ опасностямъ ведетъ цензура. Императоръ Наполеонъ I-й, вполне испытавъ это на себѣ, говорилъ на Островѣ св. Елены: „Сынъ мой долженъ будетъ царствовать со свободою печати. Въ настоящее время это — необходимость“.

Правда, и теперь, когда прошло уже болѣе полувѣка со смерти великаго полководца, необходимость эта сознается еще не всѣми, но каждый день приносить новыя свидѣтельства, что значеніе свободной печати, независимаго пера оцѣнивается даже такими лицами, которыя привыкли разрѣшать всѣ гордіевы узлы оружіемъ. Недавно редакторъ варшавской газеты „Kurjer Poglany“, приводя свой разговоръ съ генераломъ Скобелевымъ, цитируетъ слѣдующія слова его:

„Вы видите передъ собою лицо, которое, прежде всего, обязано печати, и особенно англійской, тѣмъ, чѣмъ, оно слѣдилось въ данную минуту. Еслибъ не корреспонденты, почти безотлучно находившіеся въ моей квартирѣ во время русско-турецкой войны, Скобелевъ былъ бы простымъ генераломъ и никто не зналъ бы о немъ“. Когда же журналистъ замѣтилъ ему, что генераль—послѣдователь мнѣній Наполеона III-го, утверждавшаго что печать—шестая держава въ Европѣ, Скобелевъ отвѣчалъ: „Не шестая, а первая. Въ наше время нельзя уже управлять народомъ изъ глубины кабинета, и кто не считается съ общественнымъ мнѣніемъ, тотъ ничего не подѣлаетъ“.

Наполеонъ III-й, приравнивая печать къ великимъ державамъ, старался втихомолку подкупить и развратить ее—и всему міру извѣстно, что развращенная имъ печать привела его даже не къ Острову св. Елены, а къ Седану. Дядя его, въ этомъ отношеніи, поступалъ прямѣе и открытѣе. Онъ прямо преслѣдовалъ всякое проявленіе свободной мысли, и потому-то борьба его съ нею любопытна и поучительна для нашего времени.

Французы любятъ выставять на видъ „безсмертные принципы великой революціи“. Принципы эти, однако, нарушались въ теченіе революціи самымъ безцеремоннымъ образомъ не только на практикѣ, что всегда возможно, какъ злоупотребленіе власти, но и въ законодательной формѣ... Такъ, знаменитая „декларация правъ человѣка“ седьмымъ параграфомъ заявляла, что „право высказывать свою мысль и свои мнѣнія

путемъ печати или инымъ способомъ неможетъ быть стѣснено“. Конституція III-го года говорила: „Никому нельзя препятствовать высказывать, писать, печатать и обнародовать свои мысли“; законодательное собраніе 1791 года торжественно уничтожило цензуру; но уже черезъ два года національный конвентъ издалъ слѣдующій декретъ:

„Кто будетъ изобличенъ въ составленіи или печатаніи сочиненій, возбуждающихъ къ уничтоженію народнаго представительства, возстановленію королевской или всякой другой власти, нарушающей народодержавіе (*souveraineté du peuple*), будетъ привлеченъ къ суду и казненъ смертью“!

Вслѣдствіе этого декрета, до двадцати журналистовъ и пятьдесятъ писателей взошли на эшафотъ. Директорія пошла еще дальше конвента. Постановленіемъ 18-го фруктидора V-го года она предписала „немедленно разстрѣливать всякаго, кто пытается возстановить королевскую власть или конституцію 1793 года“. Тогда же заключены были въ тюрьму 60 писателей и типографщиковъ, обвинявшихся въ заговорѣ противъ республики. Вслѣдъ затѣмъ директорія отправила въ ссылку 45 писателей, редакторовъ и основателей газетъ, которые „оскорбляли природу и компроментировали родъ человеческій“. Внося этотъ декретъ въ совѣтъ пятисотъ, Бальёль говорилъ, что „естественный ходъ вещей налагаетъ обязанность—очистить съ быстротою молніи почву свободы отъ ея явныхъ враговъ“. Во время директоріи полиція имѣла право захватывать всякое сочиненіе. 17-го фруктидора VII-го года, директорія приказала уничтожить типографіи одиннадцати газетъ, враждебныхъ Сіейесу, и арестовать редакторовъ и типографщиковъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого сама директорія была уничтожена генераломъ Бонапарте, четырнадцать лѣтъ угнетавшимъ печать съ помощью цензуры.

Общество, измученное сценами убійствъ, казней, безпорядковъ, безправія, думало отдохнуть подъ твердою властью молодого, но уже прославившагося полководца. Оно, однако, жестоко ошиблось. Полководецъ тотчасъ же обвинилъ печать

въ томъ, что она разоблачаетъ тайны его военныхъ операцій и своими нападками на иностранныя державы и націи не позволяетъ Французской Республикѣ примириться съ Европой. Вслѣдствіе такихъ преступленій, съ печатью было поступлено по военному: изъ 73-хъ политическихъ газетъ разомъ были запрещены 60 и, на будущее время, не позволено издавать ни одной новой газеты... Эта драконовская мѣра, обнародованная 27-го нивоза VIII-го года (17-го января 1800 г.), не возбудила ни жалобъ, ни протестовъ—до того общество было утомлено и апатично. Отсутствіе протестовъ въ печати вовсе не доказывало, однако, равнодушія самой печати. Какъ бы ни было принижено и подавлено общество, оно не могло остаться индифферентнымъ къ подобному нарушенію правъ и справедливости, и записки современниковъ говорятъ, напротивъ, о сильномъ негодованіи, высказавшемся при этомъ случаѣ.

Послѣ такого наполеоновскаго декрета, которымъ шестьдесятъ журналистовъ и тысяча работавшихъ у нихъ лицъ лишались средствъ къ существованію, другія распоряженія по дѣламъ печати могли уже быть приняты довольно хладнокровно. 5-го апрѣля 1800 года, первый консулъ постановилъ, чтобъ каждый нумеръ газеты былъ подписанъ отвѣтственнымъ редакторомъ. Министръ полиціи долженъ былъ удостовѣряться, что всѣ редакторы—люди нравственные и „неподкупные патріоты“. Для надзора за ними и за книгами учреждено было при полиціи бюро печати. Никакое объявленіе не могло явиться въ Парижѣ безъ разрѣшенія префекта полиціи. Такое же разрѣшеніе требовалось для продажи произведеній печати, которыя не должны „противорѣчить принципамъ правительства“. Пьесы, для исполненія ихъ на сценѣ, разрѣшалъ также министръ полиціи, разсылая въ департаменты утвержденный имъ списокъ старыхъ пьесъ. Библіотекарь Наполеона, Рипо, обязанъ былъ всякій день представлять отчетъ о новыхъ произведеніяхъ печати. Онъ вскорѣ былъ смѣненъ за „либеральныя идеи“, и обязанность эта поручена аббату Денина. Въ 1802 году былъ основанъ офи-

ціозный журналъ „Bulletin de Paris“, для того чтобъ „направлять общественное мнѣніе“. Редакцію его Наполеонъ предложилъ даровитому Фьеве; но бывший редакторъ „Парижской Хроники“ и „Меркурія“ отвѣчалъ, что, какъ скоро общество замѣтитъ, что ему хотять навязать какое-нибудь мнѣніе—оно тотчасъ же присоединится къ мнѣнію, діаметрально противоположному и не станетъ читать министерскихъ изданій. Слова Фьеве оправдались на дѣлѣ—„Bulletin de Paris“ просуществовалъ ровно столько же времени, сколько у насъ газета „Берегъ“. Сколькихъ ошибокъ могли бы мы избѣжать, еслибъ справлялись съ уроками исторіи!

Фьеве возставалъ также противъ управленія дѣлами печати въ министерствѣ полиціи. Наблюденіе за печатью, по его мнѣнію, слѣдовало поручить министерству юстиціи. Наполеонъ не согласился съ этимъ и требовалъ отъ полиціи усиленнаго надзора за печатью.

Послѣ газетъ дошла очередь и до книгъ. 27-го сентября 1803 года издано слѣдующее постановленіе:

„Для утвержденія свободы печати, ни одинъ книготорговецъ не имѣеть права продавать книгу, не представивъ ея въ ревизіонную комиссію, которая возвращаетъ книгу, если она не подлежитъ цензурѣ“.

Въ комиссію эту представлялись даже ученыя книги, и она давала позволеніе продавать переводъ Сенеки „тѣмъ болѣе, что переводъ посвященъ первому консулу“! 18-го мая 1804 года, консулъ этотъ сдѣлался императоромъ и, въ числѣ другихъ милостей, вздумалъ облегчить положеніе печати. Для этого онъ учредилъ изъ сенаторовъ высшую комиссію по „свободѣ печати“. Каждый авторъ, типографщикъ или книгопродавецъ, но не журналистъ—такъ какъ льгота касалась только книгъ, а не газетъ—могъ принести въ нее жалобу, если считалъ права свои нарушенными. Комиссія, если находила прошеніе основательнымъ, могла пригласить министра отмѣнить свое постановленіе. Послѣ трехъ подобныхъ приглашеній, если министръ не обращалъ на нихъ вниманія,

комиссія могла представить объ этомъ сенату, и тотъ объявлялъ, что существуютъ серьезныя основанія (*de fortes pré-somptions*) предполагать, что свобода печати нарушена. Этимъ комическимъ заявленіемъ ограничивалось вмѣшательство высшей комисіи; но и подобнаго заявленія комиссія не позволила себѣ сдѣлать ни разу во все продолженіе имперіи!

Въ іюнѣ того же года учреждено при министерствѣ полиціи „бюро консультаціи“ для надзора за печатью. Въ него вступили философы Лемонтѣ и Лакретелль и, въ слѣдующемъ же году, за одну статью „*Journal des Débats*“, пропущенную администраціей, дали газетѣ въ наказаніе оффиціального цензора. Наполеонъ узнавъ объ этомъ, сказалъ, что только философы способны исполнять „постыдную“ должность цензоровъ и пользуются этимъ, чтобы преслѣдовать лицъ, не признающихъ ихъ дарованій. Онъ потребовалъ, однако, чтобы редакторы газетъ были люди надежные, чтобы они опровергали все, „что могло возбудить благопріятныя воспоминанія о Бурбонахъ или представить ихъ въ хорошемъ свѣтѣ“. Сверхъ того, газеты не должны были печатать извѣстій непріятныхъ для правительства.

„Если даже извѣстія справедливы — надо выждать пока не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ вѣрности. Когда же они сдѣлаются уже рѣшительно всѣмъ извѣстны—нѣтъ никакой надобности публиковать ихъ“.

Съ такимъ-то макиавелизмомъ Наполеонъ постоянно относился къ печати. Если онъ писалъ Евгенію Богарнѣ о необходимости уничтожить въ Италіи цензуру для книгъ, то потому только, что „въ этой странѣ и безъ того очень узкіе умы и ихъ незачѣмъ еще больше суживать“. Но, подвергая беспощадной цензурѣ самыя невинныя произведенія, онъ не употреблялъ въ своихъ декретахъ этого названія. Въ 1806 году, увидя на одной пьесѣ классическую помѣтку: „печатать разрѣшается“, Наполеонъ написалъ министру полиціи:

„Когда я объявилъ свою волю, чтобъ не было цензуры удивляюсь, что въ моей имперіи являются формы, которыя могутъ быть пригодны только для Вѣны или Берлина. Я не

хочу, чтобъ французы были крѣпостными. Еще разъ повторяю: „я не хочу цензуры, потому что каждый книгопродавецъ долженъ отвѣчать за сочиненіе, которое онъ продаетъ, потому что я не хочу отвѣчать за всѣ глупости, какія могутъ явиться въ печати, не хочу, чтобъ приказчикъ (un commis) тиранствовалъ надъ умомъ и уродовалъ геній“.

Въ этихъ словахъ видна вся двуличная натура Наполеона: на устахъ—громкія фразы, на дѣлѣ—произволь. Ему не нравится формула цензорскаго разрѣшенія, а между тѣмъ, считая цензоровъ не болѣе, какъ своими приказчиками, какими были и всѣ его министры, онъ взваливаетъ на торговца книгами отвѣтственность за содержаніе книги! Что же это, какъ не макіавелизмъ въ самой неприличной формѣ?

Императоръ хотѣлъ предписывать законы и литературѣ, какъ странѣ, и распоряжаться самовластно въ той и въ другой. Онъ негодовалъ, что членъ академіи Лаландъ печатаетъ свои сочиненія, въ которыхъ виденъ атеизмъ, и что маститый академикъ очень часто публикуетъ объявленія объ этихъ сочиненіяхъ. Онъ сердился, когда академія занялась рѣчами Мирабо. „Что общаго между французскою академіей и политикой—писалъ онъ къ Фуше—какое дѣло грамматикѣ до военнаго искусства“? Чтобъ „регулировать“ законы о печати, онъ предписалъ министру внутреннихъ дѣлъ войти съ подобнымъ проектомъ по этому вопросу въ государственный совѣтъ, разсматривавшій этотъ вопросъ съ 1808 по 1810 годъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій совѣта, въ присутствіи императора, Наполеонъ высказалъ мысль, что власть не должна ничего позволять печатать противъ государства, потому что такія сочиненія всегда нарушаютъ спокойствіе общества: что же касается сочиненій противъ религіи, онъ допускалъ ихъ обнародованіе на томъ основаніи, что „обыкновенный цензоръ не можетъ рѣшать метафизическіе вопросы, а теологи, защищая интересы религіи, часто вовсе незамѣчаные въ дѣло, могутъ задушить распространеніе полезныхъ истинъ“. Предоставленіе свободы писать противъ религіи, лишь бы не

писали ничего противъ государя, прибавляя еще одну черту къ характеристикѣ Наполеона, подтверждало только слова, еще прежде высказанныя Фьеве: „Печатайте безъ малѣйшаго опасенія противъ Бога, противъ религіи, противъ нравственности, но попробуйте-ка напечатать что нибудь противъ перваго Консула“!

Императоръ стоялъ всегда за самыя строгія мѣры противъ печати и требовалъ ихъ особенно противъ типографщиковъ; онъ говорилъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта:

„Типографія—арсеналь, который не можетъ быть ввѣренъ всякому. Надо, чтобы тѣ, кто печатаеть, пользовались довѣріемъ правительства.—Типографія—не торговля; она касается политики и потому должна зависѣть отъ того, кто управляетъ политикою. Общество должно предать смерти того, кто вооружается съ цѣлью повредить ему“.

Прежде всего, Наполеонъ хотѣлъ самъ налагать карательныя мѣры. Онъ предоставилъ себѣ назначеніе цензоровъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, но объявилъ, что они не составляютъ корпорации, а будутъ только призываемы на совѣтъ для разрѣшенія вопросовъ, относящихся преимущественно до литературной собственности. Декретъ 5-го Февраля 1810 года подчинилъ печать, театръ, типографію почти военной дисциплинѣ: ограниченіе числа типографій („гдѣ много типографій, тамъ онѣ, не имѣя работы, печатають запрещенныя и подпольныя сочиненія“), надзоръ за печатью одновременно и полиціи, и агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, право, предоставленное главному управленію по дѣламъ печати закрывать типографіи и запрещать продажу сочиненій, конфискаціи, штрафы, обыски, аресты, захваты людей и имущества—все было соединено въ этомъ декретѣ, которымъ учреждалось и главное управленіе печатью; ему было поручено все, что мѣшало подданнымъ исполнять свои обязанности къ государю, что было противно интересамъ государства. Главнымъ лицомъ въ этихъ вопросахъ являлся управляющій по дѣламъ печати; но и министръ полиціи имѣлъ

право остановить всякую книгу, разрѣшенную цензурою. Типографщикъ и книгопродавецъ избѣгали наказанія, если они объявляли имя анонимнаго автора преслѣдуемаго сочиненія.

Главное управленіе по дѣламъ печати, по обнародованіи декрета, тотчасъ же принялось за дѣло. Оно стало составлять еженедѣльные бюллетени, въ которыхъ излагались: содержаніе рукописей, рапорты цензоровъ, рѣшенія главноуправляющаго. Труда было немало, а между тѣмъ цензора получали только 1.200 франковъ жалованья и работали почти „изъ чести лишь одной“.

Кромѣ надзора за литературою, главное управленіе по дѣламъ печати попыталось также и вліять на нее. Съ этой цѣлью газетамъ сообщались свѣжія офіціальныя и офіціозныя свѣдѣнія, писателямъ предлагались разнаго рода пособія, награды, средства улучшить ихъ положеніе. Главное управленіе состояло изъ 76-ти членовъ, цензоровъ и чиновниковъ, не считая ихъ помощниковъ и писцовъ. Дѣйствовало оно такъ, что въ 1811 году Наполеонъ заявилъ въ государственномъ совѣтѣ о жалобахъ на пристрастіе писателей, служившихъ цензорами, и на мѣры полиціи, захватывавшей „Сочиненія Парни“. Министръ внутреннихъ дѣлъ замѣтилъ, что нельзя „объявить свободу читать все, что угодно“. Наполеонъ отвѣчалъ, что „преслѣдовать дурныя книги—значитъ придавать имъ важность“, что главное управленіе по дѣламъ печати, налагая въ свою пользу штрафы на книгопродавцевъ и предлагая ввести налогъ на кабинеты для чтенія и провинціальныя газеты—дискредитуется. Императоръ объявилъ также, что онъ не отступитъ ни передъ какою строгою мѣрой, но что онъ—врагъ „произвола ради произвола“, и что его министръ полиціи привыкъ не исполнять законовъ.

Какъ умный человекъ, Наполеонъ понималъ, однако, всю непопулярность его цензурнаго управленія, всю невозможность вѣчно держать страну подъ опекою враговъ развитія. Когда для имперіи настало тяжелое время, бросились къ помощи печати. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ дека-

бря 1812 года, разослалъ цензорамъ циркуляръ, которымъ просилъ ихъ быть снисходительнѣе, либеральнѣе, напоминать, что они принадлежать къ „республикѣ литературы“ (république des lettres). Самъ Наполеонъ еще прежде говорилъ Фушэ: „Надо имъ оставить хоть эту республику“. Но циркуляръ министра явился уже поздно. Раздраженный военными неудачами, потерями цѣлыхъ армій, Наполеонъ началъ приписывать, „несчастья своей прекрасной Франціи — идеологамъ, туманнымъ метафизикамъ, которые, доискиваясь первоначальныхъ причинъ, хотятъ основать на нихъ законы для чело-вѣчества“. Онъ приказалъ удвоить цензурныя строгости, запретилъ вовсе упоминать о заговорѣ Маллэ и о послѣднихъ несчастныхъ битвахъ. Напрасно приближенные намекали ему на необходимость дать большій просторъ свободному обсужденію событій. Послѣ сраженій при Люценѣ и Бауценѣ (въ маѣ 1813 года), онъ сталъ говорить графу Бёньйо объ интригахъ противъ его арміи и о мѣрахъ положить имъ конецъ. Бёньйо замѣтилъ ему самымъ скромнымъ образомъ, что бывають минуты, когда слѣдуетъ прислушиваться къ общественному мнѣнію.

— Я понимаю васъ! вскричалъ императоръ — вы совѣтуете мнѣ дѣлать уступки, уважать настроеніе общества. Это — фразы вашей школы.

— Я принадлежу только къ школѣ моего императора! — отвѣчалъ придворный.

— И это — тоже одни слова! Вы принадлежите къ школѣ идеологовъ вмѣстѣ съ Редереромъ, Реньйо, Луи, Фонтаномъ.. впрочемъ, нѣтъ! Фонтанъ — другой школы — школы дураковъ (imbéciles). Вы думаете, я не понимаю вашей мысли? Вы изъ тѣхъ, кто вздыхаетъ въ глубинѣ души по свободѣ печати, свободѣ трибуны, кто вѣритъ во всемогущество общественнаго мнѣнія. Но вотъ вамъ мое послѣднее слово: пока эта шпага будетъ у меня на бедрѣ, у васъ не будетъ ни одной изъ этихъ свободъ, по которымъ вы вздыхаете“.

Несмотря на эти громкія фразы, онъ далъ всѣ эти сво-

боды, когда убѣдился, что только съ ихъ помощью онъ можетъ бороться со своими врагами. Правда, онъ далъ ихъ послѣ такихъ событій, какъ возстаніе противъ него всей Европы и низверженіе его съ престола сенатомъ, который въ числѣ причинъ этого низверженія привелъ и „*лишеніе народа его прирожденнаго права свободы печати*“, подавленной произволомъ полиціи, въ то время, какъ самъ императоръ пользовался этою печатью для распространенія ложныхъ слуховъ, деспотическихъ принциповъ и оскорбительной клеветы на другія государства“. Непостижимо быстрому захвату имъ власти послѣ бѣгства съ острова Эльбы много содѣйствовало и то обстоятельство, что народъ былъ раздраженъ прямымъ возстановленіемъ цензуры Людовикомъ XVIII-мъ, назначившимъ, 21-го октября 1814 года, двадцать новыхъ „*королевскихъ*“ цензоровъ.

Черезъ четыре дня по возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ уничтожилъ цензуру и управление книжною торговлею. Слова императора, прокламаціи министровъ, адреса государственнаго совѣта, института муниципальных совѣтовъ заключали въ себѣ одно требованіе, одно обѣщаніе: *свободу слова*. Она была тотчасъ же осуществлена, и Фуше, въ циркулярѣ къ префектамъ, предписывалъ имъ, „оставить заблужденія этой придирчивой полиціи, вѣчно безпокойной, постоянно угрожающей, ничего не гарантирующей, только безпокойщей общество, а не защищающей его“. Фуше требовалъ отъ префектовъ „полиціи либеральной, умѣренной въ розыскахъ, наблюдательной и покровительственной“. Понявъ все значеніе печати, онъ привлекъ на свою сторону редакторовъ газетъ, обѣщая имъ въ близкомъ будущемъ полную свободу, и они, рѣзко нападавая на императора, шадили Фуше. Съ своей стороны, этотъ, дважды прогнанный своимъ государемъ интриганъ говорилъ всѣмъ, что ему „удалось отвоевать свободу печати у ея злѣйшаго врага“. А между тѣмъ, Наполеонъ, въ бесѣдѣ съ Бенжаменомъ Констаномъ, увѣрялъ, что народъ требовалъ только императора, „который самъ вышелъ изъ народа“, и прибавлялъ:

„Политическія пренія, свободные выборы, отвѣтственные министры, свобода печати — я желаю всего этого, особенно свободы печати. Было бы абсурдомъ стараться задавить ее. Я твердо убѣжденъ въ этомъ“.

Плодомъ этихъ бесѣдъ явился „дополнительный актъ конституціи имперіи“, 22-го апрѣля 1815 года. § 64-й этого акта говоритъ: „Каждый гражданинъ имѣетъ право печатать и обнародовать свои мысли за своею подписью, *безъ всякой предварительной цензуры*, подъ условіемъ законной отвѣтственности *на судъ присяжныхъ*, которые опредѣляютъ и мѣру исправительнаго взысканія“.

Было уже поздно. Императору, такъ долго насилувавшему мысль и слово, никто уже не вѣрилъ. Вскорѣ, разбитый при Ватерлоо, Наполеонъ подписалъ вторичное отреченіе. Печать не была виновата въ его паденіи. Онъ сознавалъ это и выразилъ свое сознаніе въ слѣдующихъ словахъ, произнесенныхъ имъ на Островѣ св. Елены:

„Свобода печати принадлежитъ къ такимъ учрежденіямъ, о которыхъ не спорятъ, хороши ли они. Вопросъ только въ томъ: долго ли можно отказывать въ нихъ духу времени и общественному требованію“.

Мы передали только фактическую сторону книги Вельшенжера. Но въ ней не меньше любопытна сторона анекдотическая, рассказы о цензорахъ, о книгахъ, газетахъ, театрѣ второй имперіи. Но и того, что мы привели, достаточно для подтвержденія старой истины: никакія репрессивныя мѣры не могутъ остановить естественнаго хода вещей, духа времени. Чѣмъ сложнѣе преграды, поставляемыя быстрому потоку, тѣмъ сильнѣе разливается онъ. Исчезли и первая, и вторая имперіи; вмѣстѣ съ ними, исчезли всѣ эти министры, правители, враги прогресса, приверженцы ретроградныхъ идей и мѣръ, а „свободная мысль“, рожденная свободною, живетъ въ Европѣ и до сихъ поръ.

Г Л А В А IX.

Дополненія къ законамъ о печати *).

I.

Слухи о готовящихся дополненіяхъ къ законамъ о печати, своевременно сообщенныя въ нашей газетѣ, вызвали довольно многочисленныя сужденія. Само собою разумѣется, что эти толки были нерадостнаго свойства. Это довольно простительно. Ограниченія никогда не принимались съ веселымъ чувствомъ. Особенно тяжки они въ дѣлѣ литературномъ.

Но едва ли эти толки могутъ имѣть практическое значеніе. Положеніе печати всегда и вездѣ является прямымъ послѣдствіемъ общаго положенія дѣлъ; права, предоставляемая печати (мы говоримъ о печати политической), не суть что-нибудь самостоятельное. Всегда и вездѣ они являются послѣдствіемъ признанія пользы общественнаго участія въ дѣлахъ страны, и права политической печати расширяются и суживаются, смотря потому, въ какой мѣрѣ признано и допущено это участіе.

Понять это очень нетрудно. Каждая статья, посвященная общественнымъ вопросамъ, не есть научное произведеніе, направленное къ изслѣдованію отвлеченныхъ истинъ, или художественное твореніе, воспроизводящее типы и идеалы. Она есть *политическій актъ*, предназначенный для дости-

*) Двѣ статьи подъ этимъ заглавіемъ написаны въ августѣ и сентябрѣ 1882 г.

женія опредѣленной практической цѣли, и вотъ почему эти „акты“ обыкновенно поставлены въ другія условія, чѣмъ философскія разсужденія или художественныя творенія.

Иное дѣло написать теоретическое разсужденіе о пользѣ законности вообще и иное—указать, что такія-то реальныя учрежденія и дѣйствующія въ нихъ лица этой идеѣ не удовлетворяютъ. Одно дѣло написать трактатъ о почтенности безкорыстія и непочтенности хищенія и другое—показать, что въ такихъ-то мѣстахъ и такими-то лицами производится „хищеніе“ общественнаго и государственнаго достоянія. Мысль, развитая въ многотомномъ сочиненіи, оказывается „безвредною“, но переведенная на дѣйствительные факты и лица—„зловредною“.

Если, такимъ образомъ, политическая печать представляетъ извѣстную совокупность общественныхъ „актовъ“, то отсюда ясно, что ея свобода и несвобода находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ степени общественнаго участія въ дѣлахъ страны. Свобода печати есть одна изъ гарантій этого участія и только въ этомъ отношеніи и имѣетъ смыслъ. Всѣ историческіе примѣры свидѣтельствуютъ объ этомъ. Свидѣтельствуешь объ этомъ и наша исторія.

Когда, съ 1856 года, началась обновительная работа въ нашемъ отечествѣ, когда на очередь были поставлены важнѣйшіе вопросы, по которымъ правительство желало выслушать мнѣніе каждаго понимающаго дѣло и въ немъ заинтересованнаго, оно сначала фактически дало печати большую свободу, ограничивъ строгость цензоровъ, а потомъ юридически обезпечило за нею нѣкоторыя льготы временными правилами 1865 года. Важность возбужденныхъ вопросовъ, горячее стремленіе разрѣшить ихъ ко благу страны, подъемъ общественнаго духа въ шестидесятыхъ годахъ—все это обусловливало расширеніе правъ единственнаго у насъ органа общественнаго мнѣнія—печати.

Затѣмъ, извѣстныя условія вызвали поворотъ въ нашей внутрешней политикѣ. „Общественное мнѣніе“ изъ силы по-

лезной и содѣйствующей обратилось въ нѣчто вредное и противодѣйствующее. Эта перемѣна взглядовъ немедленно отразилась на положеніи печати. Уже въ семидесятыхъ годахъ были изданы законы, увеличивавшіе число административныхъ взысканій, которыя могли быть налагаемы на печать. Впослѣдствіи число ихъ умножилось. Это нисколько не удивительно. Не удивительно также и то, что способы административныхъ взысканій готовы расширяться въ настоящее время.

Мы не видимъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ считалось бы полезнымъ содѣйствіе общества, а слѣдовательно, и печати. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ знаменательный фактъ, что первенствующій нынѣ „органъ“ печати, одинъ возбуждающій разные „вопросы“, положительно считаетъ прикосновеніе къ нимъ другихъ органовъ печати, именуемыхъ имъ иронически „прессою“, вреднымъ. Съ какимъ стараніемъ „Московскія Вѣдомости“ указываютъ на вредоносность изданій, противящихся ихъ планамъ! Можно смѣло сказать, что какія бы мѣры правительство не сочло нужнымъ принять противъ печати, оно никогда не достигнетъ высоты желаній „Московскихъ Вѣдомостей“.

Но изданіе это имѣетъ многочисленный кругъ читателей, ему сочувствующихъ; стало быть, всѣ мѣры противъ печати будутъ приняты сочувственно значительною частью „общества“, которое, пожалуй, найдетъ, что мѣры даже слабоваты. Сверхъ того, „Московскія Вѣдомости“ имѣютъ раболѣпныхъ подражателей въ самой печати. Стало быть, и извѣстная доля печати, если не въ явѣ, то въ тайнѣ будетъ сочувствовать всѣмъ строгостямъ. А когда начнется „примѣненіе“ этихъ мѣръ къ „литературнымъ противникамъ“, какой неудержимый восторгъ возбудится во всѣхъ этихъ „патріотахъ“!

Вотъ что тревожитъ насъ гораздо больше всѣхъ правительственныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были строги. „Мѣры“ приносятся и уносятся теченіемъ времени и его потребностями; онѣ опредѣляются не только волею правителей,

но и настроеніемъ общества. И оно важнѣе, чѣмъ можно думать.

Каково же настроеніе общества? Еще задолго до того, какъ правительство пришло къ рѣшенію издать новыя мѣры противъ печати, кто же травилъ „лжелибераловъ“, кто поднималъ крики объ измѣнѣ народности, кто громилъ „лакеевъ Запада“, кто обличалъ „интригу“, имѣющую цѣлью разрушеніе русскаго государства? Это было зрѣлище, безпримѣрное въ исторіи. Можно смѣло сказать, что нынѣшнія „дополненія“ къ законамъ о печати подсказаны извѣстною частью самой же печати и вліяніемъ сочувствующихъ ей лицъ. Мало того: можно поручиться, что означенныя дополненія не удовлетворятъ ожиданіямъ многихъ.

Мы заключаемъ это изъ нижеслѣдующаго:

„Дополненія“, внесенныя на разсмотрѣніе комитета министровъ нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, мы затрудняемся назвать нестрогими. Но, сколько намъ извѣстно, они, по своей силѣ, уступаютъ первоначальному проекту, представленному графомъ Игнатьевымъ. Въ этомъ проектѣ предполагалось, какъ мы слышали, постановить, что изданіе, получившее первое предостереженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ лишается права розничной продажи, а получившее второе немедленно лишается, сверхъ того, и права печатанія объявленій.

Эти „кроткія“ мѣры объяснялись, какъ мы слышали, тѣмъ, что въ розничной продажѣ публикою спрашиваются преимущественно газеты „вреднаго направленія“ и въ тѣхъ же газетахъ частныя лица и общества любятъ печатать объявленія, поощряя тѣмъ зловерные органы.

Вѣроятно, нынѣшній министръ не убѣдился такими высокими доводами и потому исключилъ ихъ изъ своего проекта. О нынѣ проектированныхъ дополненіяхъ мы говорить не будемъ. Мы столько разъ и такъ категорически высказывали наше мнѣніе о значеніи печати, что повторять много разъ сказанное представляется излишнимъ. Не судьба печати въ

данномъ случаѣ и заботить насъ. Печать, по самому своему положенію, не можетъ имѣть другихъ радостей и горестей, кромѣ радости и горя своей страны.

Но, съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ не выразить глубокаго горя нашего. Мѣры, подобныя настоящей, свидѣтельствуя о тяжелой, нездоровой атмосферѣ, въ которой мы живемъ и въ которой приходится дѣйствовать правительству. Диво ли, что оно принимаетъ репрессивныя мѣры, когда кругомъ не слышно ничего, кромѣ доносовъ и кровожадныхъ воплей? Удивительно ли, что оно принимаетъ мѣры самозащиты, когда кругомъ твердятъ объ измѣнѣ, вкравшейся во всѣ слои общества? Удивляться ли, что многіе существенные вопросы будутъ оставаться подъ спудомъ, когда сотни голосовъ вопіють, что отъ прикосновенія къ нимъ рухнетъ государство? Дивиться ли, что единственными „модными“ вопросами являются вопросы объ упраздненіи или сокращеніи совершеннаго императоромъ Александромъ II-мъ, когда тѣ же уста глаголютъ, что эти реформы были уступками вреднымъ направленіямъ?

Вотъ отъ какого кошмара отдѣлаться бы, вотъ какой туманъ разогнать бы, чтобъ во всемъ величій явилась сила царева въ союзѣ съ землею. Тогда все придетъ само собою. Тогда и о пользѣ печати смѣшно будетъ говорить: она будетъ нужна, какъ воздухъ. Тогда можно будетъ повторять прекрасныя слова г. Аксакова, написанныя имъ въ честь покойнаго Государя, въ одну изъ прекраснѣйшихъ минутъ его царствованія, въ 1858 году:

„Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью
Въ честь правды и добра, безъ страха Ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу божью,
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ покрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь Тебѣ готова;
Любовь и истина надежныя всякихъ узъ.
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ Твой союзъ!“

II.

Итакъ, это правда. „Дополненія“ къ правиламъ о печати, о которыхъ мы сообщали по слухамъ, напечатаны въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“.

Читатели помнятъ, что, обсуждая эти „дополненія“ по слухамъ, мы относились къ нимъ, какъ къ послѣдствію тѣхъ условій, въ которыхъ мы живемъ. Вотъ почему мы относились къ нимъ съ тѣмъ спокойствіемъ, какое вообще дается сознаниемъ связи „причинъ и послѣдствій“. Прочитавъ теперь эти предположенія въ видѣ готоваго къ „примѣненію“ закона, мы не могли устранить отъ себя нѣкоторое тяжелое чувство. Бываютъ событія, которыя всѣми предусматриваются, всѣми ожидаются и наступленіе которыхъ, тѣмъ не менѣе, всетаки, производитъ впечатлѣніе неожиданности. Къ числу ихъ принадлежитъ и изданіе новыхъ мѣръ относительно печати. Есть событія, къ которымъ приготовиться всегда трудно.

Оставляя въ сторонѣ всякія чувства, возникающія при чтеніи „дополненій“, остановимся на ихъ практическомъ значеніи и рассмотримъ ихъ съ точки зрѣнія выгодъ, которыя они могутъ доставить правительству. Иной точки зрѣнія въ данномъ случаѣ быть не можетъ: „дополненія“ составлены именно для того, чтобъ вооружить администрацію новыми способами преслѣдованія такъ - называемыхъ „вредныхъ направленій“.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: какими обстоятельствами вызваны новыя карательныя мѣры? Что они находятся въ гармоніи съ общимъ строемъ понятій и стремленій, возобладавшихъ въ послѣднее время, — это не подлежитъ сомнѣнію. Но „понятія“ не всегда соотвѣтствуютъ фактическому положенію вещей, и такое несоотвѣтствіе можно видѣть въ данномъ случаѣ.

Періодическія изданія всегда были во власти администраціи. Дѣйствовать на нихъ путемъ воспрещенія розничной

продажи или печатанія объявленій и частыхъ приостановокъ существовала полная возможность. Существовала она и для совершеннаго прекращенія изданій безъ содѣйствія I-го департамента сената: какъ извѣстно, содѣйствіе этого установленія потребовалось всего одинъ разъ — по дѣлу газеты „Москва“. Съ тѣхъ поръ газеты прекращались неоднократно, но безъ всякаго участія перваго департамента.

Такимъ образомъ, то, что называлось у насъ освобожденіемъ печати, всецѣло сводилось къ той административной *терпимости*, которою печать пользовалась въ одни времена и которую она утрачивала въ другія. Правительство всегда имѣло возможность привести печать въ желательныя для него „границы“ посредствомъ болѣе частаго и энергическаго примѣненія средствъ, находившихся въ его рукахъ. Опытъ недавняго прошлаго свидѣтельствуесть объ этомъ.

При управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, печати дано было больше простора, но не вслѣдствіе того, что *законы* о печати измѣнились (измѣненіе ихъ осталось въ состояніи невыработаннаго проекта), а потому, что графъ Лорисъ-Меликовъ, по обстоятельствамъ, не пользовался слишкомъ широко правомъ административныхъ взысканій. Это кратковременное, фактическое облегченіе печати стали называть состояніемъ ея „распушенности“.

Означенная распушенность прекратилась, однако, довольно быстро со вступленіемъ въ министерство графа Игнатъева. Свидѣтельствомъ тому являются полугодовое молчаніе „Голоса“, полудобровольное прекращеніе газеты „Порядокъ“ и, вообще, такое состояніе изданій однороднаго съ „Голосомъ“ и „Порядкомъ“ направленія, при несовсѣмъ обыкновенномъ торжествѣ изданій направленія противоположнаго, что графъ Игнатъевъ долженъ былъ даже официально опровергать слухи о своихъ сношеніяхъ съ одною изъ здѣшнихъ газетъ направленія „одобрительнаго“.

Во всякомъ случаѣ, изъ „распушенности“ печати въ крат-

ковременный періодъ „новыхъ вѣяній“ едва ли можно было выводить заключеніе о необходимости новыхъ средствъ для борьбы съ „вредными направленіями“. Достаточно было, какъ показалъ опытъ, широкаго примѣненія средствъ существующихъ.

Тѣмъ не менѣе, графъ Игнатъевъ выработалъ проектъ дополненій, сдѣлавшійся, въ измѣненномъ видѣ, закономъ. Можетъ быть, графъ Игнатъевъ призналъ необходимость въ такихъ дополненіяхъ подѣ влияніемъ горячихъ тогда толковъ о „распушенности“ печати въ недавнемъ прошломъ. Но едва ли онъ самъ оставилъ послѣ себя печать „распушенную“. Правда, въ журналахъ, въ послѣднее время министерства графа Игнатъева, замѣчалось нѣкоторое оживленіе, но оно происходило вовсе не отъ льготнаго примѣненія законовъ о печати.

Графъ Игнатъевъ поднялъ много вопросовъ по части такъ-называемой „народной политики“, естественно сдѣлавшейся предметомъ обсужденія въ печати. Каковы бы ни были воззрѣнія разныхъ органовъ на политику графа Игнатъева, но не могли же эти органы проходить молчаніемъ вопросы, подобные питейному, переселенческому, еврейскому не могли они не остановиться на значеніи рѣчи покойнаго Скобелева, на отношеніяхъ Россіи къ Австро-Венгрии и Германіи и т. д. Словомъ, хотя печать не могла возбуждать разныхъ вопросовъ по собственному почину, но само правительство давало ей матеріаль, возбуждая вопросы, признанные „своевременными“.

Такое оживленіе, не представлявшее, какъ кажется, никакихъ опасностей, подало, однако, поводъ кружку „Московскихъ Вѣдомостей“ провозгласить, что „различіе между печатью легальною и подпольною изгладилось.“ Какъ не тревожно казалось такое заявленіе, но все же, кажется намъ, слѣдовало посмотрѣть, въ какое состояніе придетъ печать въ періодъ „затишья“, смѣнившаго болѣе оживленный періодъ такъ называемой народной политики, и когда всѣ вопросы, народные и ненародные, исчезли какъ бы безъ слѣда. Это

положеніе теперь весьма ясно. Если чье-нибудь состояніе можетъ быть опредѣлено словомъ „затишье“, то именно состояніе печати. Кто же не согласится, что болѣе безцвѣтнаго, вялаго, даже скучнаго явленія, какъ нынѣшняя наша печать, не представляла ни одна печать въ мірѣ? Почему это такъ—мы разсуждать не будемъ. Но именно это состояніе печати заранѣе предсказываетъ, что борьба съ нею будетъ, такъ сказать, борьбою безпредметною и что кары могутъ быть налагаемы скорѣе по памяти о прежнемъ „направленіи“ изданій, чѣмъ за нынѣшнее ихъ поведеніе.

Это состояніе печати является весьма рѣзкимъ контрастомъ „дополненіямъ“, нынѣ обнародованымъ. По чрезвычайности правъ, предоставляемыхъ администраціи, можно бы подумать, что печать наша совершаетъ дѣла необыкновенной смѣлости. На дѣлѣ она едва влачитъ свое существованіе.

Для этой печати установлены, однако, мѣры, имѣющія въ виду, главнымъ образомъ, *закрытіе* изданій по усмотрѣнію администраціи. Хотя о закрытіи говоритъ только III-й пунктъ „дополненій“, но, въ существѣ, къ той же цѣли клонится и I-й пунктъ, въ силу котораго редакціи изданій, выходящихъ не менѣе раза въ недѣлю, обязаны, по истеченіи срока пріостановки ихъ послѣ третьяго предостереженія, представлять номеръ ихъ въ цензуру для просмотра не позже 11-ти часовъ вечера наканунѣ выпуска его въ свѣтъ.

Это постановленіе касается, конечно, газетъ. Каждый, кто знакомъ съ условіями изданія большихъ ежедневныхъ газетъ, согласится, что означенное обязательство равносильно отдачѣ ихъ подъ *предварительную* цензуру. Понятно также, что изданіе ежедневной газеты, отъ которой требуется свѣжесть и своевременность извѣстій (получаемыхъ нерѣдко послѣ 11-ти часовъ), при предварительной цензурѣ *невозможно*. Поэтому, если на газету будетъ возложено такое обязательство безсрочно, то издателю ея останется одинъ исходъ—закрытіе изданія, т. е. кончина, въ нѣкоторомъ смыслѣ, „добровольная“.

Но предположимъ, что, по особому снисхожденію министра внутреннихъ дѣлъ, такое обязательство установлено на срокъ и что газета рѣшится его вынести. Какія выгоды протекуть отъ этого для администраціи? Отвѣтъ на это мы находимъ въ возраженіи, сдѣланномъ, какъ мы слышали, противъ открытой отдачи безцензурныхъ газетъ подъ предварительную цензуру. Возраженіе это, какъ говорятъ, состояло въ томъ, что такая мѣра предоставила бы редакторамъ означенныхъ изданій большую *выгоду*. Во все время подцензурнаго своего состоянія они стали бы наполнять газету перепечатками и ничтожными статьями. Такой способъ „наполненія“ газеты былъ бы выгоденъ редакціямъ въ матерьяльномъ отношеніи, а, съ другой стороны, онѣ имѣли бы возможность оправдывать безсодержательность газетъ гнѣтомъ предварительной цензуры, что вызоветъ нареканія на правительство.

Это, во многихъ отношеніяхъ справедливое замѣчаніе вполне примѣняется, однако, и къ мѣрѣ, установленной I-мъ пунктомъ дополненій, потому что фактически она равносильна отдачѣ изданія подъ предварительную цензуру, съ тою только разницею, что газета подцензурная будетъ имѣть возможность высылать хоть какой-нибудь номеръ своимъ читателямъ, а газета, „представляющаяся“ цензору въ одиннадцать часовъ вечера, рискуетъ видѣть свои номера конфискованными цензоромъ, а потому вовсе ничего не дать своимъ подписчикамъ.

Такая перспектива, конечно, побудитъ редакторовъ наполнять номера „перепечатками“ и „ничтожными статьями“. Что касается ссылокъ на гнѣтъ предварительной цензуры, то едва ли ихъ нужно будетъ дѣлать самимъ редакторамъ: выводъ этотъ безъ труда можетъ быть сдѣланъ самими читателями. Впрочемъ, въ наше время этого вывода особенно опасаться нечего: есть у насъ изданія, которыя по поводу каръ, постигшихъ ихъ собратьевъ, воздадутъ хвалу „твердости“ правительственной власти. Увеличить ли такая хвала

дѣйствительный авторитетъ правительства и устранить ли она всякіе упреки въ „подавленіи литературы“ — это другой вопросъ.

Кромѣ косвеннаго пути къ закрытію изданій, „дополненія“ устанавливаютъ еще и другой, прямой. III-й пунктъ „дополненій“ устанавливаетъ особую комиссію изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и обер-прокурора святѣйшаго синода. Ей предоставляется разрѣшать вопросъ о совершенномъ прекращеніи или безсрочной пріостановкѣ изданій, какъ безцензурныхъ, такъ и подцензурныхъ, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ такихъ изданій быть редакторами и издателями какихъ-нибудь другихъ періодическихъ изданій.

Это важное постановленіе требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Во-первыхъ, имъ отмѣняется одно изъ коренныхъ началъ правилъ 1865 года, по которому совершенное прекращеніе изданія, влекущее за собой какъ бы конфискацію правъ собственности издателя, предоставлялось I-му департаменту сената, причемъ этотъ порядокъ допускалъ для издателя возможность защиты и представленія необходимыхъ объясненій. Устраненіе этого начала, конечно, уменьшаетъ число лицъ, которыя рискнули бы помѣстить свой капиталъ въ такое шаткое предпріятіе, какъ изданіе газеты или журнала. Можетъ быть, такое уменьшеніе и очень желательно; но все же желательность чего-нибудь не исключаетъ признанія нѣкоторыхъ довольно полезныхъ принциповъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и *право собственности*.

Во-вторыхъ, вопросъ о прекращеніи или безсрочной пріостановкѣ изданія предоставляется рѣшенію комиссіи, составленной изъ нѣкоторыхъ министровъ, съ допущеніемъ, впрочемъ, участія тѣхъ изъ нихъ, которыми эти вопросы возбуждены. Если вообще признано, что означенная комиссія имѣетъ цѣлью охранять общіе интересы правительства отъ „вредныхъ направленій“, то казалось бы, рѣшеніе подобныхъ

вопросовъ съ бѣльшимъ удобствомъ могло бы быть предоставлено такому установленію, въ которомъ сходятся всѣ представители административныхъ вѣдомствъ и законосовѣщательнаго учрежденія, т. е. комитету министровъ. Между тѣмъ, въ комиссіи представлены интересы только четырехъ вѣдомствъ и даже только трехъ, такъ какъ присутствіе министра юстиціи равносильно присутствію прокуратуры въ разныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Можно сказать даже, что въ комиссіи представлены два вѣдомства, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ засѣдаетъ въ ней, какъ лицо, которому вообще ввѣрено управленіе по дѣламъ печати. Итакъ, два вѣдомства: министерство народнаго просвѣщенія и духовное призваны, на ряду съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, къ рѣшенію судьбы изданій. Почему мнѣніе этихъ вѣдомствъ, а не другихъ признано особенно важнымъ—этого мы, по невѣдѣнію мотивовъ, объяснить не можемъ.

Въ-третьихъ, означенная комиссія не только можетъ прекратить изданіе, но, сверхъ того, воспретить его редактору и издателю быть редакторомъ и издателемъ какого-нибудь изданія. Еслибъ наши законы о печати давали право на редижированіе и изданіе всякому лицу, удовлетворяющему законнымъ условіямъ, мы сказали бы, что комиссіи дается право лишать извѣстныхъ лицъ ихъ гражданскихъ правъ, что вездѣ предоставляется только суду. Но такъ какъ у насъ изданіе газеты или журнала *разрѣшается* министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ отказѣ и разрѣшеніи несвязаннымъ никакими законами, то едва ли это постановленіе можетъ имѣть практическое значеніе. Оно не имѣетъ его, во-первыхъ, потому, что, пока комиссія состоитъ изъ лицъ, закрывшихъ изданіе, они, разумѣется, безъ всякаго о томъ постановленія, не допустятъ редакторовъ и издателей прекращеннаго изданія редижировать и издавать что-нибудь другое. Но, во-вторыхъ, едва ли постановленія однихъ административныхъ лицъ, хотя бы и соединенныхъ въ комиссію, могутъ связывать другія административныя лица, ихъ преемниковъ, потому что они

не только въ правѣ, но обязаны дѣйствовать по обстоятельствамъ *своего* времени. Было, на примѣръ, время, когда г. Аксакову не разрѣшалось издавать „что-либо“; настало другое время, когда г. Аксаковъ признанъ далеко не вреднымъ человѣкомъ. Административное усмотрѣніе однихъ лицъ не можетъ связывать административное усмотрѣніе другихъ. Вотъ почему мы не видимъ, какое практическое значеніе можетъ имѣть означенное „запрещеніе“.

Сверхъ этихъ мѣръ къ прекращенію *изданій*, мѣръ, увеличивающихъ отвѣтственность редакторовъ и издателей, „дополненія“ говорятъ еще о мѣрахъ относительно авторовъ статей. Пунктъ II-й гласитъ:

„Редакціи повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, обязываются, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, сообщать званія, имена и фамиліи *авторовъ* статей, печатаемыхъ въ упомянутыхъ изданіяхъ“.

Само собою разумѣется, что эти „сообщенія“ должны имѣть практическое значеніе и соответствующія послѣдствія. Отвѣтственности редакторовъ и издателей изданій, даже въ формѣ, установленной новыми дополненіями, оказалось мало—она должна простираться и на авторовъ, произведенія которыхъ не подписаны и отвѣтственность за которыя, по прежнимъ законамъ, лежала на редакціяхъ. Въ чемъ будетъ состоять эта отвѣтственность—сказать трудно. Но, при способахъ, которыми нынѣ вооружена администрація, можно предположить, что эта отвѣтственность будетъ весьма разнообразна и настолько сильна, что тѣ, на примѣръ, корреспонденціи, при помощи которыхъ печать имѣла возможность раскрыть многое изъ совершающагося на мѣстахъ, должны будутъ изсякнуть.

По этимъ основаніямъ мы думаемъ, что, еслибъ означенныя дополненія были рассмотрѣны государственнымъ совѣтомъ, какъ оно и слѣдовало бы на основаніи 1-го пун. ст. 23-й его учрежденія, мы не имѣли бы повода писать эту статью.

Въ заключеніе скажемъ, что о новыхъ „дополненіяхъ“ можно судить двояко. Поскольку они являются законодательнымъ актомъ, долженствующимъ опредѣлить судьбы нашей печати на многіе годы впередъ, они не представляются полезными. Но поскольку они выражаютъ настроеніе данной минуты, поскольку въ нихъ выражаются намѣренія администраціи—они очень опредѣлительны.

Судя по нимъ, печать наша вступаетъ въ очень критическій моментъ своего существованія. Какъ она его вынесетъ—сказать трудно. Но сознаніе, что судьба cadaго изданія есть „тяжкій нѣкій шаръ, на нѣжномъ волоскѣ висящій“, что къ судьбѣ изданій примѣшана и личная „судьба“ авторовъ, что противъ тѣхъ и другихъ обвиненіе легко, а оправданіе для нихъ мало возможно—все это, конечно, не будетъ содѣйствовать оживленію „творческой мысли“, отсутствіе которой давно даетъ себя чувствовать и не въ одной печати.

Какъ явится это оживленіе при безмолвіи печати? Излѣчатся ли наши язвы путемъ закрытія нѣсколькихъ изданій? Воспрянутъ ли духовныя силы Россіи безъ нѣкоторой хотя бы свободы слова? Рѣшатся ли внутренніе и внѣшніе вопросы наши при отсутствіи гласнаго ихъ обсужденія? На эти вопросы отвѣтитъ будущее, когда для нынѣшняго времени настанетъ исторія, правдивая и безпристрастная.

Можетъ быть, она и разъяснитъ, что печать не была зломъ и зло происходило не отъ печати.

Г Л А В А X.

Ближайшія задачи нашей печати *).

Когда появились „дополненія“ къ правиламъ о печати, всѣ изданія, за немногими исключеніями, высказались въ смыслѣ неблагопріятномъ для новаго закона. Этотъ фактъ показываетъ, что есть вопросы, по которымъ печать не разбивается на разныя „направленія“; есть желанія, привязанности, симпатіи и антипатіи, которыя присущи всѣмъ и каждому и которыя проявляются каждый разъ, когда близко и глубоко затрогивается какой-нибудь дѣйствительно важный интересъ.

Въ такія минуты хочется спросить: что вообще означаютъ такъ называемыя „направленія“ наши, изъ-за которыхъ ведется литературная борьба, изрекаются слова непримиримой ненависти и даже презрѣнія? Соотвѣтствуютъ ли эти „направленія“ дѣйствительнымъ потребностямъ нашей родины, или же они являются плодомъ отвлеченныхъ и личныхъ представленій объ этихъ нуждахъ? Не являются ли даже эти „направленія“ плодомъ личныхъ неудовольствій, личныхъ счетовъ?

Справедливость требуетъ сказать, что наши „направленія“, дѣйствительно, не всегда возникаютъ на почвѣ реальныхъ нуждъ страны. Мы не поставимъ этого факта на счетъ нашей печати. Направленія ея представляютъ и могутъ представлять нѣчто реальное только тамъ, гдѣ довольно широко развита общественная жизнь и гдѣ органы печати являются

*) Написана въ концѣ сентября 1882 г.

выразителями извѣстныхъ группъ и партій, опредѣленно организованныхъ. У насъ печати часто приходится выражать мнѣніе „партіи“ только предполагаемой, а не проявляющей своего дѣйствительнаго существованія. Это нисколько не умаляетъ значенія печати. Присматриваться къ общественнымъ стремленіямъ въ обществѣ неорганизованномъ и неживущемъ еще политическою жизнью; судить о возникающихъ нуждахъ, о потребностяхъ страны по отдѣльнымъ фактамъ, кое-какъ, чрезъ многія преграды доходящимъ до свѣдѣнія органовъ печати; быть единственнымъ, хотя и неполнымъ выразителемъ этихъ нуждъ—все это дѣло важное и полезное.

Мы говоримъ только, что, при существующихъ условіяхъ печати, чрезвычайно легко придать общественнымъ фактамъ субъективную окраску, чрезвычайно легко *изобрѣсти* „направленіе“ и проводить его съ пагубнымъ для дѣла рвеніемъ, чрезвычайно легко дать волю личнымъ своимъ страстямъ и обосновать на нихъ „направленіе“, не имѣющее не только практическаго, но и теоретическаго значенія.

Вотъ подводный камень, котораго должно избѣгать всегда. Но особенно его должно обойти теперь, когда печать вступаетъ въ весьма критическій моментъ своего существованія и когда необходимо провѣрить свойство „направленій“ тѣми нуждами страны, которымъ должна служить печать.

Намъ кажется, что въ этихъ нуждахъ есть уже нѣчто объединяющее, нѣчто явственное и очевидное, предъ чѣмъ должны бы теперь смолкнуть всѣ направленія, чему должны бы служить всѣ изданія. Оставимъ въ сторонѣ тѣ изъ этихъ изданій, въ которыхъ „направленіе“ замѣняется властолюбіемъ и которыя явственно отреклись отъ печати, объявивъ себя частью администраціи. Такихъ изданій немного: можетъ быть, *одно*; называть его нѣтъ надобности. Обращаясь къ другимъ изданіямъ, безъ всякаго различія ихъ направленій, не найдемъ ли мы какихъ-нибудь точекъ соприкосновенія, допускающихъ сближеніе, несмотря на все различіе „направленій“?

Мы уже указали на одну изъ такихъ точекъ: потребность въ свободѣ печати высказалась въ изданіяхъ самыхъ различныхъ направленій. Но это—вопросъ, касающійся печати непосредственно, кромѣ, конечно, тѣхъ же органовъ, которые спеціально застрахованы отъ всякихъ невзгодъ и имѣютъ во главѣ своей редакторовъ-„лауреатовъ“, имъ же все дозволено. Но не найдемъ ли мы такихъ „нуждъ“, которыя безъ затрудненія могутъ быть названы общими, такъ сказать, всенародными?

Произнося слово „всенародный“, мы, конечно, вспоминаемъ прежде всего о нуждахъ *народныхъ*. Онѣ и должны быть поставлены на первый планъ. Если мы, въ недавнемъ прошломъ, скептически относились къ такъ-называемой „народной политикѣ“, то именно потому, что не считали ее народною. „Народная политика“, въ этомъ недавнемъ прошломъ, разумѣлась какъ совокупность мѣръ, долженствовавшихъ „облагодѣтельствовать“ низшіе классы населенія, поставивъ ихъ въ окончательную *противоположность* классамъ образованнымъ, заподозрѣннымъ во всякихъ противогосударственныхъ и противонаціональныхъ стремленіяхъ.

Мы говорили противъ этой „политики“, во-первыхъ, потому, что, по нашему мнѣнію, здравая народная политика должна обезпечивать и улучшать условія народной *самодѣятельности* путемъ доставленія народу большихъ средствъ защиты его правъ, облегченія финансовыхъ тягостей, на немъ лежащихъ, распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ, а не путемъ прямого благодѣтельствованія. Этотъ путь ненадеженъ, потому что органы власти, призванные благодѣтельствовать на мѣстахъ, часто оказываются не на высотѣ своей задачи; онъ невѣренъ, потому что пути благодѣльствованія не сходятся часто съ дѣйствительными нуждами народа; онъ опасенъ, потому что слагаетъ съ народа всякое попеченіе о своихъ дѣлахъ и возбуждаетъ въ немъ преувеличенныя и неосуществимыя надежды на правительственную заботливость.

Хотите, напримѣръ, ограничить пьянство? Не препят-

ствуйте образованію обществъ трезвости, измѣните роль, которую играетъ акцизъ съ вина въ нашемъ бюджетѣ, дайте широкое развитіе народной школѣ—и большая доля дѣла будетъ сдѣлана. Всегда и во всемъ дѣйствуйте прежде всего способами права и справедливости, полагаясь на практическій смыслъ крестьянъ, которые уже вышли изъ дѣтскаго состоянія. Тѣ же начала должны быть примѣнены и къ другимъ классамъ. Они также имѣютъ свои потребности; они также—часть націи.

Между тѣмъ, „народная политика“ вела къ противоположенію „народа“, какъ „надежнаго“ элемента, образованнымъ классамъ, какъ элементу „ненадежному“ и опасному. Въ то время, какъ говорилось о переселеніяхъ, крестьянскихъ банкахъ и прочемъ, писались тѣ самыя „дополненія“ къ законамъ о печати, которыя нынѣ сдѣлались закономъ, закрывались газеты, проектировались мѣры противъ учебныхъ заведеній, польза образованія подвергалась сомнѣнію и т. д.

Это противоположеніе народа и ненарода, нужды „народныхъ“ и нужды ненародныхъ, представлявшихся прихотями и „подражаніемъ“ Западу, несостоятельно въ самомъ своемъ существѣ. Развѣ желаніе молодого человѣка или женщины получить медицинское образованіе не совпадаетъ съ народною нуждою имѣть побольше медицинской помощи на мѣстахъ? Развѣ желаніе большей гласности не совпадаетъ съ народною нуждою отстаивать свои права и интересы, столь часто нарушаемые на мѣстахъ? Развѣ большее обезпеченіе личности будетъ менѣ пріятно крестьянину, чѣмъ „образованному“ человѣку?

Но это печальное противоположеніе приводитъ къ положительнымъ недоразумѣніямъ. Прошелъ, напримѣръ, слухъ о передачѣ народныхъ школъ въ руки духовенства. Такое намѣреніе, если оно существуетъ, является также однимъ изъ признаковъ „народной политики“. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ оно въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствовало нашимъ

національнимъ условіямъ. Напротивъ, въ немъ можно усмотрѣть подражаніе „Западу“, отъ котораго народная политика отрекается. На Западѣ, въ свое время, духовенство, въ самомъ дѣлѣ, держало въ рукахъ школу и много поработало въ этомъ направленіи. Свѣтская школа выступила, какъ противовѣсъ школѣ клерикальной, и *вырвала* изъ рукъ духовенства народное образованіе. У насъ же, отъ временъ московскихъ и до 1861 года, что было сдѣлано духовенствомъ по части народнаго образованія? И когда съ 1864 года началось земское попеченіе объ этомъ дѣлѣ, у духовенства нечего было отнимать: школы должно было *учреждать*, заводить вновь, браться за дѣло непочатое. Стало быть, у насъ передача школъ въ руки духовенства не будетъ означать торжества „клерикализма“, а явится простою передачей едва возникающаго дѣла классу, который въ теченіи многихъ столѣтій не прилагалъ, по положенію своему, не могъ и не можетъ прилагать много заботъ о школьномъ дѣлѣ. У насъ школа съ самаго начала сдѣлалась свѣтскою и земскою; такую она и должна остаться, если вообще желать распространенія образованія въ народѣ.

Вотъ какія неправильности и недоразумѣнія желали бы мы устранить изъ такъ называемой „народной политики“; тогда она сдѣлается народною въ истинномъ смыслѣ слова.

То, что болѣе всего представляется намъ несоотвѣтствующимъ народному благу, есть именно начало *опеки*, насквозь проникающее эту политику. Весьма естественно, что, по закону соотвѣтствія, начало опеки, примѣненное къ 80% населенія, рикошетомъ отзывается и на прочихъ процентахъ. Когда для 80% признается необходимость „властнаго попеченія“ и „показанія пути“, то и къ прочимъ процентамъ естественно примѣняются то же „попеченіе“ и „показаніе“, хотя и въ другомъ направленіи.

Характеръ и направленіе опеки могутъ быть весьма различны и измѣняются по вѣяніямъ времени. Сегодня на-

родъ можетъ представляться опаснымъ элементомъ, а высшіе классы опорою всего; опека будетъ ограничивать условія народнаго развитія и заводить крупное землевладѣніе на государственныхъ земляхъ, раздаривая или „мѣняя“ ихъ съ явнымъ ущербомъ для государства. Завтра народъ сдѣлается элементомъ устоя и покоя, а высшіе классы источникомъ смуты—опека будетъ благодѣтельствовать народу, безъ особыхъ результатовъ, и ограничивать образованные классы. Можетъ явиться и третья комбинація, выражаемая въ формулѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, что „правительство должно быть вездѣ и во всемъ“, не указывая, впрочемъ, предметовъ для такой всеобъемлющей дѣятельности. Результатъ получается во всѣхъ случаяхъ одинаковый—застой и парализованіе живыхъ силъ страны.

Вотъ результатъ, который намъ хотѣлось бы предотвратить, насколько хватаетъ нашихъ слабыхъ силъ. И когда же говорить объ этомъ, какъ не теперь, когда отечество наше переживаетъ одну изъ самыхъ важныхъ минутъ, отъ которой зависитъ, быть можетъ, все его будущее?

Можно ли успокоиваться на мысли, что народъ, а, вмѣстѣ съ нимъ, и мы готовы вынести все и принести всякія жертвы на благо отечества? Нѣтъ, потому что нужно прежде всего постараться, чтобъ „испытаній“ не было. А это, какъ чувствуетъ каждый, отъ насъ не зависитъ. Въ той трудной политической игрѣ, внѣшней и внутренней, при которой мы присутствуемъ, карты не въ нашихъ рукахъ. Ими обладаютъ разныя невѣдомыя силы, которыхъ не постигаютъ никакая „опека“, никакія запрещенія и ограниченія. Великая страна находится въ какомъ-то осадномъ положеніи, въ какомъ-то ожиданіи чего-то; она чувствуетъ какое-то движеніе, направить которое она не въ силахъ.

Не въ силахъ, какъ показываетъ опытъ, направить его и органы власти. Напрасно нѣкоторыя изданія взываютъ къ „твердости“ власти; напрасно увѣряютъ они, что всѣ задачи будутъ рѣшены, если правительство будетъ „вездѣ и во

всемъ“. Стыдно говорить такія фразы; стыдно вводить правительство въ обманъ. Оно, вѣроятно, и само знаетъ истинную цѣну этихъ словъ; оно знаетъ, что ему физически нельзя быть „вездѣ и во всемъ“; оно знаетъ, что и „твердости“ его есть граница, переходя за которую, оно, вмѣсто порядка, рождаетъ безпорядокъ, а твердость становится жестокостью, всегда бесполезною, а нерѣдко и вредною.

Что же остается дѣлать печати? Стать въ положеніе безучастнаго зрителя, заноса будничные факты, дозволенные къ обнародованію? Эту роль взять на себя мы не въ силахъ. Мы должны раскрывать истинное положеніе вещей; мы должны разъяснять условія, при которыхъ отечество наше можетъ возродиться; мы должны раскрывать грубый обманъ, скрывающійся за фразами о „твердой“ власти и объ ея присутствіи „вездѣ и во всемъ“. Если бываетъ „пошлый“ либерализмъ, то бываетъ и пошлый консерватизмъ. Который изъ нихъ вреднѣе для страны—сказать трудно.

Не состоитъ ли въ этомъ задача всякаго органа печати, сознающаго важность настоящей минуты и умѣющаго поставить интересы родины выше личныхъ пользъ? Можно разсуждать объ отдаленномъ будущемъ Россіи какъ угодно; но нужно стараться, чтобъ для ближайшаго будущаго у насъ оказался запасъ общественныхъ силъ, способныхъ на служеніе странѣ; нужно, чтобъ хотя настоящее оказалось въ нашихъ рукахъ.

Говорятъ, что наше развитіе должно совершаться въ условіяхъ національной самобытности; но самобытное развитіе есть результатъ народнаго *творчества*, а творчеству никогда и нигдѣ не было мѣста при присутствіи правительства „вездѣ и во всемъ“, если не признать, что это „присутствіе“ есть само плодъ „самобытности“.

Говорятъ, что намъ необходимъ гражданскій духъ. Но духъ этотъ есть результатъ непрерывнаго и живого общенія съ государствомъ, а общеніе не можетъ имѣть мѣсто тамъ,

гдѣ государство укрыто въ канцеляріяхъ и существуетъ въ видѣ нѣкотораго отвлеченнаго начала.

Говорятъ объ отчужденіи образованнаго класса отъ народа, но устраняютъ единственное средство къ сближенію— народную школу, опасаясь, какъ бы образованіе не „попортило“ народа.

Жалуются на отсутствіе людей; но люди могутъ выходить при извѣстныхъ условіяхъ и, прежде всего, при тѣхъ, когда они не обезличиваются, еще не вступивъ въ жизнь.

Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, которые должно разъяснить безъ различія „направленій“, каковы бы ни были наши собственные идеалы: западническіе, славянофильскіе, неославянофильскіе или просто „русскіе“. Нельзя же не видѣть, что кое-что необходимо для всѣхъ одинаково, какъ для всѣхъ одинаково необходимы свѣжій воздухъ и здоровая пища.

На это намъ скажутъ, что печать, особенно теперь, не поставлена въ такія условія, чтобъ могла „разъяснять“ особенно многое. Мы отвѣтимъ, что печать должна выполнять свою задачу до конца и въ предѣлахъ возможнаго. Если же теперь условія для нея особенно тяжелы, то они являются поводомъ ограничить личныя стремленія своихъ кружковъ и сосредоточить всѣ свои силы на насущныхъ вопросахъ нашего внутренняго быта.

Г Л А В А XI.

Отвлеченность печати *).

Въ числѣ весьма и весьма многихъ упрековъ, посылаемыхъ по адресу нашей печати, слышится и упрекъ въ ея „отвлеченности“. Печать живетъ въ какомъ-то подвѣздномъ мірѣ; печать не касается насущныхъ и практическихъ вопросовъ; печать живетъ теоріями, которыя измышляются писателями и не имѣютъ прямого отношенія къ нуждамъ и потребностямъ страны. Этимъ объясняется и какой-то пессимизмъ, господствующій въ литературѣ. Онъ свидѣтельствуется не о дѣйствительномъ настроеніи общества, а о личныхъ вкусахъ и взглядахъ авторовъ статей и редакторовъ газетъ и журналовъ.

Мы готовы согласиться, что въ этихъ упрекахъ много вѣрнаго. Мы готовы признать, что печать, въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, не можетъ ни служить практическимъ пользамъ и нуждамъ, ни выражать дѣйствительнаго настроенія общества. Скажемъ больше: съ каждымъ днемъ всякое періодическое изданіе (если оно не имѣетъ мужества „занимать“ публику скандалами, бранью и порнографическими сценами) все болѣе и болѣе задумывается надъ вопросомъ: какъ и въ чемъ можетъ оно служить своему отечеству? Оно само чувствуетъ, какъ нѣкоторая сила влечетъ его въ область отвлеченностей и какъ оно само обращается въ собраніе теоретическихъ „разсужденій“, съ одной, и въ хронику „невинныхъ фактовъ“, съ другой стороны.

*) Относится къ срединѣ января 1883 г.

Но что-же съ этимъ дѣлать? Задаемъ этотъ вопросъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы „оправдывать“ печать, но потому, что очень сомнѣваемся въ выгодахъ такого ея состоянія для страны. Полезно-ли для страны, чтобъ все, происходящее въ ней — готовящіяся законы, предполагаемая мѣры, событія, факты изъ жизни общественной и народной--проходило безъ всякаго обсуждения? Думаемъ, что нѣтъ. Между тѣмъ, всякому прикосновенному къ дѣлу печати достаточно извѣстно, съ какою трудностью она можетъ спускаться съ высотъ теоретическихъ разсужденій „о предметахъ вообще“ къ предметамъ осязательнымъ и имѣющимъ прямое отношеніе „къ пользамъ и нуждамъ“.

Поясимъ нашу мысль нѣкоторыми примѣрами, достаточно, по нашему мнѣнію, убѣдительными. Каждый признаетъ, что уваженіе къ *изданному* закону является одною изъ первыхъ и несомнѣнныхъ гражданскихъ обязанностей. Для поддержанія духа законности въ обществѣ, полезно и даже необходимо поставить законодательную дѣятельность въ такія условія, чтобъ всякій законъ могъ быть предметомъ преній, споровъ и возраженій *до* окончательнаго его разсмотрѣнія и утвержденія. Пусть всѣ мнѣнія высказываются до тѣхъ поръ, пока будущій законъ существуетъ въ видѣ *предположенія*, намѣренія, проекта, т. е. пока сама законодательная власть, убѣдившись, можетъ быть, доводами возражателей, можетъ измѣнить свое намѣреніе вообще или въ частностяхъ. Это можетъ быть сдѣлано безъ всякаго ушерба для достоинства власти и силы закона.

Къ величайшему сожалѣнію, у насъ весьма часто встрѣчаются явленія противоположныя. Очень часто печать получаетъ возможность говорить о законѣ тогда, когда онъ уже приводится въ дѣйствіе, т. е. приходится разсуждать о фактѣ совершившемся.

Понятно само собою, что въ каждомъ дѣлѣ рукъ челоуѣческихъ могутъ быть недостатки; понятно также, что составители закона могутъ увлечься своими любимыми мы-

слями, даже своими мечтами и совершенно искренно впасть въ крайности, которыя могли-бы быть предупреждены при предварительномъ и гласномъ обсужденіи вопроса.

По изданіи закона, печати приходится критиковать уже не предположенія, которыя могли-бы быть измѣнены, но самый законъ, исполненіе котораго лежитъ на обязанности всѣхъ и cadaго. Такая задача не только щекотлива, но даже затруднительна по очень понятнымъ обстоятельствамъ.

На это могутъ возразить, что иногда бываетъ желательно провести законъ въ нѣкоторой тайнѣ и тѣмъ устранить возможность предполагаемой оппозиціи. Этого возраженія мы не можемъ признать серьезнымъ.

Во-первыхъ, говорить объ „оппозиціи“ при условіяхъ нашего быта серьезно нельзя. Тѣмъ менѣе можно говорить объ оппозиціи въ рядахъ печати. Она не имѣетъ ни официального значенія, ни голоса въ законосовѣщательныхъ учрежденіяхъ. Все, что она можетъ сдѣлать—это высказать свое мнѣніе по мѣрѣ своего разумѣнія; но воспрепятствовать чему-нибудь она ни правъ, ни возможности не имѣетъ.

Во-вторыхъ, слухи о готовящейся законодательной мѣрѣ, такъ или иначе, проникаютъ въ общество, и тайна, которою окружена эта мѣра, невольно наводитъ на предположеніе о невыгодныхъ ея сторонахъ. Общество невольно вспоминаетъ, что законодательныя мѣры, которыми гордится Россія, были предметомъ всесторонняго и гласнаго обсужденія. Таковы реформы крестьянская, судебная, земская. Такъ и въ настоящее время юридическія общества и печать приглашены содѣйствовать разработкѣ уголовного и гражданскаго уложеній. Напомнимъ еще о проектѣ податной реформы, предложенной въ 1871 году на обсужденіе земскихъ собраній и вызвавшей горячіе толки въ печати. Напоминаемъ объ этомъ примѣрѣ потому, что онъ именно показываетъ, какъ мало можетъ быть стѣснена у насъ свобода правительственнаго дѣйствія мнѣніями печати и общественныхъ собраній: вопросъ о податной реформѣ съ 1871 года не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Итакъ, всякая тайна въ законодательныхъ работахъ по предметамъ важнымъ представляетъ ту невыгоду, что наводить на предположенія не въ пользу проекта. Въ наше время эти предположенія тѣмъ возможнѣе, что безусловнаго молчанія нельзя достигнуть въ самой печати. Если по поводу проекта молчатъ однѣ газеты, то громко говорятъ другія, въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, и клики послѣднихъ не всегда способны привести общество въ радостное настроеніе.

Поэтому, законъ съ самаго начала встрѣчается съ предубѣжденіемъ, можетъ быть, неосновательнымъ. Общество сразу становится на точку зрѣнія, неблагопріятную для закона. Не говоря уже о прочемъ, обратимъ вниманіе на одну сторону дѣла, которая часто упускается изъ вида. Всякій государственный законъ, по самой своей природѣ, заключаетъ въ себѣ элементъ принужденія. Это не обычай, воспринимаемый человѣкомъ подъ вліяніемъ примѣра и привычки; это не нравственный законъ, воспринимаемый свободнымъ сознаніемъ человѣка; это приказъ, приводимый въ дѣйствіе внѣшнею силою.

Поэтому, одною изъ задачъ мудрой политики является ослабленіе, насколько это возможно, такого принудительнаго, внѣшнеприказнаго характера закона. Достигается же это тѣмъ, что всякій законъ, пока онъ находится въ состояніи предположенія и проекта, дѣлается предметомъ общаго обсужденія, всякихъ споровъ и толковъ. Тогда законъ *изданный* является какъ бы плодомъ общаго сознанія; по крайней мѣрѣ, даже у тѣхъ, чьи мнѣнія не были уважены, остается утѣшеніе, что они не были лишены возможности высказать свое убѣжденіе, защищать свои интересы и служить пользамъ отечества такъ, какъ они ихъ понимаютъ.

Укрѣпляется-ли сила законовъ, проведенныхъ въ особенной тайнѣ и внѣ всякаго обсуждения? Думаемъ, что нѣтъ. Наша русская исторія представляетъ тысячу примѣровъ, что законы, не соображенные съ общимъ сознаніемъ и не провѣренные предварительно разными мнѣніями, оставались *мер-*

твою буквою. Сама жизнь парализовала их примѣненіе, или же передѣлывала ихъ по своему.

Иначе говоря, такіе законы переходили въ область *отвлеченія*. И такихъ законовъ было много. Для того же, чтобы ихъ не было теперь и впредь, нужно постараться, чтобы печать вышла изъ своего „отвлеченія“, не всегда добровольнаго. Въ противномъ случаѣ, „отвлеченность“ печати будетъ рождать и отвлеченность законодательства, и это будетъ хуже отвлеченности печати.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. ГЕРШУНИНА И КО.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

выходить въ свѣтъ отдѣльными самостоятельными книжками
(2—15 листовъ in 8°).

Общеобразовательная бібліотека состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: научнаго и беллетристическаго. Въ нее входятъ произведенія лучшихъ авторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Редація „Общеобразовательной бібліотеки“ ставитъ свою задачу знакомить русскаго читателя въ отдѣльныхъ монографіяхъ съ выдающимися моментами исторіи культуры и съ современными вопросами науки, литературы и общественной жизни.

Обращается особое вниманіе на общедоступность изложенія.

№№ 9, 10, 11, 12 и слѣдующіе выходятъ подъ редакцію Н. А. Рубанина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- № 1. Проф. Оскаръ Гертвигъ. Успѣхи біологіи въ XIX в. Ц. 25 к.
* № 2. Брайсъ. Гладстонъ. Ц. 25 к.
№ 3. Гауптманъ. 1) Бобровая шуба. 2) Красный пѣтухъ (пьесы). Ц. 50 к.
№ 4. Оболенскій Л. Е. Научныя основы красоты и искусства. Ц. 75 к.
№ 5. Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ. Пауль Ланге и Тора Парсбергъ (пьеса) Ц. 35 к.
№ 6. Зудерманъ. I) Родина (драма). II) Да здравствуетъ жизнь (пьеса). Ц. 75 к.
* № 7. Прив.-доц. Аренсъ. Химія въ XIX вѣкѣ. Ц. 25 к.
№ 8. Беранже. Интеллигентные пролетаріи во Франціи. Ц. 60 к.
** № 9. Пирсторфъ. Женскій трудъ и женскій вопросъ. Ц. 50 к.
* № 10. Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Ц. 35 к.
№ 11. Гольдштейнъ, М. Ю. Основы философіи химіи. Ц. 75 к.
№ 12. Проф. Адлеръ. О безработицѣ. Ц. 60 к.
№ 13. Лангглюа. Инквизиція. Ц. 40 к.
№ 14. Проф. Алоизій Риль—Джордано Бруно. Цѣна 30 к.
№ 15. Каролль Райтъ. Промышленная исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ц. 1 р.
* № 16. Реклю. Срединная имперія. Цѣна 90 коп.

* Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ учебныя, старшаго возраста, бібліотеки, среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.
** въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

у Товарищества „Общественная Польза“

С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 39.

Отдѣльные выпуски „Общеобразовательной Библіотеки“ продаются во
всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Книготорговцамъ обычная скидка.